99 3/60

2772

99 3/60

ЗАПИСКИ

АЛЕКСАНДРЫ ФУКСЪ

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЩАПОВА БИБЛІОТЕКА

О

ЧУВАШАХЪ и ЧЕРЕМИСАХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

КАЗАНЬ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1840.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 12 Февраля 1840 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

И. Снегиревъ.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 39962
12-V-1925.
БИБЛІОТЕКА.

ЗАПИСКИ

О

ЧУВАШАХЪ.

Чебоксарскаго уѣзда деревня Липовка.

Какъ мнѣ было несносно разстаться съ вами, милые друзья мои. Кажется, двухъ-недѣльная разлука не очень продолжительна, но мнѣ такъ грустно, такъ скучно, какъ будто бы я разсталась съ вами на годъ. Сердце женское, особенно материнское, никуда негодится; съ нимъ ничего не сдѣлаешь: тоскуетъ, да и только. Я воображаю, что мое описаніе Чувашъ будетъ очень жалкое. Можетъ быть, я принимаюсь не за свое дѣло; но я рѣшилась, дала тебѣ обѣщаніе, и исполняю его съ удовольствіемъ. Правду сказать, пора уже перестать забавлять многихъ своими стихами и водевилями; надобно что нибудь написать и для людей серьезныхъ.

Какъ мнѣ вчера было досадно, что я немогла вечеромъ переѣхать Волгу и должна была ночевать на берегу; и сего дня рано переправилась при большомъ вѣтрѣ. Переѣхавъ Волгу, я пустилась въ путь съ намѣреніемъ кормить лошадей на станціи, тамъ отдохнуть и отобѣдать въ хорошей комнатѣ; но моему кучеру разсудилось ѣхать далѣе, и онъ меня привезъ въ Липовую деревню къ моему старому знакомцу, Чувашину. Я очень досадовала входя въ запачканную избу; но черезъ четверть часа сказала, что нѣтъ худа безъ добра: я сверхъ ожиданія могла здѣсь описать двѣ Чувашскія пирушки, на которыхъ присутствовала, какъ первая гостья.

Хозяинъ, мой старый знакомецъ, Чувашинъ зажиточный, чему могутъ служить доказательствомъ новыя столярной работы ворота. Не бывши у него въ домѣ два года, я нашла большую перемѣну: прибавлены четыре новыя амбарушки, выстроена большая изба, и сынъ, который третьяго года былъ мальчишкой, уже женатъ на красивой Чувашкѣ, съ прекрасными

жемчужными зубами. Молодая моя хозяйка очень хорошо говоритъ по Русски, и мы съ ней скоро познакомились. Она повела меня изъ избы въ одну изъ новыхъ амбарушекъ, которая была выметена, прибрана опрятно, — и просила меня остановиться тутъ, а не въ избѣ, гдѣ они уже варили къ обѣду салму (яшку) и надымили дотого, что невозможно было дохнуть. Я Катерину (такъ зовутъ молодую) хотѣла угощать своимъ обѣдомъ, но она не могла остаться, потому, что должна была идти въ гости къ своей теткѣ. Катерина только дней десять, какъ вышла за мужъ и еще не дѣлала церемонныхъ визитовъ своимъ родственникамъ; а въ этотъ день собиралась въ первый разъ къ теткѣ своего мужа, гдѣ ее ожидали гости. Я очень обрадовалась такому случаю и просила Катерину взять меня съ собой. Она съ удовольствіемъ согласилась, и тотчасъ повела меня въ другую амбарушку, которую она занимала съ супругомъ. Я вошла туда и удивилась: вездѣ было чисто. На деревянной кровати, сдѣланной изъ досокъ, послана довольно мягкая перина, двѣ подушки, на подушкахъ наволки изъ

синей клѣтчатой пестряди, въ углахъ стояли три кадки съ крышками и съ замками; это были сундуки съ ея приданымъ. Въ головахъ кровати сдѣланъ сусекъ, разгороженный на три части; въ каждомъ отдѣленіи былъ насыпанъ разный хлѣбъ: рожъ, ячмень и овесъ. Для чего ты не живешь въ порожней амбарушкѣ, а расположилась въ амбарѣ съ хлѣбомъ? спросила я Катерину; она отвѣчала, что эти сусеки, нарочно сдѣланы и насыпаны хлѣбомъ къ свадьбѣ. У Чувашъ всегда помѣщаютъ молодыхъ въ амбарахъ съ хлѣбомъ, чтобы жить богато и въ изобиліи. Катерина открыла одну кадку съ приданымъ и начала наряжаться. Я выпросила позволеніе посмотрѣть ея приданое; она безъ отговорокъ отперла всѣ кадки. Признаюсь, я удивилась порядку, съ какимъ уложено приданое: всѣ принадлежности къ Чувашскому женскому костюму были завернуты порознь въ чистыя полотенца, перевязанныя разноцвѣтными тесемочками; все такъ чисто и бѣло, что можно полюбоваться. Катерина нарядилась красиво, надѣла шелкомъ вышитую рубашку, фартукъ вышитый богато, обвѣшалась разными украше-

ніями изъ пронизокъ, на голову надѣла кашпу, обшитую фальшивыми монетами, болѣе оловянными, взяла съ собой шитое полотенце, для подарка теткѣ, и мы отправились съ ней на пирушку.

У воротъ теткина дома встрѣтилъ насъ старикъ Чувашинъ (вѣроятно Іомза) съ ковшемъ пива, въ который положилъ серебряную мѣлкую монету, а Катерина встала предъ нимъ на одно колѣно, взяла у старика изъ рукъ ковшъ, прихлебнула три раза, вынула изъ него деньги, встала и два раза передъ Чувашиномъ присѣла, сгибая одно колѣно, вотъ точно такъ, какъ дѣлаютъ реверансъ деревенскія барышни. Мы всѣ вмѣстѣ вошли въ избу, и всѣ гости тотчасъ встали. Молодая подошла къ хозяйкѣ теткѣ, встала передъ нею на колѣна и подарила полотенцемъ. Тетка налила ковшъ пива, положила туда полтинникъ и поднесла молодой; молодая выпила все пиво, и, по прежнему, два раза присѣла. Потомъ молодая начала подносить пиво сама, становясь передъ каждымъ гостемъ на колѣна; всѣ клали ей въ ковшъ

деньги, даже мѣдныя, и молодая каждому дѣлала по два реверанса. Окончавъ эту церемонію, всѣ сѣли по мѣстамъ, молодую посадили въ почетное мѣсто между женщинами у печи, мущины всѣ сѣли впереди за столомъ. Тутъ же въ избѣ готовилось кушанье и потому было очень дымно; Чувашки безпрестанно протирали себѣ глаза и кашляли, а Чуваши вздыхали.

Началось угощеніе: передъ женщинами и мущинами на столахъ поставили по круглому пирогу, по большому блюду каши и яицъ. Аппетитъ у Чувашъ превосходной: даже кашу ѣли съ хлѣбомъ.

Послѣ обѣда началась новая церемонія: хозяйка принесла и поставила на столъ къ мущинамъ пребольшую чашку пива и штофъ вина. Въ это время всѣ встали и стояли тихо на своихъ мѣстахъ; молодая и шесть дѣвокъ вышли на средину избы, къ нимъ присоединилось столько же женщинъ. — Катерина и женщины встали на колѣна, а дѣвки наклонились только въ половину спины. Хозяйка налила и поднесла ста-

рику Чувашину; онъ подошелъ къ молодой и началъ ей говорить. Чувашинъ, сидѣвшій подлѣ меня, переводилъ мнѣ по Русски.

Дай тебѣ Тора щастья и здоровья!

Дай тебѣ Тора полонъ дворъ птицъ и скотины!

Дай Тора тебѣ долгой жизни!

Дай тебѣ Тора дѣтей — и дождаться внучатъ!

Дай Тора, чтобы невѣстка твоя тебѣ покорилась, также какъ ты должна теперь покориться свекру и свекрови!

Живи тихо и смирно, бойся и люби мужа! — Сказавъ это нравоученіе, старикъ положилъ Катеринѣ на голову руку, потомъ отошелъ и всталъ за столомъ на свое мѣсто. Хозяйка опять начала подавать пиво гостямъ, по старшинству. Во время этаго потчиванья, всѣ гости стояли на ногахъ, а молодая съ Чувашками среди избы на колѣнахъ.

За чѣмъ же вмѣстѣ съ молодой стоятъ на колѣнахъ и другія Чувашки? спросила я моего сосѣда: Онѣ ей помогаютъ: одной среди избы стоять стыдно, отвѣчалъ онъ. По окончаніи подчиванья, гости сѣли, на колѣнахъ стоявшія встали просто, а молодая присѣдала. Вотъ и конецъ праздника.

Пойдемъ еще въ гости, сказала мнѣ Катерина, провожая меня домой; здѣсь подлѣ нашего двора богатая помочь, вчера днемъ работали, вечеромъ пили, ѣли и плясали съ гуслями и съ пузырями, а сего дня допиваютъ пиво старики и старухи — отцы ихъ и матери. Съ большимъ удовольствіемъ я согласилась на ея предложеніе, и мы вошли въ такую же дымную избу. Я нашла довольно гостей, стариковъ и старухъ до 20 и столько же дѣтей, отъ 8 до 12 лѣтъ; — всѣ сидѣли за большимъ столомъ, а хозяинъ и хозяйка ихъ угощали. Хорошо угощеніе! посмотрѣла я: на столѣ стояло пребольшое блюдо ячной каши, и всѣ гости уписывали ее съ хлѣбомъ. Пиво жидкое, какъ вода, лилось обильною рѣкою... Меня также посадили

за столъ и требовали непремѣнно, чтобы я выпила пива, но когда я рѣшительно отказалась; то одинъ Чувашинъ такъ сильно на меня разсердился, что даже громко закричалъ: *Ты, „матушка, больно черемонна, вѣдь ты не „Царь, и Царь бы отвѣдалъ. Мой сынъ слу„житъ въ гвардіи, всякой день Царя видитъ“* Нечего дѣлать, должна была взять въ руки нечистый ковшъ и два раза хлебнуть предурнаго пива. — Когда подносили пиво дочь и сынъ хозяевъ, то въ это время всѣ сидѣли; а когда хозяинъ съ хозяйкой начали подносить сами, то всѣ, кто помоложе, вышли на средину избы, наклонились въ поясъ и въ такомъ положеніи находились до тѣхъ поръ, пока хозяйка обнесла пивомъ всѣхъ гостей; этимъ они дѣлаютъ почтеніе хозяевамъ, старикамъ и старухамъ. Старики и старухи отправились домой, а намѣсто ихъ сѣли за столъ ребята и въ нѣсколько минутъ каши въ блюдахъ не стало.

Послѣ двухъ Чувашскихъ пировъ, Катерина пообѣдала у меня въ третій разъ. — Уже пять часовъ, лошади готовы: сей часъ отправляюсь въ Исенево.

Чебоксарскаго уѣзда деревня Исенево.

Я такъ занялась въ Липовой деревнѣ Чувашами, что пробыла тамъ до пяти часовъ, и потому въ деревню моего брата пріѣхала очень поздно. Проснулась сего дня въ шесть часовъ, и пошла въ садъ, гдѣ я бѣгала, бывши еще ребенкомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ такъ рѣзки, что я помнила каждое дерево, кусточки, цвѣтники; но увы! всеистребляющее время все уничтожило до жалости. Мнѣ сдѣлалось очень грустно, грустно до слезъ; но я вспомнила о васъ, друзья мои, и мнѣ стало отраднѣе. Возвратясь въ комнату, я нашла тамъ старосту, старостиху и съ полдюжины старухъ, которыя помнятъ меня ребенкомъ. Поговоривъ съ ними полчаса, я перемѣнила планъ своего путешестія, и поѣздку въ Чебоксары отложила до осени, а эти три недѣли пробуду здѣсь. — Не назови этотъ поступокъ вѣтренымъ; на это есть очень основательныя причины: деревня Исенево

стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги и окружена одними Чувашами. Проѣздъ Русскаго мужика здѣсь диковина. Здѣсь вглуши Чувашскіе обряды совершаются гораздо смѣлѣе, нежели въ деревняхъ, лежащихъ при большихъ дорогахъ, особенно семикъ; а мнѣ его — то и надобно. Смотрѣть Чувашскія поминки въ семикъ отправляюсь верстъ за 10; сей часъ дала порученіе старостѣ привести ко мнѣ, изъ его знакомыхъ, двухъ Чувашъ, которые поумнѣе.

Сей часъ я возвратилась съ прогулки, ходила въ рощу, гуляла по деревнѣ и удивлялась, какъ деревня моего брата очувашилась; всѣхъ мужиковъ, которые мнѣ попадались на встрѣчу, я принимала за Чувашъ, не только по ихъ костюму, но по манерамъ, по походкѣ и по физіономіи лицъ: — всѣ лица совершенно Чувашскія. Во всей деревнѣ вы не найдете ни одной Русской окладистой бороды; всѣ бороды, какъ у Чувашъ, маленькія, клочкомъ, составленнымъ изъ нѣсколька волосъ, и каждый мужикъ и женщина такъ хорошо говоритъ по Чувашски, какъ на своемъ природномъ языкѣ.

Вечеромъ староста привелъ ко мнѣ двухъ Чувашъ, по его мнѣнію, очень умныхъ. Я съ ними тотчасъ познакомилась. Одинъ изъ нихъ, большой говорунъ, расказывалъ мнѣ про Чувашской бытъ съ многими прибавленіями. Другой, напротивъ, молчалъ, и лукаво улыбался надъ болтливостію своего товарища. Но ты знаешъ, что я не пишу того, чего не увижу своими глазами, или не узнаю навѣрное.

Исенево 21-го Іюня.

Два мои чичизбея пріѣхали ко мнѣ въ пять часовъ утра, а въ шесть мы отправились верстъ за десять на Чувашское кладбище, гдѣ уже нѣсколько тѣлегъ, раставленныхъ въ порядкѣ у лѣсочка, стояли съ съѣстными припасами. Во всякой телегѣ по боченку пива, а у нѣкоторыхъ по маленькому боченку, или по штофу вина. — Черезъ часъ множество телегъ стояло одна подлѣ другой. Долго наблюдалась тишина и молчаніе. Наконецъ четыре старика, Іомзы, вышли изъ толпы и остановились на срединѣ кладбища. Мущины и женщины окружили ихъ. Ста-

рики начали читать свою молитву, испрашивая у Торы успокоенія усопшимъ; старики встали на колѣна, всѣ присутствующіе сдѣлали тоже. По окончаніи молитвы, каждый пошелъ къ своей телегѣ и вынувъ оттуда привезенное съ собою питье и кушанье, относили каждый къ могилѣ своего роднаго. У всякой могилы въ ногахъ вколачивали палку, длиною аршина въ три, и къ ней привѣшивали бѣлые платки, или длинныя полотенца. Потомъ разстилали у могилъ нѣсколько аршинъ холста, всякой, по своему состоянію, а бѣдные по маленькому лоскуточку. Тутъ ставили по двѣ большія деревянныя чашки, и въ одну изъ нихъ выкладывали всѣ съѣстные припасы и кушанья, которыя не были очень затѣйливы: каравай хлѣба, пшеничныя или ячныя калабашки, ватрушки изъ творогу, сырчики, каша; рѣдко у кого кусокъ баранины составлялъ роскошное угощеніе покойникамъ. Боченки пива и вино также поставили всѣ подлѣ могилы: у всякой могилы въ одно время началось поминанье, по ихъ старинному обряду. Начиная отъ старшаго до 8 лѣтняго ребенка по очереди, отламывали отъ всякаго

кушанья по куску, и, по одному разу откусывая, говорили эти слова: – „мы поминаемъ васъ, ничего не жалѣемъ для васъ, молимъ Тору за васъ; но вы за то будьте смирны, не бранитесь въ могилахъ, не безпокойте насъ, не ходите къ намъ!“

Чуваши всѣ увѣрены, что покойники могутъ приходить въ свои дома, особенно тѣ, которые во время жизни были злы и безпокойны. Чуваши боятся тѣхъ покойниковъ, которые бываютъ очень безобразны, полагая, что эти люди были тайно колдунами, и будутъ непремѣнно выходить изъ могилъ и продолжать свое чародѣйство. Въ такихъ случаяхъ некрещеные Чуваши до того бываютъ боязливы, что гроба безобразныхъ покойниковъ заколачиваютъ очень крѣпко, иногда на гробъ набиваютъ желѣзные обручи; а самимъ покойникамъ, вколачиваютъ подъ сердце и въ подошвы большіе желѣзные гвозди, воображая, что этимъ способомъ они запретятъ выходить имъ изъ гробовъ. Поминовеніе Чуваши считаютъ лучшимъ средствомъ умилостивить покойниковъ и заставить ихъ быть

смирными. Отъ этаго у нихъ поминки считаются необходимостію.

Такимъ образомъ, откусывая отъ всякаго кушанья, умоляли покойниковъ быть смирными, а оставшіеся куски клали въ другія пустыя чашки; тоже дѣлали съ виномъ и съ пивомъ, отпивая понемногу съ прежними словами и выливая въ тѣже чашки, куда клали закусанные куски. По окончаніи этой церемоніи, кушанья и хлѣбъ, оставшіеся цѣлыми, клали на разостланномъ холстѣ, на правомъ боку могилы, а кусочки, смѣшанные съ пивомъ, изъ чашекъ выливали на могилы, и говорили покойникамъ, показывая на привѣшанныя къ палкамъ полотенца: „вставайте ночью, ѣште досыта, и вотъ вамъ полотенца утираться.“ — Въ головахъ могилъ клали рубахи, онучи, лапти; а богатые, даже и поношенные кафтаны. — Всегда разговариваютъ съ покойниками, какъ бы съ живыми.

Послѣ такой монотоніи, началась ужаснѣйшая попойка; привезенное пиво и вино пили немилосердно и перепились до того, что чрезъ

часъ сборище Чувашъ походило на что-то неистовое: гусли, балалайки, пузыри, начали дѣйствовать безумолку. — Чуваши еще были сносны, но женщины до того отвратительны, что невозможно принудить себя смотрѣть на нихъ. Пьяныя Чуваши плясали, обнимали другъ друга, увѣряя въ дружбѣ, а иные горько плакали. Но иныя женщины, ахъ несносныя! оставались при могилахъ, и мертво пьяныя, растрепанныя, дѣлали разныя проказы, выли необыкновенными голосами, кидались на могилы и рвали на себѣ волосы; потомъ неожиданно вставали и начинали плясать, щелкать пальцами и били въ ладоши также съ крикомъ; снова упадали на могилы и рыдали. — Тѣ женщины, которыя были недовольны своими покойными мужьями, свекромъ, свекровью, или кѣмъ нибудь изъ родныхъ, топтали могилу, бранили покойниковъ самыми дурными словами; плевали, вколачивали въ могилу колья, и дѣлали разныя отвратительныя непристойности. Я не могла смотрѣть долѣе на такое непріятное зрѣлище, — пошла къ ближнимъ кустарникамъ, и тамъ нашла Русскихъ мужиковъ и бабъ, которые пріѣхали за 10 и за

15 верстъ не посмотрѣть Чувашскіе поминки, но послѣ поминокъ собирать оставленное покойникамъ.

Я долго разговаривала съ Русскими и удивлялась, какъ они рѣшаются отнимать у мертвыхъ, ѣсть и носить брошеное на могилахъ; они мнѣ отвѣчали, что этотъ обычай ведется изстари. Богатые берутъ хлѣбъ и куски для скотины, рубашки и холстъ на вѣтошки; а бѣдные ѣдятъ и носятъ сами. Однакожъ ѣсть и носить что-либо самимъ съ Чувашскихъ могилъ считается между Русскими мужиками предосудительнымъ, и даже считается бранью, когда скажутъ:„ *ты видно и пьлъ съ мазарокъ*, или, *на тебѣ, видно, и рубашка съ Чувашскихъ мазарокъ.*

Пьянство, гайканье, вопли и музыка Чувашъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока не было выпито все пиво. Осушивъ бочки, они всѣ разошлись по домамъ, а Русскіе тотчасъ бросились къ могиламъ, забрали все, поклали на телеги и съ полными возами отправились обратно.

Исенево 28-го Іюня.

Я пять дней къ вамъ не писала. Это оттого, что дѣлала маленькое путешествіе, для богомолья: была въ Цивильскѣ, въ Ишакахъ, молилась за васъ, и такъ усердно, что даже непозволила себѣ заниматься и Чувашами.

Третьяго дня я возвратилась, а вчера была на главномъ Чувашскомъ моленьи, которое Черемисы называютъ *Суремъ* или *Шуранъ*, а Чуваши *Синзя*. Этотъ праздникъ бываетъ всегда предъ Петровымъ днемъ, и оттого у Чувашъ называется и *Петровымъ праздникомъ*. — Синзя продолжается недѣли три, или, лучше сказать, все время, пока цвѣтетъ хлѣбъ. — Въ продолженіе этого времени Чуваши ничего не работаютъ, даже считаютъ за невозможность рыть для чего нибудь землю, полагая, что всякая работа можетъ повредить хлѣбному цвѣту: только не считается за грѣхъ драть лыки; и потому всѣ Чуваши въ продолженіе Синзы занимаются этой безгрѣшной работой. По окончаніи Синзы,

совершается моленіе, на которомъ я вчера была. Это точно тоже, что Черемисское моленье во время Сурема, съ небольшими измѣненіями, но также продолжительно. За недостаткомъ въ окружности лѣсу, всегда дѣлается въ оврагахъ, или въ дикихъ долинахъ.

Я вчера поѣхала на моленье въ 10 часовъ утра, и застала начало всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ: верстъ за 8 отъ Исенева при дубравѣ, въ оврагѣ было устроено мѣсто для моленья, куда деревень съ десяти съѣхались Чуваши, одни безъ женщинъ. Я пріѣхала въ то время, какъ вѣшали котлы, носили воду и приготовлялись колоть назначенную на жертву скотину; нѣсколько коровъ, десятка два барановъ, и разныя домашнія птицы были приготовлены для колотья. Всѣ эти животныя покупаются на собранныя для богомолья, съ десяти деревень, деньги и безъ малѣйшаго торга; что продавецъ запроситъ, то и даютъ, а торговаться въ покупкѣ чего нибудь, для моленья, почитаютъ за большой грѣхъ.

Когда котлы были привѣшены и вода прине-

сена, тогда четыре старика вышли на средину долины, и начали читать молитву, прося Тору, чтобы онъ благословилъ ихъ жертвы. Всѣ присутствующіе также стояли съ умиленіемъ и шептали. По окончаніи этой коротенькой молитвы; четыре старика пошли къ скотинѣ, нѣсколько Чувашъ понесли за ними въ ведрахъ воду. Старики брали у Чувашъ по ведру воды и выливали на спину каждой коровѣ и барану. Корову и барана, которые, при облитіи водою, вздрагивали, или встрепенулись, отводили на особенное мѣсто, а тѣхъ, которыя стояли покойно, оставляли на мѣстѣ. Птицъ всѣхъ отнесли туда же, гдѣ была помѣщена встрепенувшаяся жертва. . . . Чуваши полагаютъ, что скотина, которая послѣ обливанія водою, стоитъ смирно, есть нечистая и недостойная для жертвы; и эту смирную скотину никогда не заколютъ въ свои праздники.

Послѣ испытанія водою, началось ужасное кровопролитіе: нѣсколько Чувашъ принялись колоть трехъ коровъ, барановъ и множество птицъ, сдирали кожи, вынимали внутренности; щипали

перья. Это все дѣлалось очень скоро; однакожъ я немогла видѣть этой сцены, и пришла на кровавую площадку уже по окончаніи. Мясо, изрубленное въ большіе куски, лежало въ одной кучѣ, головы, шкурки и внутренности въ другой. Какъ скоро вода въ подвѣшенныхъ котлахъ начала кипѣть, тогда все мясо разложили по котламъ, довольно посолили, и въ иные котлы положили крупъ, — а потроха оставили на мѣстѣ.

Приведя все поваренное въ надлежащій порядокъ, Чуваши начали приготовляться къ моленью, засуетились и встали всѣ въ порядокъ; четыре старика впередъ, а прочіе, человѣкъ по тридцати, рядами, одинъ рядъ за другимъ. — У каждаго шапка, или шляпа, была подъ лѣвою рукою. Старики начали читать молитву; Чуваши за ними въ полголоса и всѣ движенія, какія дѣлали старики повторяли и прочіе иногда руками терли лице, поднимали руки къ небу, становились на колѣна, кланялись въ землю, и долго не поднимали головы; но всего чаще стояли тихо съ поникшими взорами. Моленіе продол-

жалось до того долго, что я вышла изъ терпѣнія, пошла въ рощу, позавтракала, заснула, а они все еще молились и кончили уже въ четыре часа по полудни. По кончаніи молитвы, голодные Чуваши проворно выкладывали изъ котловъ мясо, наливали кашицу въ большія чашки, садились кругомъ большими групами и съ жадностію ѣли мясо. Птицы варились въ особенныхъ котлахъ, и ихъ ѣли вмѣсто десерта.

По окончаніи жертвеннаго пира Чуваши опять помолились, и пошли гурьбой къ тому мѣсту, гдѣ лежали головы и внутренности животныхъ и птицъ. Всѣ кости, послѣ ѣды, собрали на рогожку и вывалили къ головамъ. Потомъ развели пребольшой огонь; всѣ головы, потроха, шкурки и кости положили на костеръ, и до тѣхъ поръ подкладывали дрова, пока все сожигаемое превратилось въ пепелъ. Тогда нѣсколько Чувашъ собравъ пепелъ лопатой на рогожу, понесли ближе къ рощѣ; одинъ изъ четырехъ стариковъ шелъ позади съ лопаткой, — и подошедъ къ лѣсу, развѣялъ пепелъ по вѣтру. —

Другой старикъ отправился въ поле; за нимъ понесли пухъ и перья, принесли ихъ на то поле, гдѣ паръ, то есть, на приготовленное для посѣву озимей. Тамъ старикъ перья и пухъ развѣялъ по вѣтру; это дѣлается для того, чтобы былъ урожай хлѣба. Но Русскіе не даютъ долго пуху и перьямъ полежать на полѣ, пріѣзжаютъ, даже съ ребятами, и собираютъ все до нельзя.

Этимъ обрядомъ и кончилось моленіе въ праздникъ Синзы. По прежнему у Чувашъ, какъ и у Черемисъ, надлежало бы имъ молиться, невыходя изъ лѣсу три дня; но нынѣшніе неурожаи хлѣба измѣнили многіе обычаи и праздники. Бывало, послѣ моленья въ Синзы, они пируютъ цѣлую недѣлю, а нынѣ день, много два; иныя даже не варятъ пива. На моленіи Синзы не бываетъ ни пива, ни вина, ни музыки, ни женщинъ: однимъ словомъ ничего соблазнительнаго.

Чуваши, пріѣхавъ съ моленія, туже ночь начинаютъ пировать по своему, то есть, безъ милосердія пьютъ пиво со всѣмъ семействомъ и съ

гостями; музыка явится тудаже, и пойдетъ потѣха.

Молитва, которую читали старики, слово въ слово, какъ переведена у тебя.

Я не могу здѣсь дожидаться Чувашскихъ свадебъ. Хотя онѣ обыкновенно бываютъ вскорѣ послѣ Петрова дни; но все прежде недѣли я не могу ихъ видѣть. Я соскучилась такъ, что потеряла терпѣніе. Осенью все увижу, все опишу, и ты мной будешъ доволенъ. Завтра отсюда выѣду, заѣду къ некрещенымъ Чувашамъ, и, повѣрь, сдѣлаю все акуратно.

Чебоксарскаго уѣзда деревня Ашикова.

Чтобы увидѣть домашній бытъ некрещеныхъ Чувашъ, я должна была сдѣлать 10 верстъ лишняго, ѣхать дурной дорогой въ сторону и раскаиваться, за чѣмъ поѣхала; да и пріѣхавъ въ Ашиково, — я не нашла ничего столь любопытнаго, чтобы могло меня заставить выдти изъ непріятнаго положенія. Я остановилась въ во-

лостномъ правленіи съ намѣреніемъ отъ писаря узнать что-нибудь любопытное; но эти люди необразованныя флегмы, и рѣшительно ни о чемъ не имѣютъ понятія. Они даже и на меня смотрятъ удивительными глазами, какъ на существо, для нихъ непонятное. Какъ возможно, по ихъ мнѣнію, заняться Чувашами, этими закоптѣлыми дураками. — Съ какимъ удивленіемъ писарь посмотрѣлъ на меня, когда я собралась идти по Чувашскимъ избамъ: онъ вѣрно подумалъ, что я сумасшедшая.

Я была, по крайней мѣрѣ, въ десяти избахъ у некрещеныхъ Чувашъ, и ни въ чемъ не нашла ни малѣйшей разницы съ крещеными; только увидѣла одного Чувашина съ бритою головою, и на вопросъ мой о причинѣ этаго, онъ мнѣ отвѣчалъ, что по ихъ закону надлежало всѣмъ брить головы; но что это вышло уже изъ обыкновенія.

Въ одной Чувашской избѣ я нашла большія хлопоты: хозяинъ съ хозяйкой о чемъ-то сильно горевали. Я пожелала знать причину этой тяж-

кой ихъ грусти и узнала ее: у Чувашъ есть обыкновеніе брать женъ и отдавать дочерей за мужъ непремѣнно въ другія деревни. Этотъ обычай отъ времяни сдѣлался уже какимъ-то таинственнымъ обрядомъ. Хозяйской сынъ хотѣлъ непремѣнно жениться на дѣвкѣ изъ своей деревни. Что же тутъ грустнаго? Чѣмъ ближе, тѣмъ менѣе хлопотъ, сказала я хозяйкѣ. — Она поняла меня, а мужъ за нее отвѣчалъ, что у нихъ считается стыдомъ отдавать дочерей, или женить сыновей въ своихъ деревняхъ; потому, что всѣ могутъ подумать, будто бы они любили другъ друга до свадьбы. Да и грѣшно! — сказалъ одинъ изъ стариковъ, (вѣрно, собранныхъ для совѣщанія) очень грѣшно жениться на той дѣвкѣ, которую каждый день видишь! — Да и щастія не будетъ, возразилъ сердито другой старикъ. — Какъ можно дѣлать свадьбу, не выѣхавши изъ полевыхъ воротъ.

Толкованіе продолжалось у нихъ четверть часа, и было рѣшено такъ, чтобы свадьба со всѣмъ поѣздомъ выѣхала непремѣнно изъ деревни, объѣхала ее кругомъ и возвратилась бы съ

другаго конца, въѣхавъ въ другія вороты. — Въѣхать свадьбѣ въ однѣ и тѣже вороты у Чувашъ считается также дурнымъ признакомъ.

Сдѣлавши нѣсколько визитовъ моимъ друзьямъ Чувашамъ, я пришла въ свою квартиру, гдѣ уже меня дожидались человѣкъ десять некрещеныхъ Чувашъ, которыхъ я пригласила, чтобъ узнать ихъ имена. . . . Я начала съ ними разговаривать; но они были такъ серьезны, что почти мнѣ не отвѣчали; я велѣла подать имъ вина, и они сдѣлались веселѣе. — Потомъ, хорошо со мной ознакомились, и разговаривали безъ боязни. Я имъ сдѣлала нѣсколько вопросовъ: какъ они о себѣ думаютъ? кто они? откуда они? и кто были ихъ предки? — Но они на счетъ этого совершенные невѣжды, даже не имѣютъ о себѣ и ложнаго понятія. Потомъ я сдѣлала нѣсколько вопросовъ касательно ихъ религіи; но они мнѣ ничего не отвѣчали. Скажите мнѣ, спросила я ихъ, почти всѣ ваши товарищи, Чуваши, окрестились; для чего же вы этого недѣлаете?

Отецъ и мать не хотятъ, — отвѣчали молодые.

Для чего же вы нехотите? спросила я, обратившись къ старикамъ.

Такъ мы привыкли, такъ намъ Богъ показалъ.

Почемужъ вы полагаете, что такъ приказалъ Богъ? спросила я; развѣ Богъ приказываетъ колоть животныхъ и жечь ихъ ему въ жертву?

А какъ же, матынька, помнимъ Адамъ, Абрамъ; они всѣ жгли барашка и телятъ и молились въ полѣ, какъ и мы.

При этихъ словахъ, я тотчасъ вспомнила твое мнѣніе, что религіи всѣхъ этихъ народовъ есть искаженный суевѣріемъ и временемъ отпечатокъ первоначальныхъ обрядовъ вѣтхаго завѣта.

Я желала продолжать эту интересную матерію, но они немогли отвѣчать; — и потому я принялась за ихъ имена, которыя и успѣла собрать очень удачно. Писарь принесъ мнѣ ревизскія сказки, въ коихъ имена перековерканы до жалости. Я читала эти бумаги Чувашамъ, и они

мнѣ поправляли искаженныя тамъ имена. Вотъ онѣ :

Имена мужескія.	Имена женскія.
Охтіяръ.	Альбача.
Илендей.	Хабидъ.
Илюкъ.	Елишма.
Оліалъ.	Шербинъ.
Отриванъ.	Шернукъ.
Обриванъ.	Кулневеръ.
Охливанъ.	Окка.
Тохтаманъ.	Токтаби.
Добрисъ.	Шернеби.
Васса.	Кулбика.
Дедюха.	Шеневеръ.
Востулла.	Шергунь.
Имюшка.	Иллекка.
Селендей.	Шербустанъ.
Яруха.	Шегорукъ.
Обханъ.	Тивярба.
Ямукъ.	Пиніясъ.
Нейдеръ.	Ильгяби.
Селесковъ.	Ирьгяслу.

Имена мужескія.	Имена женскія.
Игимень.	Сачаби.
Игимулла.	Арняслу.
Охливанъ.	Чечень.
Ахметъ.	Шехерчакъ.
Плотъ.	Симильба.
Эбли.	Сяшма.
Янодаръ.	Шехерка.
Оханъ.	Унаслу.
Корми.	Селянъ.
Урасъ.	Сяндяба.
Ягиперъ.	Уняби.
Тогтокалъ.	Свярча.
Ептики.	Пинярка.
Ептишъ.	Тарнайсуллу.
Емаръ.	Адзербн.
Дербузень.	Одигзяна.
Ренберъ.	Гуллейка.
Сурины.	Сагделятъ.
Маюкъ.	Пинназеръ.
Тибаханъ.	Сарба.
Имукъ.	Салидида.
Отоманъ.	Карко.

Имена мужескія.

Ирдулла.
Ямень.
Гавдинга.
Салисванъ.
Ярославь.
Ульдюкъ.
Илимурза бакмурзинъ.
Саважинъ.
Писнулла.
Ярукъ.
Ухатка.
Хазаидай.
Тупъеръ.
Ертаусъ.
Хорасъ.
Аней.

Вотъ сколько тебѣ именъ; но я все не думаю, чтобъ чрезъ нихъ можно узнать что нибудь новое на счетъ этаго еще неразгаданнаго народа. Имена болѣе Арабскія, Татарскія и перековерканныя Русскія.

Удивительно, что Несторъ, въ своей народной Генеалогіи, говоря почти о всѣхъ народахъ, ни гдѣ неупоминаетъ о Чувашахъ, тогда какъ этотъ народъ всѣхъ многочисленнѣе; даже теперь въ одной Казанской губерніи находится Чувашъ до трехъ сотъ тысячь душь; а сколько ихъ въ губерніяхъ, Симбирской, Нижегородской, Саратовской, Пензенской, Вятской и Оренбургской. Я начинаю соглашаться съ твоимъ мнѣніемъ, что Чуваши, въ самомъ дѣлѣ, не потомки ли Козаръ,—и что у Нестора Козары тоже, что наши Чуваши. Это мнѣніе допустить позволительно; — иначе Нестора можно упрекнуть, за чѣмъ умолчалъ онъ о такомъ многочисленномъ, и, безъ сомнѣнія, въ свое время не менѣе значительномъ народѣ, какъ Черемисы, Мордва, Печенѣги, Поляне, Половцы и проч.

Я знаю, ты недоволенъ моими письмами и вѣрно скажешь: нѣтъ объясненій, нѣтъ замѣчаній.—Успокойся: все будетъ въ концѣ писемъ. Эта поѣздка есть только приступъ къ моему описанію. Посмотри, какъ ты осенью будешъ мной доволенъ. Завтра, чѣмъ свѣтъ, отправляюсь въ Казань, а послѣ завтра увижу васъ.

Свіяжскъ 21-го Сентября.

Мнѣ никогда не бывало такъ грустно, при выѣздѣ изъ Казани, какъ сего дня,—грустно до того, что я хотѣла воротиться. Я представляла себѣ всѣ ужасы, какіе только могутъ случиться съ моей Соничкой: болѣе всего страшилъ меня пожаръ. Пріѣхавъ на мѣсто, я напишу тебѣ предлинное письмо, гдѣ будутъ помѣщены всѣ предосторожности на счетъ здоровья моей дочери. До перевоза я доѣхала довольно рано, взглянула на Волгу, и тишина ея нѣсколько меня успокоила, но не надолго. Какъ это странно и несносно! Мы бѣгаемъ, отыскиваемъ радости и очень рѣдко находимъ ихъ, а горести, противъ нашего желанія, вездѣ насъ встрѣчаютъ, что и со мною случилось. Я подошла къ Волгѣ и въ эту минуту привалила къ берегу лодка, изъ которой вышла молодая женщина, расплаканная и разтерзанная. Я полагала, что она боялась воды, и, зная по себѣ, какъ несносно чувство страха, подошла къ дамѣ и хотѣла успокоить ее; но она отъ словъ моихъ пришла въ какое-то изступленіе, дыханіе ея стѣснилось, и она не

могла говорить. Я сама испугалась и не знала, что дѣлать. Но дѣвушка ея сказала мнѣ тихо: „Не безпокойте ее, она пять дней тому назадъ лишилась мужа, и съ тѣхъ поръ плачетъ день и ночь.“ Я отошла отъ нее и признаюсь, сама горько заплакала. Моя незнакомка, нѣсколько успокоившись, подошла сама ко мнѣ и разсказала свою плачевную участь. — Она съ своимъ мужемъ ѣхала изъ Оренбурга въ Нижній, гдѣ онъ получилъ хорошее мѣсто; но, доѣхавъ до Свіяжска, умеръ, и она, бѣдная, должна ѣхать въ Екатеринбургъ, гдѣ родилась. Поговоривъ со мной не много, она пожала мнѣ руку и бросилась въ коляску. Она помнитъ Сенатора Соймонова и тебя, но меня не видала. Переѣхавши Волгу очень хорошо, я на другомъ берегу встрѣтила новое приключеніе, слава Богу, не такъ горестное. Пока закладывали коляску, пошла я съ моей горничной пѣшкомъ и, прошедши съ версту, въ лѣсу встрѣтила путешественника, въ странной одеждѣ съ большимъ посохомъ въ рукѣ, съ нѣсколькими палками на плечахъ, и на каждой по котомкѣ; онъ былъ съ распущенными волосами, въ Жидовской скуфей-

кѣ. Я подумала, что это Жидъ, или разбойникъ, и пошла скорѣе; но онъ кричалъ мнѣ вслѣдъ. „Подайте страннику на пропитанье!“ При словѣ странникъ, я остановилась, и сдѣлала ему много вопросовъ: кто онъ? откуда? куда и за чѣмъ путешествуетъ? Онъ изъ Иркутска, сынъ тамошняго купца, и изъ усердія ходилъ на богомолье; уже два года въ дорогѣ и возвращается домой. — Знавши, что всѣ странники большіе охотники предсказывать будущее, мнѣ вздумалось спросить его и о моемъ будущемъ. „Одинъ Богъ это знаетъ!“ отвѣчалъ онъ; но я вижу, что ты добра и несчастлива. — Нѣтъ, святой мужъ, ты не отгадалъ! я счастлива, и потому не могу быть добра. — „Нѣтъ, ты добра и несчастлива!“ повторялъ онъ нѣсколько разъ, такъ что я невольно испугалась, и, давши ему, что могла, побѣжала отъ него, какъ отъ чародѣя. Мнѣ тотчасъ пришли въ голову мысли нашего славнаго покойнаго поэта Пушкина, который вѣрилъ предсказаніямъ. Да сохранитъ Господь тебя, Соничку и всѣхъ родныхъ моихъ; а другія горести я не сочту за несчатіе. Мнѣ кажется, что странникъ былъ правъ, считая меня за

несчастную: по наружности я очень походила на такую; мое черное платье, голова съ мигренемъ, обвязанная чернымъ платкомъ и заплаканные глаза, вѣроятно, придавали мнѣ видъ горести. Да и въ душѣ моей въ эту минуту я была несчастна; разлука съ вами и несчастная вдова сильно тревожили мое бѣдное сердце. Въ шесть часовъ мы пріѣхали въ Свіяжскъ, и я остановилась у родныхъ нашего В. . . . Хозяйка, добрая старушка, отъ меня не отходила, и ночевала со мною въ одной комнатѣ.

Деревня Липовая. Чуваши. 22 Сентября.

Теперь сижу у моихъ друзей Чувашъ; я очень люблю этотъ простой и кроткой народъ. Я остановилась у знакомаго богатаго Чувашина, богатаго потому, что у его дома новыя столярной работы ворота и на дворѣ много холоднаго строенія, а изба предурная, закоптѣлая отъ дыма дотого, что покрылась чернымъ лакомъ. Хозяйка довольно опрятно одѣта, а ребятишки такъ запачканы, что ихъ рубашки нельзя различить отъ черныхъ стѣнъ избы.

Очень долго ходила я по деревнѣ, и видѣла, какъ Чувашки моютъ платье: около рѣчки наставлено множество чурбашковъ, выдолбленныхъ на подобіе ступъ; въ эти чурбаны они кладутъ черное бѣлье и толкутъ пестами, которыхъ иногда бываетъ по шести. Потолокши довольное время, начинаютъ полоскать, потомъ опять толкутъ и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока нужно. На рѣчкѣ разговаривала я съ одной Чувашкой, которая хорошо знаетъ по Русски: она удивлялась, какъ я могла оставить своего мужика (значитъ мужа), и ѣду одна. „Ай! яй! мачка!“ вскричала она, „ты, знать, другаго любишь.“ Я много этому смѣялась и теперь смѣюсь, воображая, какъ ты улыбнешься и въ мысляхъ скажешь: „Чувашка отгадываетъ лучше странника!“ Прощай, закладываютъ лошадей.

Новинскъ, 23 Сентября.

Слава Богу! наконецъ я въ деревнѣ, отогрѣлась и успокоилась. Я ночевала въ Вороновѣ (*)

(*) Маленькая деревня съ постоялыми дворами и хорошею мельницею на рѣкѣ Цивилѣ.

за тридцать верстъ отъ своей деревни, и провела ночь очень безпокойно. Мнѣ отыскали хорошую квартиру; но пьянаго хозяина, который очень похожъ на нашего М. . . . Онъ такъ шумѣлъ, что я должна была ночевать въ колескѣ, и вѣрно простудилась: болитъ горло. Въ деревнѣ нашла все здоровымъ и исправнымъ; хлѣбъ ржаной и яровой лучше прошлогодняго. Я цѣлой день убиралась и устроилась очень покойно. Теперь уже вечеръ, около меня собрались старухи и разсказываютъ о Чувашахъ, о ихъ образѣ жизни, о ихъ народныхъ обрядахъ; я все это записываю, чтобы приготовить матеріалы къ описанію этаго народа.

Новинскъ, 5 Октября.

Признаться тебѣ, что моя деревенская жизнь очень не забавна, но за меня веселятся мои люди; они всякой день пируютъ на деревенскихъ праздникахъ, называемыхъ *капустка*. Въ сосѣдственныхъ деревняхъ очень скоро узнали, что мои люди играютъ на скрыпкѣ, и всякой день приходятъ послы звать ихъ на капустку. Ты

вѣрно пожелаешь знать, что такое значитъ капустка? Это довольно любопытно: капустка здѣсь издавна народной праздникъ, принадлежащій собственно однимъ Чебоксарамъ и его уѣзду. Ее здѣсь ожидаютъ съ такимъ же удовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ Святки въ другихъ Русскихъ городахъ, и не менѣе веселятся. Вотъ тебѣ описаніе нашихъ Чебоксарскихъ праздниковъ. Когда придетъ время рубить капусту, то хозяйка дома ходитъ сама звать къ себѣ дѣвицъ рубить ее; очень часто бываетъ, что капусты ведеръ пять, а дѣвицъ — рубильщицъ до тридцати. Обыкновенно часовъ въ шесть сходятся рубить капусту и, безъ сомнѣнія, работа оканчивается очень скоро. Начинается ужинъ и кончится еще скорѣе, потому что кавалеры являются на вечеръ уже послѣ ужина. Мущинъ на вечеринку зовутъ только родныхъ, а посторонніе, обыкновенно холостые, приходятъ сами; однакожъ не смѣютъ прямо войти въ домъ, а подходятъ прежде къ окошку, спросятъ позволенія у хозяевъ и, получивъ его, входятъ въ комнату съ привѣтствіемъ къ хозяйкѣ: „Поздравляю милость вашу, съ капусткой.“ „Покорно

благодаримъ, прошу побесѣдовать съ нами," отвѣчаетъ хозяйка. Всякой молодецъ приноситъ съ собой лакомство. Такихъ молодцовъ сбирается на капустку очень много, и тутъ-то начинается веселье. Играютъ точно также, какъ на игрищахъ, въ фанты и въ разныя святочныя игры. Вечеринки продолжаются до разсвѣта. Въ теченіе ночи, нѣсколько разъ молодцы прогуливаются по улицамъ попарно съ дѣвицами при веселыхъ пѣсняхъ. На эти капустки обыкновенно женихи ходятъ смотрѣть невѣстъ, которыхъ они намѣрены сватать, и очень часто случается, что понравится не та, которую хотѣли видѣть, а потому отцы и матери очень не любятъ капустки; всегда почти бываетъ, что послѣ вечеринки сыновья женятся, а дочери выходятъ за мужъ, не за тѣхъ, за которыхъ онѣ предполагали. Это знакъ, что и Амуръ рубитъ капусту.

Я думаю, ни одинъ городъ въ Казанской губерніи не имѣетъ столько своихъ собственныхъ народныхъ обычаевъ, какъ Чебоксары. На примѣръ, здѣсь изстари заведено, что дѣвицы не ходятъ никогда въ церковь и ни на какую служ-

бу, выключая когда говѣютъ. Но есть положенные дни и назначенныя церкви, когда и куда онѣ могутъ ходить. Въ сборное Воскресенье всѣ дѣвицы бываютъ у обѣдни въ церкви Іоанна Предтечи, а у вечерни въ тотъ же день въ Троицкомъ монастырѣ. Послѣ службы обыкновенно женихи встаютъ рядами съ двухъ сторонъ, оставляя въ срединѣ узенькую дорожку, по которой невѣсты нарядныя, какъ павы, и также тихо, выступаютъ, посматривая на обѣ стороны изъ подлобья. Я это видѣла и восхищалась. Потомъ послѣ Пасхи съ первато Воскресенья до Троицы дѣвицы могутъ ходить къ обѣдни во Владимірскую пустынь за двѣ версты отъ города. Прежде въ мое время, служилъ всякое Воскресенье тамъ самъ Архимандритъ. Это богомолье также въ своемъ родѣ смотръ женихамъ и невѣстамъ. Я сама тамъ бывала. Прекрасная картина! по зеленому лугу идутъ красавицы, разряженныя въ богатыя платья, и отдѣльными толпами, за ними и по сторонамъ также толпами, молодцы въ синихъ кафтанахъ. При самомъ шествіи въ церковь и изъ церкви всегда наблюдается такой порядокъ. И потомъ

бѣдныя красавицы должны ждать опять сборнаго Воскресенья.

Гулянья народныя бываютъ здѣсь три раза въ годъ: въ день Вознесенья на Ѳоминомъ ключѣ, близь нашей деревни, второй въ Троицынъ день, въ деревнѣ Усадкахъ, принадлежащей Лакрѣевой, третье самое блестящее, чрезъ недѣлю послѣ Троицы въ Іеронтьевской пустыни, не далеко отъ города. На всѣхъ этихъ гуляньяхъ городскіе жители бываютъ только зрителями, а деревенскіе играютъ въ хороводы и разныя весеннія игры.

Въ Чебоксарскихъ деревняхъ даже и семикъ не такъ празднуютъ, какъ въ Казанскихъ, или лучше сказать, здѣсь его не празднуютъ, а приготовляются въ этотъ день праздновать Троицу. Въ семикъ всѣ деревенскія дѣвушки сходятся въ одно мѣсто приготовлять себѣ яичницу, отправляются въ лѣсъ завивать вѣнки на березѣ, возвращаются опять въ деревню, и выбираютъ въ ней лучшую избу; моютъ ее, даже скоблютъ стѣны, метутъ дворъ. И въ этотъ день дѣлает-

ся у нихъ ссыпчина, то есть, всякая дѣвка должна принести муки, солоду и хмѣлю, и изъ этаго сбора варятъ пиво. Въ Троицынъ день, очень рано, дѣвицы въ лучшихъ сарафанахъ опять собираются вмѣстѣ и идутъ въ ту рощу, гдѣ въ семикъ завивали вѣнки; берутъ эту березку съ собой, украшаютъ ее лентами, несутъ изъ лѣса съ пѣснями, приносятъ въ приготовленную для праздника избу, и весь дворъ украшается березками и вѣнками изъ цвѣтовъ. Послѣ обѣда начинается праздникъ и продолжается три дня. Въ ту деревню, гдѣ бываетъ праздникъ березки, всегда съѣжаются гости изъ многихъ деревень и даже изъ города. Не правдали, что это довольно любопытно? Въ Казани и въ другихъ городахъ этаго нѣтъ.

Чебоксары, 7-го Октября.

Хотя мнѣ было лѣнь оставить спокойное уединеніе, но чтожъ дѣлать; не такъ живи, какъ желаешь, а какъ должно. Хотя не обязанность, а приличіе заставила меня ѣхать въ городъ и побывать у моихъ знакомыхъ, но съ какою-то

томительною горестію я ѣхала во всю дорогу, а приближаясь къ Чебоксарамъ, даже чувствовала стѣсненіе сердца. Воспоминаніе о молодости моей представилось мнѣ съ самыми грустными мечтами: я вспомнила своего отца, съ которымъ нѣсколько лѣтъ жила въ Чебоксарахъ, вспомнила его любовь ко мнѣ и заботливость о моемъ счастіи. Трудно мнѣ было удержать слезы; но я сдѣлала это, чтобъ съ заплаканными глазами не показаться странною въ глазахъ моихъ знакомыхъ. Ты знаешь Чебоксары; не много надобно хлопотъ для ихъ описанія. Но нельзя не сознаться, что множество церквей, одна подлѣ другой, Волжская гора, на которой стоитъ Соборъ и нѣсколько каменнаго строенія, издали придаютъ Чебоксарамъ видъ большаго города. Но въѣзжая въ него, забудешь первое впечатлѣніе; безтолковыя улицы, узенькіе переулки и неопрятность города несносны до того, что невольно закроешь глаза. Поднимаясь уже на гору, увидишь Волгу, и опять восхитишься Чебоксарами. — Я въ одинъ часъ объѣхала всѣхъ своихъ знакомыхъ и не нашла никого дома, кромѣ Л...., гдѣ увидѣла нашего хорошаго зна-

комаго К....на, и безъ памяти ему обрадовалась. Вечеръ я провела у собесѣдницы своей К....., у коей и ночевала. Цѣлой вечеръ я разговаривала о своихъ старыхъ знакомыхъ, особенно купцахъ, которые въ мое время хорошо жили и торговали. Фамиліи купцовъ Кл....евыхъ въ Чебоксарахъ принадлежало 6 домовъ; но владѣльцы ихъ физически и морально уже не существуютъ: половина лежитъ подъ гробовою доскою, а другая умерла для города, сдѣлавшись банкротами. Ты знаешь, что въ Чебоксарахъ всѣ купцы торгуютъ хлѣбомъ: и я удивилась, отчего такая вѣрная торговля ихъ раззорила. Многіе думаютъ такъ, и я согласна съ ихъ мнѣніемъ: въ 1827 году, по причинѣ дешевизны хлѣба, купцы закупили его много, но зимой цѣна на хлѣбъ такъ упала, что четверть покупали по три рубля, и они, продавая его въ Рыбинскѣ, потерпѣли большой убытокъ. Это такъ К...напугало, что они въ 1828 и 1829 годахъ производили самую малую закупку. Въ 1830 году цѣна на хлѣбъ вдругъ возвысилась, но купцы, не торговавъ два года, не имѣли столько капитала, чтобъ покупать хлѣбъ доро-

гою цѣною, и такимъ образомъ обѣдняли. Но колесо фортуны не перестаетъ вертѣться; тѣ, которые лѣтъ за пять были мужиками, теперь обогатились и сдѣлались первыми Чебоксарскими купцами.

Я сего дня цѣлое утро ходила по городу, была въ разныхъ лавкахъ и нашла, что число ихъ прибавилось, даже завелась лавка съ галантерейными товарами; заходила въ нѣкоторыя церкви, которыхъ въ Чебоксарахъ тринадцать; была у обѣдни въ монастырѣ и послѣ зашла къ отцу Архимандриту Самуилу. Ты его знаешь: онъ былъ Игуменомъ въ Седмiозерной пустыни.

Новинскъ.

Моя уединенная жизнь начинаетъ очень измѣняться. Я только что возвратилась въ деревню, и завтра опять должна ѣхать въ городъ, получивъ письмо отъ Озн . . . . шина, въ которомъ приглашали меня обѣдать. Я съ удовольствiемъ приняла приглашенiе, и предчувствiе, что мнѣ

будетъ тамъ пріятно, меня не обмануло: я очень хорошо познакомилась съ сестрою Озн . . . . на; меня угощали, какъ можно лучше. Д. П. своею привѣтливою любезностію старался занимать меня; я слушала его съ большимъ удовольствіемъ: онъ не только поэтъ, но и ученый, знаетъ многіе языки, даже восточные, очень любитъ Исторію, а теперь особенно занимается Англійскою Литературою. — Познакомившись съ нимъ, какъ не пожалѣешь, что такихъ молодыхъ людей, которые не понапрасну проводятъ молодость, у насъ мало. — Я видѣла его библіотеку, и получила позволеніе брать изъ нея книги; они также получаютъ всѣ Русскіе журналы. Однимъ словомъ, я отъ нихъ въ восхищеніи. Вечеръ провела у Сел . . . . Этотъ домъ давно знакомъ намъ, еще наши дѣды были друзьями . . . . и вѣроятно я у нихъ буду часто.

Новинскъ, 19-го Октября.

Я ни какъ не могла выдержать, чтобъ сію же минуту не описать пресмѣшной картины, за которую бы Англичанинъ заплатилъ очень доро-

го, для каррикатуры. Представь себѣ, въ моей гостиной на диванѣ сидитъ семидесяти-лѣтній Чувашинъ, передъ нимъ столъ, на которомъ поставлено для него угощеніе: ерофеичь, пиво, наливка и разныя кушанья. По сторонамъ его сидятъ старостиха и другая крестьянка, напротивъ ключница, которая хорошо знаетъ по Чувашски, въ дверяхъ стоитъ сынъ Чувашина и съ удивленіемъ смотритъ, что отца его посадили въ большое мѣсто. Ты не повѣришь, какъ я рада, что мнѣ достали этаго Чувашина; онъ зналъ покойнаго батюшку и меня еще маленькую. Но главная моя радость заключалась въ томъ, что этотъ старикъ Іомса, то есть: ихъ колдунъ, или попъ (я не знаю какъ перевести). Чрезъ него я узнаю многое, и даже увижу Чувашскую свадьбу, которыя очень рѣдко бываютъ зимою и осенью, развѣ только по необходимости. И эта свадьба случилась неожиданно; хозяйка умерла, другихъ женщинъ въ домѣ не было, отецъ семейства по неволѣ женитъ своего 19-ти лѣтняго сына. Въ Понедѣльникъ я ѣду за пятнадцать верстъ на эту свадьбу, а въ Четвергъ 26-го Октября на Чувашскіе по-

минки. Чувашинъ обѣщалъ ничего отъ меня не скрывать, а исполнять всѣ обряды по старой, какъ они называютъ, вѣрѣ своей. Никто изъ васъ, любопытныхъ, этаго не увидитъ, не увидѣла бы и я; но старое наше знакомство съ Чувашиномъ, его дружба съ моей старостихой, а главное, что онъ имѣетъ во мнѣ надобность, доставляютъ мнѣ случай узнать ихъ тайну.

Очень долго я разговаривала съ старикомъ на счетъ ихъ религіи, и сдѣлала замѣчаніе, что они также мало понимаютъ свою старую вѣру, какъ и Христіанскую; объ нихъ можно сказать, что они отъ своего отстали, а къ нашему не пристали. Когда я спросила Чувашина: „кто ихъ Богъ?“ — Не знай мачка. „Гдѣ онъ?“ — На небѣ, отвѣчалъ полудикарь. „А что такое Богъ, и какой онъ?“ Какъ можно знать, какой Богъ, кто его видалъ, мачка; мы Богъ не видалъ. — Чувашская миѳологія довольно многосложна, а надобно въ нее хорошенько вникнуть, чтобъ сдѣлать описаніе. У нихъ, кромѣ главнаго Бога, котораго они называютъ Тора, есть еще много другихъ боговъ, напримѣръ: богъ лѣса, богъ житницъ, гдѣ хра-

нится хлѣбъ, мать бога, солнышко, мать солнышка и проч. Богослуженіе ихъ въ керемет-тяхъ почти вывелось, однакожь дальше отъ большихъ дорогъ старинные обряды продолжаются, и часто бываютъ моленія, состоящія въ жертвоприношеніи скота. Черемисы и Чуваши до крещенія имѣли одну вѣру, но первые и по сіе время болѣе держатся язычества; у нихъ есть даже жертва дьяволу, и для него непремѣнно надобенъ жеребенокъ. Эта жертва совершается тогда, когда кто боленъ, или впадетъ въ несчастіе, (они полагаютъ, что всѣмъ бѣдамъ и болѣзнямъ причиною злой, нечистой духъ, а не Богъ) и обреченный въ жертву дьяволу жеребенокъ испытываетъ всевозможныя терзанія. Вообрази, что они, приведя жеребенка въ кереметь, обведутъ около него на двѣ сажени четвероугольникъ, положатъ на эту черту сухихъ дровъ, соломы, вдругъ со всѣхъ четырехъ сторонъ зажигаютъ ее; сами отбѣгаютъ прочь и кричатъ изъ всей силы: гай! гай! гай! и возвращаются назадъ, когда жеребенокъ спалится и умретъ. Послѣ сего вынимаютъ изъ него печенку и три ребра съ правой стороны, сожи-

гаютъ жеребенка въ пепелъ, а печенкой кормятъ больнаго, вмѣсто лекарства. Чуваши также отъ болѣзней приносятъ жертвы въ керемѣтяхъ, но я еще не узнала навѣрное, кому въ жертву закалаютъ животныхъ, Богу, или нечистому духу? На будущей почтѣ я напишу къ тебѣ обо всемъ, что узнаю и увижу. Всю настоящую недѣлю посвящу я Чувашамъ. Ты скажешь, что я принялась за это поздно; но я бы и теперь ничего не знала и не видала, ежели бы мнѣ не попался старый знакомый Іомса. Я совсѣмъ было собралась ѣхать въ Казань; но осталась здѣсь единственно для того, чтобъ видѣть все своими глазами и сообщить тебѣ; потому, что такого счастливаго случая уже никогда, можетъ быть, имѣть не удастся.

Октября 20-го.

Не было семи часовъ и не совсѣмъ еще разсвѣтало, какъ я ѣхала уже на Чувашскій базаръ, называемый семикъ (*), въ 10-ти верстахъ

(*) Этотъ базаръ находится на Московской дорогѣ въ полѣ, какъ и многіе другіе Чувашскіе базары, или торжки. Чуваши не любятъ прилива посторонникъ жителей въ ихъ селенія.

отъ нашей деревни. Старостиха и ключница сидѣли напротивъ меня въ колескѣ и разсказывали мнѣ очень много любопытнаго о Чувашахъ, особенно ключница, которая жила пять лѣтъ въ Чувашскомъ селѣ, и столько знаетъ интереснаго, что ежели бы ты сидѣлъ на моемъ мѣстѣ, то бы отъ восхищенія разцѣловалъ ее. На базаръ мы пріѣхали очень рано, и я должна была войти въ постоялый домъ, гдѣ добрая хозяйка дала мнѣ особенную комнату. Чрезъ часъ вышла я на базаръ, когда уже онъ былъ во всемъ своемъ блескѣ; множество телѣгъ, одна возлѣ другой, по двумъ сторонамъ, представляли какую-то алею; у всякой телѣги стоялъ Чувашинъ и у каждаго дымилась въ роту трубка; въ телѣгахъ ничего не было: на нихъ пріѣхали Чуваши повеселиться. Въ долинѣ стоятъ два поднавѣса, одинъ противъ другаго, покрытые соломою и раздѣленные на нѣсколько частей одними тонкими столбиками: это ряды и лавки. Въ многочисленныхъ лавочкахъ были разные товары, напримѣръ кожи, подошвы, овчины, говядина, рыба, а болѣе всего табакъ. Самыя лучшія лавки были съ женскими товарами, гдѣ довольно

красиво висѣли на веревочкахъ бисеръ и разныя пронизки, а на столахъ лежали разноцвѣтныя шелковыя, шерстяныя и бумажныя тесьмы, снурки, ленточки разныхъ сортовъ и множество другихъ принадлежностей для наряда Чувашекъ. Въ другихъ лавкахъ торговали Чуваши, сидя на рогожкахъ или на кожахъ. Какъ отвратительно видѣть, что тутъ же, гдѣ продавалась говядина и рыба, вмѣстѣ лежали яблоки и листовый табакъ. Чувашки въ пестрыхъ головныхъ уборахъ, въ бисерныхъ ожерельяхъ, разгуливали по базару и толпились у лавокъ, въ которыхъ продавались ихъ наряды. Но увидя меня, они кинулись всѣ ко мнѣ и уже отъ меня не отходили. Я съ любопытствомъ разсматривала ихъ головной уборъ, которой у женщинъ называется кашпа, а у дѣвокъ, другой формы туфья; они всѣ унизаны оловянными, въ видѣ монеты, кругленькими штучками; но на богатыхъ кашпы и туфьи украшены настоящими монетами. Старинныхъ денегъ я не замѣтила, видѣла нѣсколько монетъ Петра 1-го, а всего болѣе временъ Елисаветы и Екатерины. Древнихъ продолговатыхъ копѣекъ очень много,

и что онѣ не фальшивыя, я заключаю потому, что между ими большая часть со Славянскими буквами, почему и можно ихъ отличить отъ фальшивыхъ.

Новинскъ 21-го Октября.

Отправя къ тебѣ письмо на почту, я поѣхала кататься, и заѣзжала въ двѣ Чувашскія деревни, нарочно въ тѣ, гдѣ меня не знали и не ожидали. Большая часть жителей занималась молотьбою; я была на многихъ гумнахъ и долго съ Чувашками разговаривала, ходила по многимъ избамъ, видѣла всѣхъ женщинъ за работой. Всѣ почти пряли шерсть; я думаю, ты знаешь, что онѣ ленъ и конопли также точно прядутъ, какъ шерсть въ кудельках на прялкѣ, а не на гребнѣ; онѣ большія мастерицы отрабатывать и вычесывать кудель. Странно, что Чуваши, не смотря на ихъ дикое состояніе, не имѣютъ подобнаго Татарамъ любопытства. Ты замѣтилъ, что проѣзжая Татарскую деревню, увидишь множество Татаръ, особенно женщинъ, выбѣгающихъ на улицу смотрѣть проѣзжающихъ.

Бѣгутъ назади, стараются опередить коляску. Чуваши напротивъ: никто не кинулся смотрѣть меня, не бѣгали за мною; даже ребятишки безъ удивленія на меня смотрѣли, хотя навѣрное можно сказать, что коляска съ форрейторомъ никогда не бывала въ ихъ деревнѣ. Это знакъ, что у нихъ нѣтъ врожденнаго любопытства.

Я писала къ тебѣ, и исполняю мое обѣщаніе, все послѣднее время бытности моей въ деревнѣ посвятить для твоего удовольствія, то есть для описанія Чувашъ. Я это и дѣлаю, ни одной минуты не проходитъ даромъ, и все стараюсь видѣть сама.

Ѣхавши изъ Казани, писала я къ тебѣ изъ деревни, и въ письмѣ моемъ сдѣлала машинальное заключеніе, что богатаго Чувашина можно только отличить по новымъ воротамъ и по множеству анбаровъ, настроенныхъ на дворѣ. Мое замѣчаніе очень справедливо. Я говорила съ Исправникомъ и съ Священниками, сама ѣздила по деревнямъ, но слышала и видѣла все одно и тоже. — Богатство Чувашъ состоитъ въ хлѣбѣ, пчелахъ и скотѣ; у

инаго Чувашина найдется хлѣбъ, собранный еще его дѣдомъ. Но богатаго Чувашина отъ бѣднаго можно отличать только по большому двору и по множеству анбарушекъ. Избы у бѣдныхъ и богатыхъ одинаковы: тѣсны и черны отъ дыма. Женщины, бѣдныя и богатыя, опрятно одѣты; запачкано и масляно одѣты ребятишки. Вчера я, по крайней мѣрѣ, обошла 20 дворовъ, бѣдныхъ и богатыхъ, и не нашла между ими никакой разницы: даже ихъ домашняя жизнь одинакова; богатой Чувашинъ также дурно ѣстъ, какъ и бѣдный. Рѣдкій Чувашинъ изъ множества скота удѣляетъ что нибудь для своего стола; все у нихъ идетъ въ продажу: яицы, масло, скотъ все продаютъ и берегутъ деньги для бѣды. Любимая ихъ пища — обыкновенный хлѣбъ и хлѣбъ изъ *яшкалды* (ячменная мука) и *сырунги*, сдѣланныя изъ творогу. Квасъ также дѣлаютъ въ рѣдкихъ домахъ. У нихъ для питья приготовляется сквашенное, какъ уксусъ, молоко, которое они мѣшаютъ съ водой и пьютъ вмѣсто квасу. Нынѣ многіе Чуваши сѣютъ картофель, и любятъ его ѣсть, — садятъ также капусту.

Я очень старалась узнать объ ихъ семейной жизни; но она единообразна и незанимательна. Нельзя Чувашъ назвать вовсе дикими; однако можно рѣшительно сказать, что они дѣти природы, и, по ихъ образу жизни, слѣдуетъ заключать, что природа производитъ больше людей добрыхъ, нежели злыхъ, и что чувство добросердечія имъ врожденно. Рѣдко найдешь между Чувашами злаго человѣка; они по сіе время, какъ дѣти, не понимаютъ, что такое добро и зло, порокъ и добродѣтель; и слѣпо слѣдуютъ влеченію своего сердца, которое рѣдко ведетъ ихъ ко злу. Рѣдко между ними бываютъ ссоры, еще рѣже вражды; но, ежели уже они очень разсердятся, то какое удивительное у нихъ мщеніе! Чувашинъ идетъ къ своему непріятелю, и, желая ему навлечь бѣду, давится у него на дворѣ: бѣдные! не знаютъ другаго мщенія, какъ жертвовать своею жизнію, чтобъ причинить бѣду врагу своему. Я тебѣ уже сказала, что бѣда въ ихъ мнѣніи значитъ попасть подъ судъ. Чуваши не знаютъ несчастія выше этого. Сохрани Богъ этой бѣды! не только домъ, ей подвергшійся, но и цѣлая деревня страдаетъ

отъ нея. Нынѣ, благодаря Бога, подъ благодѣтельнымъ правительствомъ Чуваши живутъ покойнѣе. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ они очень любятъ Исправника.

Робость и суевѣріе суть врожденныя свойства Чувашскаго народа: пріѣзжайте въ ихъ деревню подальше отъ большой дороги, потребуйте подводъ, теленка, курицу и что вамъ угодно; бѣдные Чуваши, не спрося, кто ѣдетъ и въ правѣ ли требовать лошадей и всего безъ денегъ, начнутъ суетиться и, дрожа отъ страха, готовы отдать все, что имѣютъ. Какъ не скажешь: бѣдные Чуваши! Суевѣріе ихъ также довольно странно: на примѣръ ежели у нихъ печется хлѣбъ, то они безпрестанно заглядываютъ въ печь, наблюдая, не треснетъ ли у котораго хлѣба корка, и ежели это случается, то тотчасъ изъ печи хлѣбъ вонъ и въ оврагъ. Ежели они напьются изъ рѣчки, или изъ колодезя, или изъ ключа воды и почувствуютъ себя дурно (что лѣтомъ бываетъ отъ жара очень часто); то опрометью бѣгутъ домой, берутъ денегъ, хлѣба, яицъ и бросаютъ туда, гдѣ пили. Сверхъ того

у нихъ множество подобныхъ суевѣрій, которыя я хочу описать особенно.

Костюмы Чувашскіе тебѣ извѣстны. Женщины одѣты довольно опрятно (на нихъ всегда чистыя рубахи). Ты никогда не встрѣтишь женщину съ босыми ногами. Чувашки считаютъ такимъ же грѣхомъ и стыдомъ показать свои ноги, какъ Татарки лице, или еще болѣе: у нихъ даже въ одной семьѣ не увидитъ мущина голыхъ ногъ женщины. Дѣвки иногда ходятъ простоволосыя; но женщина считаетъ за стыдъ открыть голову, даже предъ своими родными. Чувашки вообще всѣ рукодѣльны, не такъ какъ Татарки, изъ которыхъ богатыя никогда ничего не дѣлаютъ. Напротивъ Чувашки чѣмъ богаче, тѣмъ рукодѣльнѣе: они мастерски вышиваютъ по счету шелкомъ свои рубашки и такими трудными узорами, что даже дама, мастерица шить по канвѣ, полюбуется ихъ работой.

Меня болѣе всего удивили легкіе Чувашекъ роды и сохраненная послѣ нихъ сила; онѣ, какъ только родятъ, въ туже минуту идутъ са-

ми топить баню, моютъ своего ребенка, варятъ пиво и въ тотъ же день принимаются за всѣ работы. И по этому правда, что привычка вторая природа.

Главная торговля Чувашъ хлѣбомъ, кожами, овчинами, саломъ и яицами, которыя они въ большомъ количествѣ привозятъ на лодкахъ въ Казань.

Вотъ тебѣ краткое описаніе Чувашъ. Безъ сомнѣнія, есть изъ нихъ дурные, вздорные и злые люди; они же большіе охотники до вина, а вино и самаго кроткаго человѣка бунтуетъ. Воровство также за ними водится, но воровство самое незначущее. Чуваши, живущіе на большихъ дорогахъ, уже сдѣлались умнѣе или, какъ они говорятъ, обрусѣли. Доволенъ ли ты мной сего дня? — Завтра ѣду въ городъ.

Октября 22-го.

Я была сего дня у обѣдни и послѣ у отца Архимандрита Чебоксарскаго Троицкаго монасты-

ря. Я видѣла у него два очень похожіе портрета Казанскихъ архіереевъ Амвросія Протасова и Іоны. Они дали намъ предметъ къ продолжительному разговору съ Архимандритомъ. Онъ былъ любимъ обоими и я разсказывала ему, (что онъ зналъ и самъ) какъ Іона любилъ тебя, и не могъ безъ тебя жить не только въ Казани, но даже возилъ тебя съ собой по разнымъ пустынямъ на богомолье. Но могули я забыть Преосвященнаго Амвросія! Я описывала его попеченіе о душѣ моей во время опасной моей болѣзни, его заботы о моемъ выздоровленіи. И мы согласились, въ чемъ согласны всѣ, кто хорошо его зналъ, что рѣдко встрѣтишь мужа духовнѣе, добродѣтельнѣе и привѣтливѣе, на такой высокой степени. Объ умѣ его и познаніяхъ знаетъ вся Россія.

Октября 23-го.

Я нимало не жалѣю, что ѣздила въ дурную погоду за 15 верстъ, смотрѣть Чувашскую сватьбу; и не раскаяваюсь, что пять недѣль прожила въ разлукѣ съ вами: настоящій день

вознаградилъ меня за безпокойство и за скуку. Чувашская сватьба такъ забавна, что Русскія и Татарскія ничего не значатъ передъ нею. Вотъ тебѣ самое подробное описаніе. Въ семь часовъ утра выѣхала я въ Чувашскую деревню, въ девять часовъ уже была тамъ, прямо въѣхала въ домъ къ отцу невѣсты и нашла все готовымъ къ свадебной церемоніи. Дворъ былъ выметенъ, какъ можно чище, и вокругъ всего положены на столбикахъ доски на подобіе скамеекъ, точно такъ, какъ у фигляровъ въ балаганахъ для зрителей. У одной скамейки привязаны двѣ облетѣвшія березки, и на одной изъ нихъ повѣшена хорошо вышитая Чувашская рубашка: это мѣсто устроено для отца и матери невѣсты, которыя тутъ чинно сидѣли, не трогались съ мѣста и даже на меня, неожиданную гостью, не обратили вниманія. Множество Чувашъ и Чувашекъ сидѣли на скамьяхъ и пили пиво. Невѣсты не было дома, она ѣздила по деревнямъ прощаться съ своими знакомыми и съ подругами (невѣста у нихъ за три дня до свадьбы начинаетъ ѣздить прощаться и продолжаетъ это до самаго вѣнца). Тишина продолжалась не

болѣе получаса; вдругъ я услышала шумъ, гайканье, звонъ колокольчиковъ и пискъ пузырей; шумная толпа, какъ непріятели, ворвалась въ ворота. Это пріѣхалъ женихъ съ своимъ поѣздомъ за невѣстою. По крайней мѣрѣ, человѣкъ 25 въѣхало на дворъ верхами, за ними везли сороковую бочку пива и боченокъ вина (это жениховы напитки для невѣстиной родни); верховые, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, начали скакать вокругъ скамеекъ и, сдѣлавши три круга, остановились. Посаженой отецъ (дружка) слезъ съ лошади, поговорилъ съ отцемъ и отдалъ ему калымъ. Отецъ показалъ мѣсто, устроенное для жениха у новаго анбара. Женихъ также слезъ съ лошади, и съ поѣздомъ своимъ сѣлъ въ назначенное ему мѣсто. Началось потчиванье жениховымъ пивомъ и виномъ. Погодя немного, опять начался шумъ колокольчиковъ и пузырей. Это пріѣхала домой невѣста съ своими подругами, на дворъ въѣхало нѣсколько кибитокъ, а пузырные музыканты верхами. Невѣста была въ синемъ кафтанѣ подъ покрываломъ. Женихъ, увидя ее, вскочилъ съ мѣста, высадилъ ее изъ кибитки, и почти на рукахъ понесъ въ

избу; всѣ ея подруги пошли за ними. Женихъ возвратился тотчасъ назадъ и опять сѣлъ на свое мѣсто. Я также вошла въ избу и услышала тамъ музыку другаго рода: Невѣста начала плакать и выть такъ громко, что надобно было заткнуть уши, а ея родныя стали плясать и гайкать, чтобъ ее утѣшить. Невѣста подходила ко всякому порознь, обнимала каждаго и плакала во весь голосъ — подноси́ла пиво, и до тѣхъ поръ не отходила, пока не положатъ ей въ чашку денегъ. Разумѣется всякой, какъ можно скорѣе, клалъ въ пиво грошъ или копѣйку, чтобъ отъ нея отвязаться; она въ тужъ минуту вынимала изъ чашки деньги и клала за рубашку. Цѣлый часъ продолжалась эта плачевная церемонія. Наконецъ дѣвки вывели невѣсту на дворъ, подвели къ отцу и къ матери проститься; тутъ опять начались слезы и вопли. Въ это время женихъ у крыльца охорашивалъ для невѣсты осѣдланную лошадь, посадилъ ее верхомъ, а дѣвки покрыли такимъ широкимъ и длиннымъ покрываломъ, что оно доставало до копытъ лошади; концы покрывала были вышиты красивыми угольниками и на всякомъ угольникѣ ви-

сѣли кисти. Двѣ посаженыя матери (свахи) также сѣли верхами; и онѣ были въ синихъ кафтанахъ, съ блестящими чрезъ плеча перевязями изъ фальшивыхъ монетъ. Въ одно мгновеніе человѣкъ тридцать вспрыгнуло на лошадей. Женихъ одною рукою взялъ поводъ невѣстиной лошади, а другою правилъ своею; невѣста сидѣла, опустя руки. Такимъ образомъ съѣхали со двора и отправились въ путь. Пузыри и кибитки послѣдовали за ними. Я ѣхала въ колескѣ близь жениха и невѣсты. Какъ скоро выѣхали изъ деревни въ полевыя ворота, то всѣ остановились. Женихъ вынулъ плеть и хлестнулъ невѣсту три раза такъ больно, что она при всякомъ разѣ охала (это дѣлается для того, чтобы она забывала дѣвичью волю и привыкала къ чужой сторонѣ). Надобно было проѣхать двѣ версты до жениховой деревни; по ихъ обряду заѣзжаютъ въ деревню къ жениху, чтобъ надѣть на невѣсту кашпу (головной женской уборъ). И я со свадебной церемоніей пріѣхала къ женихову отцу. Невѣсту отвели къ сосѣду въ избу (у Чувашъ на одномъ дворѣ домовъ пять разныхъ семей. Это также доказываетъ ихъ миролюбіе),

нарядили ее въ кашпу, а женихъ и поѣзжане пировали въ свекровой избѣ, пили и веселились съ часъ. Въ церковь поѣхалъ опять женихъ съ невѣстой верхами и за ними только три кибитки. Я не поѣхала въ церковь и дожидалась возвращенія въ одной избушкѣ съ гостями. Не много погодя, приходитъ посланный звать насъ въ парадную избу, которая была приготовлена для принятія молодой; впереди стоялъ столъ, ко всѣмъ четыремъ ножкамъ стола привязаны сухія березки (лѣтомъ, разумѣется, зеленыя), на одной березкѣ также висѣла рубашка, а за столомъ сидѣли жениховъ отецъ (мать умерла), вокругъ стола всѣ родные. Новобрачные пріѣхали скоро, молодая подъ большимъ покрываломъ вошла со свахами въ избу и сѣла у печки. Свекоръ (отецъ жениха) не только встрѣтилъ молодыхъ, но даже не пошевелился на мѣстѣ. Женихъ остался убирать свою и женину лошадь. — Входитъ въ избу дружка, держа въ рукахъ, въ сажень длины, палку, къ концу коей привязанъ пребольшой крючекъ; онъ съ этой палкой обѣжалъ очень скоро три раза кругомъ избы, всталъ противъ молодой и крючкомъ

снялъ съ нее покрывало. Свахи взяли ее подъ руки и повели на брачную постель въ новую анбарушку. Довольно долго не возвращалась молодая, наконецъ пришла; на одной рукѣ у нее висѣли подарки, другая рука была вся обернута полотенцомъ. Свахи разставили на нарахъ (широкія лавки) множество маленькихъ деревянныхъ чашекъ, столько счетомъ, сколько въ избѣ сидѣло родныхъ. Молодая во всякую чашку положила денегъ и налила пива. Съ первой чашкой и съ сшитою рубашкою подошла она къ свекру; онъ принялъ чашку и подарокъ, а молодая отошла къ печкѣ и встала на одно колѣно, потомъ приняла чашку у свекора, взяла другую, и также съ подаркомъ подошла къ теткѣ, а сама опять встала у печки на одно колѣно. Такимъ образомъ она обошла всѣхъ родныхъ и вставала на колѣна разъ пятнадцать. Не успѣла бѣдная отдохнуть, какъ свекоръ заставилъ ее варить салму и велѣлъ самой идти за водой. Свахи и гости всѣ засуетились, потому что варить салму и принести воду составляетъ у нихъ немаловажную принадлежность къ свадебной церемоніи. Золовка (сестра жениха)

тотчасъ положила на плечо коромысла съ ведрами, за ней пошли молодая, сваха и множество женщинъ. Я также, не смотря на дождь и сумерки, пошла за ними; всѣ пришли къ рѣчкѣ, сестра женихова почерпнула въ ведра воды и поставила, молодая толкнула ногой и пролила воду, золовка почерпнула въ другой разъ, молодая пролила опять. Наконецъ въ третій разъ золовка почерпнула и понесла сама. Молодая пошла за нею, догнала ее, поцѣловала, дала ей денегъ, сама взяла у нее ведра и принесла въ избу. Здѣсь новобрачная начала у печки мѣсить салму, ей всѣ помогали и салма скоро была готова; ее поставили на столъ передъ свекромъ, принесли нѣсколько длинныхъ деревянныхъ рогулекъ, на подобіе вилокъ и этими рогульками вынимали изъ чашки салму и ѣли всѣ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ небесную амброзію (это знакъ, что молодая вышла за мужъ дѣвицей благополучно, а въ противномъ случаѣ свекоръ велитъ салму бросить собакамъ).

Послѣ всѣхъ этихъ затѣй, началась попойка и пляска. Сколько ни было въ избѣ гостей и род-

ныхъ, всѣ плясали и пѣли, то есть, гайкали: даже дряхлыя старухи, у которыхъ не было силы ни плясать, ни пѣть, хлопали въ ладоши и кричали. „Что еще будетъ, Андрей Васильичь?“ спросила я моего пріятеля, старика Іомсу. „Ахъ матынька! много будетъ! славно будетъ!“ „Да чтожъ такое?“ — “Ашать (ѣсть) будемъ пироги, мясо, яицы.“ Узнавъ, что свадебные обряды всѣ кончились, я отправилась домой.

Ноября 24-го.

Цѣлую ночь вчера писала къ тебѣ, но забыла сказать о сватаньѣ невѣсты. — Ежели отецъ задумаетъ женить сына, то приглашаетъ съ собой близкаго родственника и ѣдетъ съ нимъ въ деревню, гдѣ есть на примѣтѣ невѣста. Пріѣхавши къ ея родителямъ, спрашиваетъ, согласны ли отдать дочь за его сына; и ежели согласны, то тутъ же уговариваются о калымѣ. Чѣмъ богаче невѣста, тѣмъ болѣе калыма. Чуваши награждаютъ своихъ дочерей лучше Русскихъ крестьянъ. Чувашинъ удѣляетъ дочери отъ всего, что имѣетъ; онъ даетъ ей корову, нѣ-

сколько овецъ, всѣхъ дворныхъ птицъ по парѣ, и кибитку съ лошадью и со всей упряжью. Приданое невѣсты состоитъ болѣе въ шитыхъ рубашкахъ; за богатою даютъ по сту рубашекъ. У Чувашъ нѣтъ сундуковъ и коробокъ; приданое кладутъ въ кадки, которыя нарочно для того дѣлаются съ крышками и съ замками.

Вотъ тебѣ Чувашская свадьба. Въ будущемъ письмѣ опишу поминки: завтра послѣ обѣда отправляюсь смотрѣть ихъ.

Новинскъ, 23 Октября.

Еще было очень темно, пѣтухъ только что началъ пѣть третью пѣсню, все еще спало въ нашемъ домѣ, какъ вдругъ я услыхала страшный стукъ у воротъ; это былъ мой Іомса, Андрей Васильичъ, который, испугавшись дурнаго времени, подумалъ, что я не пріѣду на поминки и пріѣхалъ опять просить меня. Какъ не пріѣхать? Готова пѣшкомъ идти, чтобы только видѣть такую важную церемонію. Я и вчера не потеряла дня даромъ, ѣздила не далеко въ Чу-

вашскую деревню смотрѣть, какъ они молятся, начиная въ первой разъ ѣсть новый хлѣбъ. У нихъ это дѣлается такимъ образомъ: обыкновенно въ хлѣбородные годы, когда стараго хлѣба у всѣхъ достаетъ до новаго, они хлѣбъ начинаютъ *молить* въ деревнѣ всѣ въ одинъ день. Какъ скоро кончится у всѣхъ молотьба, то во всякомъ домѣ наростятъ изъ новаго хлѣба солоду, наварятъ пива, въ день назначенный для моленія, испекутъ изъ новой муки хлѣбы и въ этотъ день ничего не ѣдятъ. Вся родня собирается въ избу къ старшему въ семействѣ и начинаютъ молиться. Я пріѣхала въ деревню довольно рано; при мнѣ приготовлялись къ моленію: положили на столъ непочатый хлѣбъ и солоницу, принесли большую чашку пива и поставили возлѣ хлѣба; между тѣмъ Чуваши и Чувашки входили другъ за другомъ и садились рядомъ. Вошелъ какой-то старикъ, (вѣроятно Іомса) и они всѣ встали; старикъ подходилъ ко всякому и назначалъ боговъ, кому молиться: одному Торѣ (главной богъ), другому матери бога, третьему сынку богову, четвертому лѣсному богу, дорожному богу, богу, покровитель-

ствующему скотинѣ, солнышку, матери солнышка и проч. Потомъ отворивъ дверь, всѣ встали лицемъ къ ней, т. е. къ востоку, (у нихъ всѣ избы дверьми на востокъ) и начали читать по своему молитвы; моленіе продолжалось съ полчаса, потомъ принесли столько маленькихъ деревянныхъ чашекъ, столько было въ избѣ людей; старикъ налилъ во всякую чашку пива и роздалъ ихъ всѣмъ; молящіеся опять оборотились къ двери, что-то поговорили и начали пить, разрѣзали хлѣбъ и ѣли по кусочку, потомъ сыновья ихъ, жены и дѣти подошли къ отцамъ и матерямъ, поклонились въ ноги, говоря: мы просимъ Бога, чтобы вы были живы, и чтобъ Богъ привелъ на будущій годъ опять вмѣстѣ молить новый хлѣбъ! Наконецъ меньшая сноха хозяина стала подносить всѣмъ пиво, и началась пляска, а я уѣхала домой. — Сего дня въ пять часовъ отправляюсь къ Андрею Васильичу. Что-то тамъ увижу любопытнаго?

Октября 26-го.

Вотъ я видѣла и Чувашскіе поминки: въ сумерки пріѣхала я въ деревню къ Андрею Ва-

сильичу; онъ меня встрѣтилъ у воротъ, и повелъ къ себѣ въ домъ, гдѣ вся семья его меня ожидала. На широкихъ лавкахъ были положены бѣлыя длинныя узенькія подушки и разосланы войлоки, меня посадили впередъ и началось чудесное угощеніе: принесли въ старинной мѣдной чашѣ пива, которое невозможно поднести ко рту, потомъ подали яичницу, жареную курицу, яицъ и ватрушки съ картофелемъ. Зная Чувашскую неопрятность, противно было смотрѣть на всѣ ихъ блюда; но, чтобъ не огорчить хозяевъ, должно было отвѣдать отъ всякаго кушанья. Поминки приготовлялись въ другой избѣ и дожидались ночи, чтобъ начать ихъ. Когда уже совершенно стемнѣло, позвали и привели меня въ ту избу, гдѣ поминали: это былъ домъ сына Андрея Васильича, который недавно умеръ. Я уже нашла всю церемонію въ порядкѣ, по всѣмъ лавкамъ сидѣли Чуваши и Чувашки, у дверей поставленъ столъ, на которомъ стояло нѣсколько чашекъ и блюдъ съ разными кушаньями: пирогами, ватрушками, сырчиками изъ творогу, молочною кашею, но не было ничего мяснаго. У самыхъ дверей на лав-

къ возлѣ стола стояли двѣ пустыя чашки и къ стѣнѣ передъ чашками прилѣплены свѣчки. — Сколько умершихъ въ семействѣ, столько и свѣчекъ, свѣчки сучены особымъ манеромъ; они дѣлаютъ ихъ сами. Первой сталъ поминать сынъ умершаго такимъ образомъ: подошелъ къ столу, взялъ ватрушку, отрывалъ кусочки и клалъ въ пустую чашку, говоря: „батюшка! мы тебя поминаемъ, вотъ тебѣ хлѣбъ и разныя кушанья, все передъ тобою, только не безпокой насъ, не ходи къ намъ!“ Потомъ бралъ пирогъ также маленькими кусочками и клалъ въ чашку, говоря тѣ же слова, положилъ нѣсколько ложекъ каши, послѣ почерпнулъ ковшемъ пива и выливалъ по немногу въ другую пустую чашку, все говоря тѣ же слова, наконецъ обтеръ руки полотенцомъ и сѣлъ на свое мѣсто. Также точно начала поминать дочь, потомъ родные и всѣ, кто былъ въ избѣ, всякой утирая руки полотенцомъ, которое держалъ сынъ. Эта процессія продолжалась, по крайней мѣрѣ, два часа, и когда кончилась, то сынъ взялъ чашки, въ которыя за упокой клали кусочки и понесъ ихъ на дворъ, выложилъ всѣ куски у воротъ и

кликнулъ собакъ, которыя съ жадностію поминали покойника; чужихъ собакъ отгоняли.

Послѣ горестной церемоніи тотчасъ началось веселье: явился музыкантъ съ пузыремъ, другой съ гуслями, стали безпрестанно подавать пиво и пошла пляска, которая отлична отъ Русской. Женщины плясать большія мастерицы; меня болѣе всего разсмѣшило то, что онѣ, поминая покойника, не крестились и ни кому не кланялись, а начиная плясать, дѣлали это; каждый, хотѣвшій плясать, вставалъ среди избы, крестился и, поклонившись на всѣ стороны, начиналъ прыгать. Переставши плясать, также крестился и кланялся въ ноги, отцу, матери, или старшему изъ родныхъ. Я также получила поклоновъ десятокъ и уѣхала, пожелавъ имъ за упокой веселиться; ибо это веселье продолжается у нихъ доразсвѣта. Они ходятъ изъ одной избы въ другую къ роднымъ и къ знакомымъ и вездѣ повторяютъ одно и тоже.

Я теперь немного поняла Чувашскую миѳологію; у нихъ, какъ у Грековъ, надъ всѣмъ есть

богъ. — Я упомянула, писавши о моленіи хлѣба, что они очень уважаютъ бога житницъ, котораго называютъ Теркуля; въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть особенные анбары, гдѣ молятся Теркулѣ. Прошлаго года одного Чувашскаго села Священникъ разсердился на суевѣріе своихъ прихожанъ и велѣлъ продать анбары съ Теркулями; два изъ этихъ анбаровъ купилъ крестьянинъ изъ деревни моего брата Николая Андреевича, и чтожъ? Ломая анбары, нашелъ въ щеляхъ и въ углахъ рублей пятнадцать денегъ, которыя Чуваши приносили въ жертву; даже и теперь многіе изъ Чувашъ пріѣзжаютъ къ крестьянину и кладутъ въ углу его анбара деньги, а недавно пустили въ этотъ анбаръ курицу и утку. Моленіе ихъ въ керметяхъ совершается не такъ часто,—не болѣе раза въ годъ и тогда бываетъ большая церемонія. Кереметь у Чувашъ тоже, что у насъ приходъ; нѣсколько деревень имѣютъ одну кереметь. Когда надобно молиться въ керемети; то изъ всѣхъ принадлежащихъ къ этой деревни, собираются старики, идутъ къ Іомсѣ, спрашиваютъ, какого надобно скота купить для жертвы (по ихъ выраженію:

молить), собираютъ деньги и покупаютъ, что онъ прикажетъ,—обыкновенно быка, телятъ, барановъ и разныхъ птицъ. Въ день моленія собираются изъ всѣхъ этихъ деревень въ кереметь, и близь нея въ долинѣ ставятъ столъ, на который кладутъ хлѣбъ, соль и ножи, колоть скотъ, ведро съ водою, и ковшикъ. Тутъ начинаютъ молиться на востокъ; послѣ молитвы подводятъ къ столу быка, Іомса черпаетъ воду ковшемъ изъ ведра и льетъ на спину быку; ежели быкъ встрепенется, то его тотчасъ закалаютъ; а ежели нѣтъ, то опять начинаютъ молиться, чтобы богъ принялъ жертву; послѣ сей молитвы другой уже старикъ льетъ воду на спину быку и по очереди продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока быкъ вздрогнетъ; съ другой скотиной и даже съ птицами поступаютъ также. Часто случается, что быкъ или баранъ вовсе не вздрагиваютъ; въ такомъ случаѣ берутъ другихъ, а этихъ никакъ не закалаютъ для моленья. Обыкновенно бываетъ приготовлено множество котловъ, чашекъ, ложекъ; ибо тутъ же, гдѣ колютъ жертвы, варятъ и мясо, и все это, какъ бы освященное, съѣдаютъ. Подобное мо-

леніе бываетъ чаще по домамъ, съ такими же церемоніями. Чувашинъ, который пожелаетъ молить быка, еще при рожденіи обрекаетъ его для этаго предмета. Когда исполнится ему три года, онъ дѣлаетъ повѣстку во всей деревнѣ и назначаетъ день для жертвы; въ этотъ день всѣ Чуваши, желающіе присутствовать при церемоніи, должны сходить въ баню, и, ничего не ѣвши, явиться въ домъ, гдѣ готовится жертва. На дворѣ дѣлается такое же приготовленіе, какъ въ керемети: ставится среди двора столъ, хлѣбъ, соль и ведро воды съ ковшемъ; быка также точно по очереди поливаютъ водой, какъ въ керемети, и также, при трепетаніи, тотчасъ колютъ, а при неудачѣ отлагаютъ до другаго дня. Всякой, кто долженъ поливать быка водою, прежде усердно молится; и какъ скоро быкъ вздрогнетъ, то, заколовъ его, мясо раздѣляютъ по всѣмъ домамъ въ деревнѣ. Телятъ, барановъ и птицъ Чуваши молютъ одни въ своей семьѣ и ѣдятъ ихъ мясо также, какъ будто святыню. По замѣчанію моему, Чуваши имѣютъ большое уваженіе къ мертвымъ; потому что они увѣрены, какъ Египтяне, что мертвые имѣютъ меж-

ду собою сношеніе, и даже могутъ приходить и безпокоить живыхъ, ежели имъ не сдѣлаютъ должной почести. Этому доказательствомъ служатъ многіе примѣры; но я прежде разскажу тебѣ о ихъ обрядахъ при покойникахъ. Ежели кто умретъ въ семействѣ, то умершаго въ ту же минуту выносятъ на дворъ, обмываютъ тѣло, одѣваютъ, какъ онъ наряжался въ праздники, кладутъ въ гробъ и опять вносятъ въ избу. Въ гробъ тихонько отъ священниковъ кладутъ все, что нужно было для живаго: трубку, табакерку съ табакомъ; ежели умершій былъ ремесленникъ, то полагаютъ всѣ нужные къ его ремеслу инструменты. Женщинамъ и дѣвицамъ также кладутъ нужное для ихъ рукодѣлья; ежели которая хорошо вышивала, то кладутъ холстъ, шелкъ и иголки; а ежели хорошо пряла, то прялку, кудель и проч. Но всѣмъ вообще кладутъ въ гробъ нѣсколько денегъ, и отъ этого случались пресмѣшныя происшествія. Наша ключница жила лѣтъ пятнадцать среди Чувашъ и знаетъ множество подобныхъ анекдотовъ; но я тебѣ опишу одинъ. Въ одной богатой семьѣ умеръ отецъ, его похоронили какъ должно, и

положили въ гробъ сто рублей денегъ; это было лѣтомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Нѣкоторые проказники, узнавъ, что въ гробъ Чувашину положено много денегъ, разрыли могилу, раскрыли гробъ, вынули деньги, и, чтобы позабавиться на счетъ своихъ проказъ, посадили мертваго въ гробѣ, и давши ему въ одну руку карты, а въ другую штофъ вина, сказали дѣтямъ, что отецъ ихъ въ могилѣ пьетъ вино и играетъ въ карты. Бѣдные Чуваши, пришедши на кладбище, увидѣли въ самомъ дѣлѣ отца ихъ съ картами и со штофомъ; они просили, увѣщавали его оставить это, положили вторично въ гробъ денегъ и зарыли могилу. Проказники не упустили случая воспользоваться деньгами, опять разрыли могилу, взяли деньги и увѣдомили родныхъ, что покойникъ не перестаетъ дѣлать тоже (они думали, что всякой разъ будутъ класть деньги); но что же сдѣлали Чуваши? Они пришли на кладбище, взяли отца, держащаго въ рукахъ карты, положили его и наказали по своему, уже безъ денегъ заколотили гробъ и плотно зарыли могилу. Безъ сомнѣнія, безденежной покойникъ болѣе не разрывался и не игралъ въ карты.

Поминки у Чувашъ бываютъ четыре раза въ годъ, весной, лѣтомъ, осенью и зимою. Три раза, какъ я видѣла и изъяснила въ моихъ письмахъ, а четвертой разъ весною въ семикъ. Въ этотъ день они поминаютъ на могилахъ покойниковъ, и эти поминки бываютъ параднѣе другихъ. Обыкновенно Чуваши привозятъ съ собою на кладбище вино, пиво и разныя кушанья. Половину всѣхъ припасовъ кладутъ и выливаютъ на могилы, а другую половину сами выпиваютъ и веселятся съ плясками; даже оставляютъ на могилахъ много одежды, рубахъ, кафтановъ и женскихъ нарядовъ. На эти поминки и Русскихъ собирается не менѣе Чувашъ; первые обыкновенно, по окончаніи праздника, забираютъ съ собой все, пожертвованное Чувашами покойникамъ. Хлѣбомъ и съѣстными припасами кормятъ домашнихъ птицъ, а одежду носятъ сами; впрочемъ это дѣлаютъ только бѣдные изъ Русскихъ мужиковъ.

Новинскъ, 1-го Ноября.

Какъ страстной любительницѣ поэзіи, мнѣ хотѣлось знать Чувашскія пѣсни, но Чуваши ихъ

мало знаютъ; ихъ пѣсни спрятаны въ ихъ воображеніи. Когда они ѣдутъ лѣсомъ, то поютъ, не приготовясь, пѣснь лѣсу: припоминаютъ, какъ они въ немъ гуляли, рвали цвѣты, брали ягоды, вмѣстѣ съ своей любезной. — Плывутъ по рѣкѣ и поютъ похвалу ей. Ѣдутъ по дорогѣ — и ее воспѣваютъ и всѣ случившіяся на ней были и небылицы. Однакожъ они мнѣ спѣли свою любимую пѣсню:

Адя инге вурмана
Хора сирла пустярма,
Хора сирла пылъ бегехъ,
Эза инге чонъ бегехъ.

Пѣсня съ правильнымъ размѣромъ и стопами удивила меня. Я въ одну минуту ее перевела:

Пойдемъ, сноха, въ лѣсъ гулять,
Малину съ тобой сбирать;
Малина сладка, какъ медъ,
Тебя сноха, краше нѣтъ.

Очень кстати послать сего дня къ тебѣ пѣсню, которую я получила отъ Д. П. Ознобишина.

Чиршъ ту́рынча куку авдать;
Ирашлыкъ ра́ подянъ авдать;
Сюмюрть турынча шипчикъ авдать:
Пе́ринъ авда́ть кильмясти?
Хора́ Васька тилей боръ;
Боянъ синычъ хой гѝборъ,
Перь сомъ окся сюрь сомъ маръ,
Сюрь сомъ окся пинь сомъ маръ.
Саръ перъ хиръ за́мъ
Саръ удына ка́йны,
Саръ сю́мыръ кильны,
Саръ вара̀ перь кюпсѝ.
Хирза̀мъ алы тимя́зыръ
Кюпсѝ шурьы сюрлыманъ;
Кочи алы тимязыръ.
Хирѝ кукы́ръ хобарма́нъ;
Адя́ пирь хирьзамъ лармашкынъ
Шижи шыри́бакъ тора боръ,
Она котлаза́ ба́рыбъ сима шкынъ.

* * *

Ингѐ арымъ хиръ бо́льми
Кюлни то́рыхъ сють бо́льми
Ингѐ, дярымъ минь дярынъ?
Пря куму́лъ коръ, дярымъ,
Пря кумулъ кормари,
Юмюряхъ хозахъ сюрямибыръ.
Адя инкге́ сердя́я̀,

*

Сердя самрѣкъ бымастыпъ;
Адя инкгé ботрáна,
Ботранъ писмякъ бымастыпъ;
Адя инге сирлáя,
Сирла болманъ быластыпъ.

* * *

Тювикъ, тювикъ тегéрле!
Санынъ кили сюртѣ читà?
Тылà поси турынча.
Силь виттябирь салатмú?
Шоръ варынча шоръ хорынча.
Кышки сюкъ ранъ хорланзать;
Ту хиринча хорамá
Тымаръ сюкъ ранъ хорлаины.

На елкѣ кокуетъ кокушка;
Во ржи перепелъ кричитъ,
А на черемухѣ соловей свиститъ,
Такъ намъ ли не хочется попѣть?
Черному Васькѣ счастіе служитъ,
Но богатому много заботъ:
Одинъ рубль не сто рублей,
А сотня не тысяча.
А безпечныя дѣвушки
Пошли за цвѣтами,
Пошелъ на нихъ ровный дождь,

И вмѣсто цвѣтовъ набрали онѣ шкерды.
Ежели бы дѣвки не брали шкерды,
То цвѣсти она бы не стала:
Ежели бы парни не лелѣяли дѣвичьи косы,
То и рости онѣ бы перестали.
Придите-ко дѣвки ко мнѣ въ посидѣлки,
Есть у меня сырчики на подобіе мышиныхъ орѣшковъ;
Ихъ накрошивши, васъ я поподчиваю.

* * *

Жена молодица не будетъ уже дѣвкой,
Какъ и творогъ молокомъ не будетъ.
Молодка! я сказалъ.—Что скажешъ?
Испытай хоть разъ любовь, сказалъ.
—Любви ни разу не испытала.
Не всегда же будешь жить въ одиночествѣ?
Пойдемъ, молодка, за снитью.
—Снить молода—не пойду.
Пойдемъ, молодушка, за борщомъ;
—Борщъ не поспѣлъ, не пойду
Пойдемъ, молодушка, за ягодами;
—Ягоды зелены, нѣтъ, не пойду.

* * *

Пи-пи-пигалица!
Гдѣ твое гнѣздо, твое житье—бытье?
На кочкѣ.

Подуетъ какъ вѣтръ, не развѣется ль оно?
На болотѣ, въ березникѣ
Нѣтъ побѣговъ—все засыхаетъ.
На горѣ стоящій вязъ
Безъ корня, весь высохъ.

Таже пѣсня, переведенная стихами.

Кукушка кокуетъ на ёлкѣ;
Во ржи слышенъ крикъ перепелки;
Во черемухѣ свиститъ соловей:
Чтожъ пѣсни мѣшаетъ моей?
Для чернаго Васьки удача,
Богатому много заботъ;
Тотъ рубль проживаетъ не плача,
А этотъ все тысячи ждетъ.

Въ зеленую рощу, съ зарею,
Дѣвицы ходили толпою,
Безпечно искали цвѣты,
Вдругъ дождь палъ, шумя, на листы.
Все шкерды—цвѣтовъ не набрали,
Для дѣвушекъ шкердамъ цвѣсти;
Коль юноши бъ дѣвъ не ласкали,
Дѣвичей груди не рости.

Дѣвицы! ко мнѣ въ посидѣнье;
Есть сыръ у меня—объяденье,

Орѣшковъ вкуснѣй и нѣжнѣй,
Все вамъ! приходите скорѣй.
Молодкѣ не быть вновь дѣвицей,
Хоть также прекрасна лицемъ:
Творогъ завелся ль во свѣтлицѣ,
Не быть творогу молокомъ!

Я дѣвѣ сказалъ черноокой:
Не всежъ тебѣ жить одинокой;
Любовью цвѣтетъ всякой край;
Послушай, любовь испытай.
За снитью пойдемъ.—Не поспѣла!
Рвать борщь будемъ.—Онъ молодой!
Такъ ягоду сыщемъ!—Не зрѣла,
Нѣтъ! въ рощу нейду я съ тобой!

Луговка кричитъ на лужочкѣ.
Житье твое здѣсь ли?—На кочкѣ,—
Гнѣздо мое свито вдали.—
Не свѣялъ бы вѣтеръ съ земли.
Березнику глохнуть на тинѣ,
Побѣговъ цвѣтущихъ не дать;
И вязу на горной вершинѣ
Безъ корней и сохнуть и вять.

Торы́ть—торы́ть то́ръ лажа̀,
Тоя чю́пса увынныбакъ!
Торы́ть-торы́ть-торыры.

Бильмянъ шагя̀ръ каларись ба́къ
Айга кинь чинь пигянятъ,
Пинь сю́на́бакъ кильдымыръ.
Табрахъ, табрахъ да сишрахъ,
Вылирахъ, вылирахъ да колырахъ:
Ади лажа, квакъ лажа,
Квакъ пуръ сирьинча̀ турза̀ ю́лча,
Ади лажа, хора́ лажа̀,
Хора сиръ синьча турза ю́лчи,
Ади лажа́ кюре́нь лажа̀
Крювя̀ лартсѝ тордынчи
Олухъ хумлы́ омла́бакъ,
Орла перли постарчи.
Садовой хумлы́ салмабакъ
Самла̀ дяза сиртрымъ,
Саръ сюзь ранъ торттарчи.
Чюсрю̀ синынъ уссы сю́къ,
Ви́льны сѝнынь чюны сю́къ,
Сю́нны хылнь сютты сю́къ;
Тютюмъ сердя тюптя тякъ;
Сюттъ̀ сердя сютта сятъ;
Малыкъ сида̀ръ тюкъ тюжакъ
Одна вырtся болыгнасть.
Хирза̀ сю́нага̀нъ вотъ
Хиринза̀ турза̀ болмасть.

Кюрчи се́рчи ѝперь сердя
Тохрымъ чюпрымъ
Мольчи чюльня сюмюрыльдымъ,

Адй мана̀ сигри
Хорама̀ падакъ ба ватри.
Ядымъ ю́лдыръ я́ль синя́
Алы̂мъ ю̂лдыръ хи́рь синя.

Изъ Чуваш., Феди.

Гнѣдко, гнѣдко, конь гнѣдой!
Усталъ ты скакать на сватьбу;
Гнѣдко, гнѣдко, гнѣдышко!
Мы говоримъ, не зная градскихъ вѣжливостей:
Ахъ, невѣста! право, какъ хорошо ты разъ—одѣта
Мы за тобой скакали какъ на тысячи саняхъ.
Бейте, бейте въ ладоши, да и припрыгивайте!
Веселитесь, веселитесь, да и посмѣйтесь!
Отцова лошадь, сѣрая лошадь,
Какъ бы на синемъ льду уставши, встала.
Отцова лошадь, черная лошадь
Какъ бы средь грязи остановилась,
Отцова лошадь, бурая лошадь,
На которой сидѣлъ зять, надорвалась.
Лѣсной хмѣль, какъ яблоки,
Схвативъ поперегъ меня—сломилъ;
Садовой хмѣль, какъ салма,
Который я ѣлъ, думая что то салма,
Но онъ за русые мои волосы притянулъ меня къ землѣ.

У пьянаго человѣка ума нѣтъ:

У мертваго нѣтъ души.
Отъ погасшей лучины нѣтъ свѣту;
Въ темномъ мѣстѣ зги не видать;
Въ открытомъ мѣстѣ очень свѣтло.
Подушки и перина мягче пуха,
Но спать на нихъ сласти нѣтъ,
Какъ при поломи
Согрѣться не возможно.
И осення и весення вся вмѣстѣ.
Я вышелъ, побѣжалъ,
Въ банѣ печку изломалъ,
Отецъ это услыхалъ,
Да палкой вязовой меня приколотилъ.
Я пропѣлъ, останься пѣсенка моя въ деревнѣ,
А руки пусть остаются на дѣвушкѣ.

Всѣ сіи пѣсенки сочинены недавно однимъ молодымъ Чувашиномъ, какъ ты видишь изъ письма Ознобишина. Вотъ и стихи его, которые онъ написалъ, посылая мнѣ Чувашскую пѣсню.

Это Феди сочиненье,
Безъ изысканныхъ прикрасъ;
Не носилъ его Пегасъ,
Онъ не думалъ про Парнассъ,
Созидавъ свое творенье.
Чувствъ живое впечатлѣнье,
Сердца свѣжаго движенье,

Пѣлъ онъ въ свѣтлый жизни часъ.
Можетъ быть, теперь въ тисненье
Попадетъ онъ напоказъ;
То-то будетъ тутъ проказъ!
Но боюсь Зоила глазъ,
Не оцѣнитъ вдохновенья,
И на вѣкъ придетъ въ забвенье
Нешлифованный алмазъ.

По крайней мѣрѣ, такъ смотрю я на этотъ отрывокъ Чувашской словесности, которую надобно было подслушать и написать со словъ пѣвца, не знающаго грамоты, и потерявшаго, вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ, отечественныя буквы для выраженія чувствъ своихъ.

Новинскъ, 8-го Ноября.

Вотъ какова привычка: я назначила завтрешній день къ моему отъѣзду, и мнѣ цѣлой день грустно. Не странно ли это? Я ѣду къ тебѣ, къ моей С....., ѣду въ Казань, гдѣ все живетъ, что мнѣ любезно; оставляю деревню, гдѣ совершенно ничто не занимало ни моей души, ни сердца, а тоскую, тоскую до того, что не знаю, куда дѣваться. Какъ я обрадовалась, ког-

да сказали мнѣ, что мой почтенной Андрей Васильичь съ сыновьями пріѣхалъ провожать меня. — Онъ привелъ съ собою некрещенаго Чувашина. Угостивши ихъ какъ водится, я начала съ нимъ разговоръ. Ты знаешъ, сколько я хлопотала, чтобъ узнать понятія Чувашъ о Богѣ, но никакъ въ этомъ не успѣла; ихъ богословіе также многобожно, какъ у Грековъ и Римлянъ. Не понимая Бога, они ищутъ его не только во всякомъ стихіи, но даже въ лѣсу, на дорогѣ, на всякой перекресткѣ, во всякомъ углу избы своей, въ анбарушкахъ. Для любопытства я нѣкоторыхъ боговъ записала:

Тора — богъ главный.
Тора — Аможе — мать его.
Пиликсе — помощникъ бога.
Пиликсе Аможе — мать его,
Аслади — богъ грома.
Аслади Созимбе — богъ молніи.
Хоаръ — злой духъ при дорогѣ.
Эсрель — смерть или духъ, который вынимаетъ душу изъ затылка, и душа послѣ смерти идетъ не къ Торѣ, а къ Эсрелю.

Хвель — Солнце, которое они считаютъ за бога.

Хвель Аможе — мать его.

Силь — богъ вѣтра.

Силь Аможе — мать его.

Кебе — духи, ихъ охраняющіе, какъ бы ангелы.

Кебе Аможе — мать ихъ.

Шалуга Ара — богъ дорогъ и перекрестковъ.

Ирихъ — кусочикъ олова, привѣшенный къ рябиновой вѣткѣ, которую всякой годъ мѣняютъ, а стараго Ириха съ вѣткою бросаютъ въ рѣку.

Какъ странно! у всякаго бога есть мать; я спрашивала: кто отецъ? они не знаютъ.

Чебоксары, 30-го Генваря.

Я не доѣхала, а долетѣла птицей до своей деревни; въ пять часовъ я уже была въ маленькой теплой комнатѣ, и насилу могла отогрѣться отъ мороза. Я въ этотъ вечеръ ни къ чему не была способна, не могла заняться хозяйственны-

ми дѣлами, а еще менѣе Чувашами. Отъ дороги, отъ холода и отъ несносной разсѣянной городской жизни, я, утомленная, бросилась на покойную деревенскую постель и заснула крѣпкимъ сномъ. — По утру, вставъ очень рано, и поговоря о деревенскихъ дѣлахъ, тотчасъ послала за Іомсой Андреемъ Васильичемъ, который часа чрезъ два пріѣхалъ. Свиданіе наше было очень трогательно на счетъ его сына, который, (такъ онъ думаетъ), по моей прозьбѣ, былъ избавленъ отъ рекрутства, тогда какъ онъ негодился на службу. — Бѣдной старикъ упалъ мнѣ въ ноги, потомъ обнялъ меня и плакалъ, какъ маленькой ребенокъ. Я сама плакала и вмѣстѣ смѣялась, бывши дѣйствующимъ лицемъ такой смѣшной трагикомической сцѣны. Успокоивъ и угостивъ моего Іомсу, принялась я за твое порученіе; однакожъ многіе твои вопросы остались безъ отвѣта, даже нѣкоторыхъ Чуваши и не понимаютъ. И такъ на заданные тобою мнѣ вопросы я отвѣчаю въ такомъ же порядкѣ.

1. Я съ большимъ вниманіемъ смотрѣла на Чувашскія лица; но, по моему мнѣнію, у нихъ

нѣтъ такого вѣрнаго отпечатка въ физіогноміи, въ чертахъ лица и въ черепѣ, какъ у другихъ народовъ, напр. у Калмыковъ, Башкирцевъ и Киргизовъ; ихъ лица какъ у всѣхъ Европейскихъ народовъ, живущихъ къ Сѣверу. Изъ двадцати Чувашъ вы не найдете двухъ лицъ, одинакихъ между собою; у одного широкое, у другаго узкое, у инаго продолговатое, овальное и проч. Глаза у инаго маленькіе, у другаго большіе, и то продолговатые, то круглые; носы также разные: длинные, широкіе, сплюснутые, и даже есть съ горбомъ; губы тоже разныя, а зубы очень бѣлы, однакожъ часто болятъ. — Женщины сходственнѣе между собою; онѣ всѣ почти съ круглыми лицами, съ высокими скулами и съ маленькими глазами. Но въ нихъ есть исключеніе: вы найдете женщинъ очень красивыхъ съ правильными чертами; онѣ болѣе бываютъ черноволосы. — Я знаю, ты не будешь доволенъ моимъ описаніемъ Чувашскихъ лицъ — чтожъ дѣлать, ежели я не родилась прилежной ученицей Лафатера, Кампера, Блуменбаха, Вирея?

2. Чувашскія деревни всѣ почти построены на хорошихъ мѣстоположеніяхъ, при рѣчкахъ

на возвышеніяхъ, и при всякой деревнѣ хотя маленькая роща. Чувашскія деревни не бываютъ очень велики: 25, 30, 40 дворовъ — это самыя большія. Однакожъ въ Цивильскомъ уѣздѣ есть деревня Норваши, гдѣ 90 дворовъ. Деревушки по 7, 8, 9 дворовъ называются околотками; избы выстроены безъ всякаго порядка, какъ у Татаръ и на одномъ дворѣ бываетъ много избушекъ, гдѣ живутъ не только родные, но и посторонніе. Всякая изба поставлена дверьми на востокъ; передъ избой маленькія сѣни, родъ галлереи и даже не покрытыя. — Расположеніе въ избѣ, какъ у Татаръ; кругомъ широкія лавки, называемыя нарами. — Изба отъ копоти черна и съ глянцемъ, будтобы покрыта чернымъ лакомъ. Сиганъ, или Сиганча называется у печки сдѣланная, на манеръ очага, печурка, гдѣ всегда виситъ котелъ, въ коемъ варятъ яшку, салму, яицы и всѣ кушанья.

3. Ты желаешь, чтобы я узнала подробности Ириха. Чуваши ни о чемъ такъ подробно не умѣютъ разсказывать, какъ объ Ирихѣ. Его дѣлаетъ Іомся, ростопляя олово и выливая

его въ формочку. Ирихъ не простой кусокъ олова, но маленькій идолъ, съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ. Ириха всегда ставятъ въ клѣтяхъ, молятся ему и приносятъ жертвы. Жертва Ириху по Чувашски называется Нимеръ, по Русски кисель, приготовленный изъ яшной муки съ масломъ и съ водою; еще приносятъ ему въ жертву пресныя лепешки. Ириху молятся, когда болятъ глаза, зубы, уши, или когда бываютъ сыпь и вереды. По прошествіи десяти лѣтъ, опредѣляютъ въ жертву Ириху барана. — Рябиновую или шиповную вѣтку, на которой виситъ Ирихъ, всякой годъ перемѣняютъ, бросая старую въ воду, а самъ Ирихъ всегда остается.

4. У некрещеныхъ Чувашъ жрецъ называется муллою. Какъ скоро ребенокъ родится, тотчасъ посылаютъ за муллой, который самъ моетъ ребенка теплой водой въ начевкахъ (маленькіе корытцы) и отдаетъ бабкѣ; другая женщина, какъ бы крестная мать, принимаетъ ребенка, надѣваетъ на него рубашку и отдаетъ матери, даря ее деньгами. Муллу выбираютъ міромъ изъ

почетныхъ стариковъ, и онъ непремѣнно долженъ быть вдовъ.

5. Мой знакомый Іомся не знаетъ, какимъ образомъ обрѣзывать курицамъ голову при свадебныхъ обрядахъ. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ этаго нѣтъ. Чуваши говорятъ, что во всякомъ уѣздѣ разные обряды. Здѣсь курицъ молятъ на кладбищахъ и пускаютъ живыхъ въ кереметь.

6. На твой вопросъ: что за богъ Бородонь у Чувашъ? Іомся Андрей Васильичь отвѣчаетъ, что такого бога нѣтъ.

7. Бигамія, или двуженство у некрещеныхъ позволяется; однакожъ говорятъ, что нѣтъ ни одного некрещенаго Чувашина, который бы имѣлъ двухъ женъ.

8. Іомси особеннаго платья у себя не имѣютъ; они даже при жертвоприношеніяхъ бываютъ въ простыхъ рубашкахъ, равно какъ и женскія Іомси.

9. Іомся колдунъ, жрецъ и лекарь, все одинъ. Они лечатъ обыкновенно травами, кореньями и наговорами. Липовый цвѣтъ, кукушкины слезы,

девисиль считаются въ числѣ ихъ лекарственныхъ травъ. — На кукушкины слезы они обыкновенно ворожатъ. Ежели корень встрѣчается о пяти пальцахъ, какъ рука, и соединенъ съ другимъ, то это хорошо, а ежели корень отрывается порознь, то дурно.

10. Іомси ворожатъ разными средствами: иные на уголь, на соль и на хлѣбъ, другіе берутъ воскъ, воткнувъ въ него иголку и повѣсивъ на нитку мотаютъ. Иные смотрятъ на деньги, положа ихъ въ воду. — Но по какимъ признакамъ они распознаютъ хорошее отъ дурнаго, не сказываютъ, да, я думаю, и сами не знаютъ. Іомси женскія дѣлаютъ одно и тоже.

11. О Биркахъ, то есть, Чувашскихъ буквахъ и тамги не имѣютъ они и понятія; а кто знаетъ писать и читать по Русски, того называютъ Тіекъ, т. е. писарь.

12. Верста, по Чувашски сехромъ. Они не мѣрятъ дорогу по своему, но считаютъ нашими верстами и знаютъ, что прежде была верста въ

700 саженъ, а теперь пятисотенная. Телюксель чалашъ 700, Сицесель — чалашъ 500 саженъ.

13. Обряды по умершимъ точно такіе, какъ я тебѣ описывала въ первыхъ письмахъ. — Чуваши говорятъ, что на самыхъ старинныхъ кладбищахъ могилы вырыты поперегъ, то есть, головами къ Сѣверу, а ногами къ Югу.

14. О керемети подробнаго описанія найти невозможно нигдѣ, кромѣ Сѣвернаго архива за 1827 годъ. — Что такое Мамаль, мои Чуваши не понимаютъ. Что такое Ирзамъ? тоже не знаютъ.

15. Мазаръ значитъ кладбище, которое Русскіе называютъ мазарки.

16. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ нѣтъ обряда, чтобы отецъ жениховъ снималъ съ головы молодой своей невѣстки покрывало длиннымъ пирогомъ (Тастаръ). Его снимаетъ дружка длинной палкой, какъ мною и описано въ письмѣ о Чувашской сватьбѣ. Можетъ быть, такъ дѣлаютъ въ другихъ уѣздахъ.

17. У некрещеныхъ Чувашъ ставятъ на кладбищахъ столбы каменные и деревянные. На старинныхъ даже есть изъ дикаго камня и уже вросшіе въ землю.

18. Чуваши имѣютъ четыре музыкальныхъ инструмента: пузырь — *шипра*; гусли — *гусля*; гудокъ — *кобисъ*; дудка, дѣлаемая изъ кленоваго дерева — *Шихлычъ*.

19. Сады Чуваши разводятъ и любятъ садоводство, но въ нихъ изъ плодовитыхъ деревъ нѣтъ никакихъ, кромѣ яблонь, рябины, рѣдко вишни, но много деревъ дикихъ.

20. Названіе мѣсяцевъ: Мон-кирлачь — Генварь. Кисинь-Кирлачь — Февраль. Норс-ойхъ — Мартъ. Пок-ойхъ — Апрѣль. Акк-ойхъ — Май. Сю-ойхъ — Іюнь. Сеонъ-ойхъ — Іюль. Сертна-ойхъ — Августъ. Вуд-ойхъ — Сентябрь. Аон-ойхъ — Октябрь. Эба-ойхъ — Ноябрь. Чукъ-ойхъ — Декабрь. Тебѣ хотѣлось перевести названіе ихъ мѣсяцевъ по Русски; но этаго Чуваши, не зная хорошо Русскаго языка, сдѣлать не умѣютъ; на-

добно спросить Русскаго священника, знающаго хорошо Чувашской языкъ.

21. Крещеные Чуваши празднуютъ Пасху, Рождество, Николинъ день, Троицу и праздникъ своего прихода.

22. Орень, кислое молоко, дѣлается такъ: молоко кипятятъ въ котлахъ очень долго, потомъ наливаютъ въ лянгозы, (*) студятъ и заквашиваютъ старымъ оренемъ; потомъ, сливъ въ кадки, употребляютъ въ пищу и, мѣшая съ водой, пьютъ вмѣсто квасу. — Квасъ Чуваши дѣлаютъ очень рѣдко, пьютъ больше воду, а богатые пиво.

23. Коштаномъ называется тотъ Чувашинъ, который въ деревнѣ всѣхъ бойчѣе и знаетъ Русскій языкъ. Они всегда посылаютъ коштана хлопотать по дѣламъ деревенскимъ и во всемъ съ нимъ соглашаются.

24. Крещеные Чуваши нынѣ не ѣдятъ ло-

*) Родъ бураковъ или деревянныхъ кувшиновъ.

шадинаго мяса, а прежде ѣли. — Некрещеные же ѣдятъ и понынѣ.

25. Чуваши не знаютъ, откуда они и чѣмъ были прежде; однакоже знаютъ, что Казань прежде принадлежала Татарамъ.

26. Названіе недѣльныхъ дней: Тунды-конъ, Понедѣльникъ; Утлари-конъ, Вторникъ; Шуманъ-конъ, Середа; Іонъ-конъ, Четвертокъ; Кнарни-конъ, Пятница; Ерна-конъ, Суббота; Шуматъ-конъ, Воскресенье.

27. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ Чуваши пашутъ всѣ сохами, а въ Цивильскомъ многіе сабаномъ или плугомъ.

28. Хороводовъ у нихъ не бываетъ и молодежь забавляется только пляскою.

29. Синьзя праздникъ въ концѣ Іюня мѣсяца.

30. Они дарятъ другъ друга, какъ Русскіе, всѣмъ, чѣмъ могутъ, но гораздо щедрѣе; даже

дают̀ въ подарки лошадей, коровъ и дорогія рубашки.

31. Они вообще называютъ себя Чувашами. Анатри Чуваши — значитъ Чуваши Низовые.

32. Печи топятъ, когда холодно, два раза въ сутки; но обыкновенно одинъ разъ.

33. Холстъ Чувашскій не красивѣе крестьянскаго Русскаго, но гораздо крѣпче и для этаго его больше покупаютъ. Холсты бываютъ льняные, посконные и конопляные.

34. Между крещеными и некрещеными разницы въ одеждѣ никакой нѣтъ, и никакъ не можно различить ихъ.

Вотъ тебѣ, что могла, все написала, и это стоило большаго труда: мой Іомся, Андрей Васильичь, отъ старости сдѣлался такъ безтолковъ, что никакъ меня не понимаетъ, а я его еще менѣе.

Новинскъ, 2-го Февраля.

Въ восемь часовъ утра я послала за другимъ Іомсей — колдуномъ, который пріѣхалъ ко мнѣ уже въ шесть часовъ вечера. Іомся колдунъ Иванъ Дмитричь ни мало не походитъ на Іомсю Андрея Васильича. — Онъ имѣетъ Русское лице и говоритъ очень хорошо по Русски. Мы съ нимъ довольно скоро познакомились; но онъ со всѣмъ не откровененъ, говорилъ со мной такъ, какъ бы усердно былъ преданъ нашей церкви. Когда я его спросила: гдѣ онъ научился ворожить и узнавать будущее? то онъ чрезвычайно удивилъ меня, сказавъ, что въ Петербургѣ. — И потомъ началъ разсказывать исторію своей жизни: какъ онъ въ младенчествѣ лишился отца и матери, выросъ на чужихъ рукахъ и двадцати лѣтъ отъ роду поплылъ работникомъ на судахъ въ Петербургъ, и, увидѣвъ такой чудесной городъ, не могъ съ нимъ разстаться, остался въ немъ, нанявшись въ дворники; послѣ перешелъ къ другому хозяину, торговавшему въ мелочныхъ лавочкахъ и былъ тамъ три года сидѣль-

цемъ. У этаго хозяина жилъ съ нимъ въ одно время солдатъ, Кіевской урожденецъ, у котораго мать летала сорокой и научила сына волшебной наукѣ; но, видно, чародѣйская сила не избавила его отъ солдатства. И у этаго-то воина учился Иванъ Дмитричь таинственной наукѣ. Онъ думалъ возвысить себя въ глазахъ моихъ, разсказывая, что образовался въ столицѣ; но мнѣ было это досадно: я хотѣла видѣть колдуна Чувашина, а не Малороссіянина. Однакожъ нечего было дѣлать: я просила его мнѣ отгадать, не загадывая ничего. Иванъ Дмитричь велѣлъ подать стаканъ воды, далъ мнѣ грошъ, чтобъ я сама бросила его въ стаканъ. Я это сдѣлала, и онъ очень долго смотрѣлъ въ воду, говоря по Чувашски очень тихо, потомъ сталъ мнѣ проповѣдывать въ двусмысленныхъ словахъ, такъ что разсказъ можно было толковать въ хорошую и худую сторону. Но когда я настаивала рѣшительно сказать мнѣ: да, или нѣтъ; то онъ всегда отвѣчалъ: сомнительно! сомнительно! — Но каково было мое удивленіе, когда онъ, между прочимъ, объявилъ, что у насъ въ домѣ сдѣлалась пропажа. Забывши о пожарѣ, бывшемъ

близь нашего дома и пропажахъ въ то время, я увѣряла его, что этаго не было—развѣ безъ меня?—нѣтъ! отвѣчалъ онъ, тому уже полгода, какъ у васъ пропали часы. Тутъ я вспомнила о часахъ, пропавшихъ у насъ во время пожара. Спрашиваю людей, не говорилъ ли кто нибудь о пожарѣ, о пропажахъ? — Утверждаютъ, что никто не говорилъ ни слова. Представь себѣ мое удивленіе. Ты знаешь, что я не только Чувашскому Іомсѣ, но и жрецамъ Египетскимъ и Оракуламъ Греціи и даже самой Пиѳіи не повѣрила бы; однакожъ нѣсколько часовъ была въ мучительномъ изумленіи. Наконецъ тайна открылась: староста разговаривалъ съ проводникомъ Іомси о пожарѣ и о пропавшихъ часахъ тогда, какъ колдунъ Иванъ Дмитричь отогрѣвался въ людской избѣ на печкѣ. Вотъ тебѣ и Чувашскія гаданія, которыя ты такъ любопытенъ былъ знать. Завтра по утру я ѣду въ городъ къ Исправнику и пробуду тамъ дни два; итак до того времени прощай.

Чебоксары, 3-го Февраля.

Я пріѣхала въ Чебоксары на веселье. Была вчера на званомъ вечерѣ, и сего дня ѣду на другой. Я удивилась: на вечеръ приглашены были не многіе, а двѣнадцать дамъ танцовали. — Мнѣ очень хотѣлось въ угодность тебѣ, написать что нибудь о Чебоксарахъ, хотя Статистика не женское дѣло. — Лучше же заняться ею, чѣмъ сидѣть цѣлой день, поджавъ руки. Городъ Чебоксары стоитъ на правомъ берегу Волги при рѣчкахъ Чебоксаркѣ и Сугуткѣ или Кайбалкѣ, построенъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1556 году; но въ 1699 и 1773 былъ истребленъ пожаромъ. Нынѣ въ немъ 11-ть церквей и двѣ пустыньки за городомъ, домовъ болѣе осми сотъ и довольно каменныхъ; жителей до 4600 душъ. Здѣсь пристань и богатая торговля хлѣбомъ, также медомъ, саломъ и воскомъ, а въ низовые города и лѣсомъ. Въ Чебоксарахъ можно найти всѣхъ ремесленниковъ; есть колокольной и юфтянной заводы, нѣсколько кирпичныхъ сараевъ и проч. и проч. Ты желалъ знать, нѣтъ ли чего въ Чебоксарахъ любопыт-

наго относительно древностей? Я ничего болѣе не нашла кромѣ вала, который показался мнѣ любопытнымъ. — Валъ находится при выѣздѣ на Московскую дорогу; начинается отъ Волги и простирается на 400 саженъ до высокой горы; онъ шириною въ сажени четыре, посреди его ровное мѣсто для свободнаго выхода. — Въ какое время сдѣланъ валъ, кѣмъ и для чего? Объ этомъ ни Исторія, ни даже народное преданіе не говорятъ ни слова. Но я очень рада, что узнала о Чебоксарахъ Легенду (*). До построенія города жили въ этомъ мѣстѣ два главные Чувашскіе Іомси, Чебакъ и Саръ. Гдѣ теперь находится Соборная церковь, тамъ была пребольшая кереметь, въ которой жилъ Чебакъ; Саръ жилъ также въ керемети, гдѣ теперь построена Владимірская пустынь. Чуваши говорятъ, что когда Русскіе начали строиться, то поднялась ужасная буря, громъ, молнія, дождь, градъ. Вѣтромъ ломало деревья въ керемети и обитавшій въ немъ злый духъ со свистомъ и съ крикомъ вылетѣлъ изъ него. Вотъ отъ чего производятъ имя Чебоксаръ.

(*) Чебоксары называются по Чувашски Шобошкаръ.

У некрещеныхъ Чувашъ и въ Цивильскомъ уѣздѣ теперь еще извѣстны имена Чебака и Сара, и между ими нѣкоторые Чуваши называются Чебаками, а другіе Сарами.

Чебоксары, 3-го Февраля.

Что бы тебя развеселить заочно, я разскажу тебѣ презабавный анекдотъ, случившійся въ прошломъ году, объ одной крестьянкѣ. По сосѣдству съ нашей деревней жили двѣ сестры, сироты, которыя доставали себѣ хлѣбъ и все нужное для безбѣдной жизни своею работой. — Не имѣя отца и матери и живши безъ всякаго надзора, онѣ привыкли къ свободной жизни, и, вѣроятно, по этой причинѣ вся деревня на нихъ вознегодовала такъ жестоко, что онѣ должны были выѣхать въ Чуваши. Старшая сестра вышла за мужъ, а меньшая пустилась по другой дорогѣ: она стала юродствовать, ходила, даже зимою въ сильные морозы въ одной рубашкѣ и босыми ногами, и въ такомъ костюмѣ часто приходила въ нашу деревню, отстоявшую отъ ихъ околотка версты четыре. Но нынѣ не

такъ, какъ въ старые годы, пустосвятствомъ рѣдкихъ обманешь, и потому моя героиня отъ этаго нимало не разбогатѣла. Оставивъ притворство, она принялась за другое: остригла волосы, одѣлась въ мужское платье, назвалась Ярославскимъ купцемъ и представляла изъ себя Ринальдо Ринальдини; ѣздила по разнымъ деревнямъ, обирала Чувашъ, обманывала Русскихъ и даже сельскихъ священниковъ. — Между такими геройскими ея поступками два очень, очень забавны. Мнимый Ярославскій купецъ услышалъ, что на одной мельницѣ закупаютъ пшеницу; онъ явился къ хозяину мельницы, сказывая о себѣ, что пріѣхалъ изъ Ярославля за покупкою пшеницы, которой уже закупилъ довольно много, въ надеждѣ весною нагрузить суда, и съ ними вмѣстѣ отправиться въ Ярославль; но непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ его ѣхать зимнимъ путемъ и пшеницу продать, что онъ и дѣлаетъ, сбавляя цѣну. Мѣщанинъ, содержатель мельницы, былъ очень радъ купить такъ дешево, и отдалъ ему задатокъ; самозванецъ тотчасъ отправился по разнымъ Чувашскимъ деревнямъ, объявляя всѣмъ, что подрядился на

такую-то мельницу поставить нѣсколько сотъ пудовъ пшеницы и обѣщалъ Чувашамъ высокую цѣну. Пшеница была скоро готова, и онъ, поѣхавъ съ возами на мельницу, требовалъ отъ хозяина за хлѣбъ половину денегъ, который осмотрѣвъ покупку, отдалъ поставщику слѣдующую сумму, а этотъ тотчасъ непримѣтно скрылся. Когда же хлѣбъ былъ ссыпанъ въ анбаръ, тогда открылось плутовство; ибо ссыпавшіе пшеницу Чуваши стали требовать себѣ денегъ, но виноватая была уже далеко. Другой анекдотъ еще забавнѣе. Проказница провѣдала, что въ Черемисскомъ селѣ у одного богатаго священника была дочь невѣста. Она въ купеческомъ костюмѣ явилась въ село, и начала ходить часто мимо священническаго дома и въ церковь, когда была служба, поглядывая умильно на поповну, которая въ короткое время въ нее влюбилась.

Началось сватанье. Священникъ отказывался отдать дочь за неизвѣстнаго человѣка; но дочь хотѣла лишить себя жизни, ежели отецъ откажетъ Ярославскому купцу. Нечего было дѣлать: бѣдный священникъ согласился, сдѣлалъ сго-

воръ — и фальшивой женихъ подарилъ невѣсту шалью. Послѣ сговора женихъ сталъ часто ходить къ невѣстѣ и подсматривалъ, гдѣ хранились деньги. Однажды священникъ пошелъ въ свою кладовую, чтобъ достать нѣсколько сотъ рублей и подарить ими жениха на сватьбу, открылъ сундукъ,—но онъ былъ пустъ; священникъ привелъ въ смятеніе весь домъ, зоветъ жениха на помощь, но уже и слѣдъ его завѣяло вѣтромъ.—Послѣ этаго произшествія героиня скоро поймана и наказана.

ОТВѢТЫ.

Казань, 30-го Октября.

Сердечное тебѣ спасибо, милый другъ, за весьма любопытное твое описаніе Чувашской сватьбы. Я умѣю цѣнить этотъ трудъ, зная, какія препятствія представляются путешественнику, желающему проникнуть въ тайны домашней, а еще болѣе религіозной жизни сего полу-дикаго народа. Безъ сомнѣнія несравненно было удобнѣе во времена Палласа и другихъ, прошедшаго вѣка, путешественниковъ описать древніе сего народа обычаи.

Не поскучаешь, думаю, ежели я тебѣ передамъ все то, что объ этомъ народѣ донынѣ писано. Между тѣмъ, какъ ты находясь у нихъ въ гостяхъ, будешь заниматься замѣчаніемъ ихъ образа жизни, я съ удовольствіемъ займусь въ

моей библіотекѣ чтеніемъ книгъ, содержащихъ въ себѣ сказанія объ этомъ народѣ. Выписка моя будетъ, какъ можно, короче. Упражненіе въ этомъ сколько нибудь успокоитъ мое сердце, встревоженное твоимъ отсутствіемъ: когда два, любящіеся друга, въ одно и то же время занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ, не смотря на разстояніе мѣста; то это, по моему мнѣнію, взаимное и той и другому доставляетъ удовольствіе. Я зналъ человѣка, который во время беременности своей жены, самъ чувствовалъ тоже, что чувствуютъ женщины въ семъ состояніи. И сколько мужей, во время истерическихъ припадковъ женъ своихъ, дѣлаютъ такія же, какъ онѣ, въ семъ положеніи, гримасы! — вѣришь ли ты этому? — По крайней мѣрѣ, я занимаюсь моими Чувашами, какъ и ты ими же.

Палласъ въ своемъ по Россіи путешествіи въ 1768 году говоритъ, что Чувашъ, въ Оренбургской губерніи живущихъ, гораздо большее количество, нежели находящихся на правомъ берегу Волги. Я не согласенъ съ его мнѣніемъ: ибо въ уѣздахъ Чебоксарскомъ, Цивильскомъ и Яд-

ринскомъ обоего пола находится ихъ около 300,000 душъ. — Слишкомъ значительное число, особливо, когда къ сему присовокупить и живущихъ въ Симбирской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ. Что касается до некрещеныхъ Чувашъ, то ихъ больше находится въ Оренбургской, нежели въ Казанской губерніи. Некрещеныхъ здѣсь около 1,800 душъ, въ 6-ти, или 8-ми деревняхъ. Палласъ говоритъ еще, что кромѣ языка, жены Чувашскія заимствовали послѣдній отъ Татаръ костюмъ свой. Тебѣ извѣстно, что у нихъ есть свой собственный покрой, имъ приличной одежды, не имѣющій никакого сходства съ Татарскимъ. Тотъ же авторъ наконецъ говоритъ, что будто они смѣсь съ Татарскою кровью. Напротивъ Чуваши весьма различествуютъ отъ Татаръ и лицемъ и станомъ и даже отличаются отъ всѣхъ Финскихъ поколѣній. Повѣствованіе Палласа о Чувашскихъ обрядахъ основывается только на однихъ пересказахъ ему другихъ.

Георгій въ своемъ путешествіи въ 1774 году доставляетъ намъ болѣе о Чувашахъ свѣде-

ній. Онъ говоритъ о нихъ, какъ о народѣ многочисленномъ, котораго большая часть въ 1745 году принуждена была принять Христіанскую вѣру, но еще сохраняетъ свой собственный языкъ, произходящій отъ Финскаго, свои обычаи, свой костюмъ и свое суевѣріе. Въ образѣ жизни сего народа послѣдовала необыкновенная перемѣна: орды скотоводцевъ сдѣлались хлѣбопашцами, однакожь городовъ они терпѣть не могутъ, живутъ въ деревушкахъ и болѣе въ лѣсистыхъ ущельяхъ. Они различнаго роста, по большей части, худощавы, блѣдны и неловки, однако не лѣнивы; умъ тупѣе Черемисъ, коимъ впрочемъ уподобляются во многомъ, особливо въ нравственномъ отношеніи. Ихъ селенія, во всемъ сходствующія съ Черемисскими, содержатъ въ себѣ отъ 10 до 30 домиковъ; домашній ихъ скарбъ чрезвычайно простъ, а потому они очень неопрятны. Некрещеные Чуваши употребляютъ въ пищу мясо хищныхъ звѣрей и птицъ, даже падаль; крещеные же въ выборѣ пищи нѣсколько съ ними различествуютъ, однакоже не пренебрегаютъ лисицами. Первые терпѣть не могутъ свинины, а послѣдніе, мало по малу, нынѣ

къ этому кушанью привыкли. Нѣкоторые Чуваши подражаютъ Русскимъ поселянамъ въ томъ, что садятъ въ своихъ огородахъ капусту. Изъ всѣхъ писателей, повѣствовавшихъ о Чувашахъ, я почитаю Георгія лучшимъ.

Все, что за 50 лѣтъ назадъ писано было о семъ народѣ, можно найти въ книгѣ, подъ названіемъ: *Описаніе всѣхъ, обитающихъ въ Россіи народовъ*, изданной въ 1799 г. при Академіи наукъ. Двѣ, при описаніи Чувашскаго народа, въ сей книгѣ находящіяся картинки, имѣютъ достаточное съ подлинниками сходство. Изъ этой самой книги приведу я здѣсь кстати нѣкоторыя, касательно Чувашъ, мѣста, а именно: — „Чуваши представляютъ себѣ состояніе человѣческое, послѣ смерти, двоякимъ: честные люди переселяются въ страну изобилія, въ коей надѣются найти своихъ родственниковъ, также скотъ и все имѣніе свое, и при томъ гораздо въ лучшемъ состояніи; злые же люди будутъ, по ихъ мнѣнію, странствовать въ холодныхъ и безплодныхъ степяхъ, какъ кости безъ тѣла. Въ ссорахъ своихъ они не употребляютъ никакихъ клятвъ, но

единственно держатся своего слова; когда же надобно имъ присягать предъ судьями, то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ: чтобъ мнѣ и этаго у себя не видѣть, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою. Рекрутамъ даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестообразно тесаки, и это служитъ для сего народа, вмѣсто обыкновенной въ Россіи для прочихъ Христіанскихъ народовъ, присяги."

Академики Фалкъ, Лепехинъ и Капитанъ Рычковъ не говорятъ почти ничего особеннаго о Чувашахъ въ своихъ путешествіяхъ.

Историографъ Миллеръ во время путешествія своего по Сибири въ 1733 году провелъ нѣсколько времени въ Казани, для собранія свѣденій о языческихъ народахъ, въ Казанской губерніи живущихъ. Наблюденія его напечатаны въ собраніи извѣстій, къ Россійской Исторіи принадлежащихъ, 1758 года, томъ 3. Это сочиненіе въ Русскомъ переводѣ особо напечатано, съ картинками. При Миллерѣ былъ Русской пе-

реводчикъ, чрезъ котораго онъ собралъ многія объ этомъ народѣ свѣденія; но авторъ пишетъ, что онъ самъ не бывалъ ни въ одной Чувашской деревнѣ; объ этомъ пожалѣть надобно: тогда было бы удобнѣе получить любопытнѣйшія объ ихъ язычествѣ извѣстія. Я не хочу дѣлать выписки изъ книги Страленберга, содержащей въ себѣ одно пустословіе о вышеупомянутыхъ народахъ.

Въ книгѣ, довольно любопытной, подъ названіемъ: *Описаніе Каспійскаго моря* изд. Г. Соймоновымъ въ С. Петербургѣ 1763 года, говорится, что Императоръ Петръ I-й далъ повелѣніе Казанскому Губернатору, дабы онъ немедленно послалъ 5,000 Чувашъ въ работу къ устью рѣки Куры, гдѣ предполагалось построить крѣпость, и въ Персидскую провинцію Гиланъ, куда они немедленно и отправлены; но что послѣ съ ними произошло, о томъ въ Исторіи ничего не упомянуто.

Точнѣйшее сочиненіе, относительно Чувашъ, издано и помѣщено въ Сѣверномъ архивѣ 1827

года. Я выпишу оттуда для тебя нѣкоторыя мѣста, кои мнѣ показались занимательнѣе прочихъ.

Народъ, извѣстный въ Россіи подъ именемъ Чувашъ, имѣлъ прежде свои жилища внизъ по рѣкѣ Волгѣ и составлялъ древнихъ Болгаръ. — Чуваши, вообще, лицемъ блѣдны, въ дѣлахъ не расторопны и въ образѣ жизни грубы. Они склонны къ разнымъ суевѣріямъ и многобожію; легковѣрны, предпріимчивы, но при томъ робки и смирны. Главнымъ ихъ упражненіемъ бываетъ хлѣбопашество и прочія земледѣльческія работы; рукодѣлій же, или ремеслъ никакихъ не имѣютъ. Лѣтомъ они живутъ въ анбарахъ, выстроенныхъ изъ хорошаго лѣса; зимою же въ избахъ черныхъ и темныхъ, потому, что свѣтъ проходитъ въ избу только въ небольшую, полукруглую диру, вырѣзанную возлѣ двери, а хотя и находятся еще два маленькія, волоковыя окна, сдѣланныя въ стѣнахъ на востокъ и сѣверъ, но отворяются весьма рѣдко; живущіе же въ отдаленіи отъ Русскихъ, оконницъ не имѣютъ. Вмѣсто кроватей, служатъ имъ широкія нары,

такъ же какъ и Татарамъ, гдѣ не очень бѣдные изъ Чувашъ спятъ на перинахъ. Чуваши не зная письма, не имѣютъ у себя и законовъ письменныхъ. Но законъ естественный, начертанный у каждаго въ сердцѣ, заставляетъ ихъ сожалѣть о несчастномъ, давать помощь просящему и не желать того другому, чего себѣ не желаютъ: почему они и почитаютъ за грѣхъ всякую обиду. Они весьма добродушны, и, не привыкши изъявлять свое усердіе на словахъ, оказываютъ его на самомъ дѣлѣ: кто бы къ нимъ ни заѣхалъ, если онъ показываетъ особый видъ постояннаго и обходительнаго человѣка, всегда бываетъ ими принятъ съ радушіемъ и угощаемъ всѣмъ, что у нихъ на тотъ разъ случится. — Чуваши весьма чувствительны и признательны къ благодѣяніямъ, имъ оказаннымъ; ибо они изъявляютъ нелицемѣрные знаки своей благодарности за то, не только однимъ благодѣтелямъ своимъ, но и родственникамъ ихъ даже чрезъ долгое время послѣ смерти первыхъ. — Мужъ имѣетъ у нихъ полную власть, а жена должна повиноваться ему во всемъ безъ всякаго прекословія. Отъ сего не бываетъ у нихъ почти

никакикъ семейственныхъ ссоръ. — Чуваши думаютъ, что ихъ злыя божества и керемети живутъ на землѣ въ лѣсахъ. Главный изъ нихъ Выльры Ирзамъ, по мнѣнію Чувашъ, не имѣетъ начала и старше всѣхъ прочихъ. Пребываніе свое имѣетъ Цивильской округи близь деревни Выли въ лѣсу при озерѣ, кои посвящены ему Чувашами. Тамъ, внутри загородки, сдѣланы три жертвенника для пріуготовленія ему жертвъ, и три зданія для приношенія ихъ; вообще, тамъ надѣлано всѣхъ требищъ, болѣе обыкновеннаго; загородка обставлена множествомъ пчелиныхъ ульевъ, изъ коихъ вынимая медъ, жрецъ дѣлаетъ изъ него напитокъ и приноситъ въ жертву сей керемети. Изъ двухъ его сыновей, одинъ, Сивя-зинзы Ирзамъ, живетъ на рѣкѣ Свіягѣ, а другой Челназинзи Ирзамъ, на рѣкѣ Чильнѣ. Послѣднему дѣлаются молодыми людьми, отданными въ рекруты, разныя обѣщанія, чтобы онъ помогъ имъ благополучно окончить службу и возвратиться на родину. — Чеменъ (собственное имя Чувашина), по сказанію Чувашъ, былъ житель деревни Юхмы въ Буинскомъ округѣ и почитался отъ народа Іомзой. При

смерти, онъ завѣщалъ своимъ родственникамъ, чтобы они, по кончинѣ не хоронили его на общемъ кладбищѣ, а положили въ полѣ на особомъ мѣстѣ, имъ отъ него указанномъ; и что онъ будетъ у нихъ Ирзамомъ. Родственники исполнили его завѣщаніе. Чуваши же, по суевѣрію своему, включа его по смерти въ число злыхъ боговъ, считаютъ изъ всѣхъ самымъ злѣйшимъ, такъ, что, по мнѣнію ихъ, за малѣйшее неисправленіе жертвы, даже такой, которая тягостна небогатому человѣку, онъ производитъ корчу въ жилахъ и прочія неизлѣчимыя болѣзни. Почему приносятъ они ему въ жертву только однихъ большихъ животныхъ; а замужнія женщины по аршину холста, который онѣ почитаютъ непремѣннымъ долгомъ напрясть и выткать въ одни сутки. Ниодна невѣста, живущая близь этой деревни, не смѣетъ выйти за мужъ, не принеся Чемену жертвы, и даже, иногда случается, по извѣщенію Юмзей, должна бываетъ заколоть вдругъ и принести ему въ жертву барановъ до двѣнадцати. Чуваши, поссорясь между собою, ходятъ въ кереметь Чемена, и принеся ему жертву, просятъ объ отмщеніи сво-

имъ непріятелямъ: они вѣрятъ, что Чеменъ услыша ихъ мольбу, наноситъ послѣднимъ нестерпимыя болѣзни. Другіе, напротивъ, стараются удовлетворить Чемена великими жертвами, чтобы не умереть отъ злыхъ болѣзней, хотябы и должны были разориться отъ тѣхъ жертвъ. Чуваши думаютъ о злыхъ своихъ божествахъ вообще, что они имѣютъ женъ и дѣтей; и когда по размноженію жителей и умаленію пахатной земли, нѣкоторые люди выходятъ изъ деревень и селятся на новыхъ мѣстахъ, тогда, по ихъ мнѣнію, и сіи злые духи переходятъ съ ними и ѣздятъ оттуда каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ къ своимъ сродникамъ для свиданія.“

Докторъ Эрдманъ въ своемъ описаніи города Казани 1822 года сообщаетъ намъ довольно интереснын, впрочемъ не новыя, относительно Чувашъ, свѣденія. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ образованіи тѣла ихъ и самаго языка находятся признаки Финскаго происхожденія. Они росту средняго, говоритъ авторъ, лице имѣютъ плоское и блѣдное, глаза черно-сѣрые съ рѣсни-

цами весьма узкими, бороду мелкую, а волосы черные и нѣсколько кудрявые. Впрочемъ онъ присовокупляетъ, что они заимствовали отъ Татаръ много касающагося до ихъ тѣлесной формы и образа жизни.“ Послѣ этаго вопросъ: какимъ образомъ это могло случиться; ибо они никакого физическаго сношенія съ Татарами не имѣли?

Извѣстіе о Чувашахъ, живущихъ въ Казанской, Симбирской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ. Смотри Казанскій вѣстникъ за 1829 г.

Чуваши добродѣтельны и терпѣливы. Если кто обидѣлъ другаго, то обиженный, не въ силахъ будучи своими руками управиться съ обидѣвшимъ, оставляетъ его и забываетъ свою обиду. Они тогда только строго вступаются за оскорбленіе, когда бываютъ пьяны. Въ семъ послѣднемъ случаѣ садятся на одну телѣгу, вмѣстѣ спинами, чтобы не видѣть лица другъ у друга — и ѣдутъ судиться къ писарю въ волостное правленіе; но первый, встрѣтившійся на дорогѣ, питейный домъ рѣшаетъ тяжбу: здѣсь они дѣ-

лаютъ складчину, купятъ вина, напьются, поклонятся въ ноги одинъ другому разъ по пяти, опять садятся рядомъ и скачутъ назадъ въ деревню съ пѣснями.

Замѣчанія на статью: извѣстіе о Чувашахъ, напечатанную въ Казанскомъ вѣстникѣ за 1829 годъ. Сочиненіе Г. Анорова въ Казани противъ предыдущей статьи. Обѣ весьма интересны, не смотря на то, что обѣ писаны съ пристрастіемъ: первая противъ сего народа, а послѣдняя противъ автора сего сочиненія. — Изъ сочиненія Г. Анорова приведу, кстати, маленькое его замѣчаніе: Чуваши живутъ несравненно лучше многихъ Русскихъ крестьянъ. Ихъ деревни суть собраніе въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ хуторовъ, или усадьбъ. Улицъ правильныхъ нѣтъ; за то едва ли найдете у Русскаго крестьянина такую чистоту на дворѣ и такой здоровой воздухъ, какъ у Чувашина. Постройка ихъ для глазъ не красива, но красота и перспектива нужны въ городахъ, а поселянину во всемъ удобство; у Чувашина же все подъ руками: домъ съ гумномъ и всѣми анбарами; земля пашенная подъ бокомъ,

а не такъ, какъ у Русскихъ, иногда верстъ за 15; лѣсъ близко, хлѣба вдоволь остается и съ значительною продажею на пристаняхъ для обѣихъ столицъ; нищихъ между ими почти нѣтъ.

Статистическая записка о народахъ, населяющихъ Саратовскую губернію. См. Московскій Телеграфъ, 1833, № 13. (Стат. описаніе Саратовской губерніи А. Леопольдовымъ. 1839, стр. 41.)

Саратовскіе Чуваши, переходцы изъ Пензинской губерніи, живутъ въ уѣздахъ Кузнецкомъ и Петровскомъ. Физіономія ихъ походитъ на Татарскую. Между ними очень мало свѣтлорусыхъ и рыжихъ, но почти всѣ черноволосые. Женскій полъ довольно пригожъ. Жилища Чувашъ похожи на Татарскія: двери дома на востокъ, съ навѣсомъ или сѣнями, лавки въ избѣ широкія, печь складена по правую сторону безъ трубы; постели скудныя, сплетенныя изъ травы.

О Чувашскомъ языкѣ, соч. Протоіерея Вишневскаго. Языкъ Чувашскій состоитъ изъ словъ,

*

собственно Чувашскихъ, Татарскихъ и весьма малаго числа Русскихъ. Чуваши, не имѣя письма, сохраняютъ языкъ свой по преданію. Одному удаленію отъ просвѣщенія надобно приписать то, что языкъ ихъ съ теченіемъ времени не обогащается, или не теряется совершенно. Заволжскій муравей, 1832, № 20-й.

Ты видишь, другъ мой, какъ скучно выписывать изъ книгъ свѣденія о цѣломъ народѣ. Не лучше ли, какъ ты дѣлаешь, путешествовать по ихъ жилищамъ, быть у нихъ въ гостяхъ, и съ твоимъ добрымъ характеромъ и любопытнымъ умомъ узнавать отъ нихъ самомалѣйшія подробности въ образѣ ихъ жизни. — Смотри, не влюбись въ какого нибудь изъ Чувашскихъ молодцовъ, хотя отъ нихъ и попахиваетъ дымомъ. Мнѣ сказывали, что они очень ревнивы. Правда ли это?

Казань, 5-го Ноября.

Съ того времени, какъ ты перевела маленькія Чувашскія пѣсенки, въ коихъ есть чувство

и даже тонкости, тебѣ хотѣлось знать, другъ мой, чрезъ меня, существуетъ ли у этого народа какая нибудь письменность, или, лучше сказать, тебѣ хотѣлось узнать Чувашскую литературу. Позволь мнѣ сдѣлать маленькое къ этому приготовленіе. — Языкъ Чувашскій очень бѣденъ. Въ словарѣ, предо мною на столѣ лежащемъ, находится только 1646 словъ, а считая коренныя слова, не выдетъ и 1000 словъ. Кстати скажемъ здѣсь, что народъ необразованный не имѣя отвлеченныхъ идей, натурально не можетъ имѣть и названій оныхъ; впрочемъ для вещей, подлежащихъ чувствамъ, имѣетъ довольно именъ. Кромѣ сего, Чуваши чуждаются всякаго съ другими народами сношенія. Тотъ изъ нихъ почитается образованнѣйшимъ, кто ѣзжалъ по большимъ дорогамъ, возилъ Русскаго на Нижегородскую ярмарку, бывалъ въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ, или отъ Чебоксаръ до Рыбинска тянулъ лямкою судно. Отставной солдатъ, изъ нихъ, возвратившійся на родину, есть рѣдкій феноменъ. Онъ разсказываетъ о своихъ походахъ или геройскихъ подвигахъ часто по одному хвастовству, изъясняясь для знающихъ

по Русски на Русскомъ языкѣ, по причинѣ недостатка словъ въ своемъ природномъ. Итакъ языкъ Чувашскій, бѣднѣйшій въ своемъ началѣ, и теперь остается такимъ же.

Чтобъ сколько нибудь пособить бѣдному своему языку, уже въ теченіе времени много приблизившемуся къ Татарскому, они берутъ для предметовъ, имъ до нынѣ еще неизвѣстныхъ, Татарскія слова; находятъ у нихъ даже нѣкоторыя слова Арабскія, безъ сомнѣнія, отъ Татаръ полученныя. Это служитъ доказательствомъ, что Чуваши были прежде въ ближайшемъ съ Татарами сношеніи, нежели съ Русскими. Но при всемъ томъ они взяли нѣкоторыя изъ Русскихъ словъ, искаженныя по ихъ складу, напр. авынъ — овинъ, вуру — воръ, клема — клеймо, книгге — книга, копуста — капуста, крань — граница, крапле — грабли, кюсле — гусли, лапка — лавка, лохань — лаханка, моръ — моръ, пошмакъ — башмакъ, присокъ — присяга, сала — село, саладъ — солодъ, салдакъ — солдатъ, сватой — святой, сога — соха, хысна — казна, черггю — церковь.

Могла ли ты думать, другъ мой, чтобъ и вы, Русскіе, взяли нѣсколько словъ изъ этого бѣднаго языка въ вашъ богатый словарь. И вотъ на прим. лошадь, отъ ихъ лаша, лари отъ ихъ слова ларасъ — сидѣть, сани, отъ ихъ сюна, и другія подобныя слова.

Въ языкѣ изъ много описательныхъ словъ: наприм. Адылъ-кось, полынья; (Адылъ Волга, кось глазъ). Игге-хюри — крыса; (игге — веретено, хюри — хвостъ — до слова выходитъ такое животное, у коего хвостъ подобенъ веретену), хори-коранъ, грачь, хори — черный, коракъ — воронъ, посъ-торатъ — гребень у пѣтуха — (то, что на головѣ стоитъ). Немичъ-пурза, бобы, Нѣмецкій горохъ; и такихъ, кои изображаютъ звуки природы: Чаггакъ — сорока, муггыръ — быкъ, силь — вѣтръ, чанъ — колоколъ, коракъ — ворона, кычкырасъ — кричать, и мн. д.

Вотъ все, что донынѣ писано на ихъ языкѣ Русскими буквами: 1) Катихизисъ, сочиненія Преосвященнаго Митрополита Платона, въ Москвѣ, 1804 года, церковными буквами. 2) Ка-

тихизисъ, сочиненія Митрополита Филарета съ Священною Исторіею, печатанъ въ Казани 1832 г. гражданскими буквами. 3) Грамматика Чувашскаго языка, печатана въ С. Петербургѣ, при Академіи наукъ, безъ означенія года, въ 4 д. листа. Такая же грамматика, въ рукописи Протоіерея Таліева въ Казани. 5) Грамматика и словарь Чувашскаго языка Протоіерея Вишневскаго. Казань, 1836 г. 6) Проповѣдь о воспитаніи дѣтей, на Чувашскомъ языкѣ, священника Ядринскаго уѣзда Алексѣя Алонзова, печатана въ С. Петербургѣ 1819 года. 7) О цѣли Библейскаго общества воззваніе, съ Русскаго переведено на Чувашскій Священникомъ Базилевскимъ, печатано въ С. Петербургѣ. 8) Св. Евангеліе, на Чувашскій яѣыкъ переведенное при руководствѣ Казанскаго Преосвященнаго, священно-служителями Казанской Епархіи, печатано въ Казани 1820 года. Ценсоромъ сего перевода былъ вышеозначенный Протоіерей Таліевъ. 9) Краткій сравнительный словарь на 7-ми языкахъ, Латинскими буквами, а именно: на Татарскомъ, Чувашскомъ, Черемисскомъ, Вотякскомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ, собранный Историографомъ Мил-

леромъ въ бытность его въ Казани 1733 года; и находится въ его собраніи матеріаловъ для Россійской Исторіи, т. 3. 1758 года.

Изъ всего этаго ты видишь, любезный другъ, что у сего народа не находится ничего, похожаго на литературу: ибо они не имѣютъ ни буквъ, ни преданій историческихъ, но ограничиваются одними народными пѣсенками,—большею частію, унылыми. Хотя же нынѣ и есть у нихъ въ волостяхъ грамотеи, но эти грамотеи суть волостные писаря изъ Чувашъ, и пишутъ только начальственные приказы,—Русскимъ языкомъ.

Казань, 12-го Ноября.

Политеизмъ Чувашскій такъ запутанъ, что для распутанія его потребно большее показаніе, нежели Чувашскаго іомзы или колдуна. Ты очень хорошо угадала, другъ мой, что мы гораздо лучше понимаемъ Чувашскій политеизмъ, нежели ихъ суевѣрные богословы.

Для народа, отъ натуры робкаго, и ко всякому феномену природы чувствительнаго, для

жителей сѣверныхъ лѣсовъ, живущихъ между свирѣпыми звѣрями, гдѣ эхо повторяетъ заунывные звуки голоса и животныхъ и людей, очень натурально, каждой феноменъ природы принимать за силы сверхъ естественныя. Многіе путешественники замѣтили, что жители холодныхъ и сырыхъ климатовъ показываютъ воображеніе, слишкомъ возвышенное, и чрезвычайную раздражительность нервъ. Чуваши съ незапамятныхъ временъ жили въ непроходимыхъ тогда дубовыхъ и березовыхъ лѣсахъ, по рѣкѣ Волгѣ. Здѣсь они находились въ очень маленькихъ партіяхъ (селитьбахъ); народонаселеніе у нихъ было малочисленное; они не имѣли, въ теченіе многихъ вѣковъ, никакого понятія о другихъ народахъ, доколѣ Татары кое-какъ ихъ не покорили; но побѣдители не имѣли никакого вліянія на ихъ вѣру. Чуваши изобрѣли себѣ особенную религію, которая для сихъ дѣтей природы есть самая натуральная, и, безъ сомнѣнія, древнѣйшая, ежели, какъ полагать надобно, не получили они ее чрезъ преданіе изъ Малой Азіи.

Система Чувашской религіи имѣетъ два основныя начала, злое и доброе. Добрый геній не требуетъ жертвы, и она не дается ему потому, что онъ добръ и не накажетъ. Его благодарятъ за добро, отъ него получаемое, но не боятся. — Злой же геній, мученіе, какъ они думаютъ, всей вселенной, требуетъ безпрестанной жертвы, потому что онъ безпрерывно преслѣдуетъ людей, и не нарушаетъ ихъ спокойствія на короткое время, единственно за покорность, ему оказываемую, и за жертвы. Добрый называется Тора, а злой Кереметь. Первый не имѣетъ храмовъ; а послѣднему посвящено мѣсто въ лѣсахъ, близь ключей, кои носятъ на себѣ его имя; даже въ самыхъ домахъ ему приносятъ жертвы.

Какъ Чуваши не могутъ имѣть понятія о блаженствѣ, безъ женъ; то они посему придали ихъ и своимъ божествамъ. Эта мысль счастливая: ибо добрая жена есть совершенный ангелъ, какъ ихъ Тора Ама, которой молятся они при трудныхъ родахъ и о семейственномъ счастіи; — но какое чудовище, думаютъ они, есть злая же-

на, какова у Керемети, которая въ тысячу разъ хуже своего мужа, и которая причиняетъ бѣдствія при болѣзняхъ.

Какимъ образомъ полудикій Чувашъ можетъ имѣть понятіе о происхожденіи вещей? — Онъ даетъ своимъ божествамъ мать, — т. е., по нашему, природу. Вотъ напр. Тора Амоша и проч.

Чуваши отъ природы медлительны и не имѣютъ остраго зрѣнія, и эти же свойства приписываютъ своимъ богамъ. По сей причинѣ даютъ имъ помощника (пюлюхсъ), который два вышеозначенныя начала увѣдомляетъ о всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Они также думаютъ, что сихъ началъ дѣти, которымъ даются разныя имена и разныя должности (кебе), при перемѣнѣ мѣста имъ сопутствуютъ. Сіи божескія существа нижняго разряда летаютъ, бѣгаютъ, ѣздятъ верхомъ, въ телѣгѣ, въ саняхъ по всѣмъ направленіямъ, и суть главныя пружины и члены оныхъ двухъ главныхъ началъ. Наконецъ сами Чуваши, по смерти своей, могутъ быть слугами этихъ нижнихъ божествъ, смотря пото-

му, какъ они себя отличали при своей жизни жертвоприношеніями.

Чуваши не идолопоклонники. У нихъ нѣтъ идоловъ и ничего такого, чему бы они молились. Ихъ Ирихъ, или вѣточки, связанныя изъ рябины, въ каждомъ домѣ надъ дверьми находящіяся, служатъ имъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли. Подобные сему талисманы бываютъ у многихъ народовъ.

Ежедневная ихъ молитва есть слѣдующая въ моемъ буквальномъ переводѣ:

Тора сирлахъ! Тора помилуй!
Тора анбрахъ! Тора не оставь!
Сюлди Тора! Всевышній Тора!
Сирлахъ сирди Падша, Спаси земнаго Царя,
Ыволданъ, хирданъ! Сыновей, дочерей!
Тыреранъ, пылранъ, Хлѣба, меду,
Тора бадыръ! Тора дай!
Исмяшканъ, симяшканъ, Пить, ѣсть,
Сывлыхне Тора, бадыръ! Здоровья Тора, дай!

Вылихранъ чирлихранъ	Скотомъ здоровымъ
Толыяхъ карда,	наполни дворы.
Утба карда,	Лошадьми дворъ,
Иняба карда,	Коровами дворъ,
Сорыхба карда,	Овцами дворъ,
Тора бадыръ!	Тора, дай!
Карданъ килъ шалданъ	Странника, издалека
высься киляггана ярасъ,	приходящаго и уставшаго отъ пути въ домъ пустить,
Тора, бадыръ тудухъ.	Тора, дай всегда!
Шайтаиданъ сирлахъ,	Отъ черта свободи, выгнавъ его, о Тора!
Хуза ядеръ, Тора!	

Казань, 15-го Ноября.

Ты изъявила мнѣ, любезный другъ, желаніе познакомиться съ Чувашскимъ языкомъ; ты слышала, какіе успѣхи въ семъ языкѣ сдѣлалъ я въ короткое время съ пособіемъ моего превосходнаго наставника Петро-Павловской церкви Протоіерея В. П. Вишневскаго. Онъ мнѣ сообщилъ Чувашскій словарь, имъ же сочиненный. Ты желаешь, чтобъ я на самое короткое время былъ

твоимъ школмейстеромъ, дабы ты могла имѣть маленькое понятіе о свойствѣ этого языка; но, смотри, чтобъ я не навелъ тебѣ скуки. Съ твоего однакожъ позволенія попробую хотя на одной страничкѣ кое-какъ исполнить твое желаніе.

Какъ Чуваши не имѣютъ собственныхъ буквъ, то ихъ волостные писаря употребляютъ Русскіе буквы, да и самое Евангеліе, переведенное на ихъ языкъ, напечатано Русскими же буквами. Почти всѣ ихъ звуки можно означать посредствомъ богатой Русской азбуки, кромѣ трехъ двоегласныхъ i̯o, ьй, i̯y — кои соотвѣтствуютъ Нѣмецкимъ jo, ji, ju. Ихъ буква г сходствуетъ съ твердымъ Латинскимъ G; но при всемъ этомъ, Чуваши увѣряли меня, что мало понимаютъ читаемое Русскимъ священникомъ на ихъ языкѣ Евангеліе, — доказательство, что или звуки ихъ мы не можемъ правильно произнесть, или самый переводъ недостаточенъ.

У нихъ нѣтъ словъ, начинающихся съ буквы Г, Ф, Ц; но наоборотъ они имѣютъ мно-

гія слова, кои начинаются страннымъ тономъ съ Ы, напр. Ыжъ сердце, гнѣвъ; Ылтынъ, золото.

Родовъ именъ у нихъ также нѣтъ. Множественное число дѣлается чрезъ прибавленіе слога сам, напр. ябала, вещь; ябаласамъ, вещи; сумахъ, слово; сумахсамъ, слова.

И.	Сирла — ягода.	Сирла — самъ — ягоды.
Р.	Сирла — нынъ.	Сирла — замынъ.
Д.	Сирла — на.	Сирла — зане.
В.	Сирла — на.	Сирла — зане.
Т.	Сирла — ба.	Сирла — замба.

Здѣсь употребляется много вольности: род. падежъ вмѣсто *нынъ* имѣетъ иногда *ынъ*; дат. падежъ иногда — не. Прилагательныя не склоняются. — Уравненіе дѣлается такимъ образомъ: шора, бѣлъ; шорарахъ, бѣлѣе; равазыръ шора, чрезвычайно бѣлъ.

Кажется, любезный другъ, дѣло грамматическое идетъ довольно легко; — а глаголы, о глаголы! побольше требуютъ трудовъ; однакожъ

не столь трудны, какъ ваши Русскіе. Достанетъ ли у тебя терпѣнія со мною спрягать по Чувашски? И такъ начнемъ.

Настоящее время:

Абе каладыпъ — я говорю. Аберъ каладпыръ — мы говоримъ.

Азе каладынъ — ты говоришь. Азеръ каладыръ — вы говорите.

Вуль калатъ — онъ говоритъ. Вулзамъ калассе — они говорятъ.

Прошедшее несовершенное:

Калана — говорилъ, и т. д.

Прошедшее совершенное:

Каларымъ, Каларыпъ, Каларе } сказалъ. Каларымыръ, Каларыръ, Каларесъ } сказали.

Будущее неопредѣленное:

Калама болынъ — я буду говорить.

Будущее совершенное :

Калыпъ Калынъ Кале	скажу.	Калыбыръ Калыръ Калесъ	скажемъ.

Причастіе : Дѣепричастіе :

Калагганъ — говорящій. Калаза — говоря.

Въ отрицательныхъ глаголахъ у нихъ есть странность. — Легко сказать по нашему: *я тебя люблю,* милый другъ, а трудно вымолвить *я не люблю.* Но по Чувашски это сказать гораздо труднѣе. Они кладутъ отрицательную частицу въ сердце своего глагола. Какъ тебѣ это покажется? По Русски такъ: *я не люблю,* по Чувашски: *я лю-не-блю.* Лучше я дамъ тебѣ образецъ, какъ у нихъ спрягается отрицательный глаголъ :

Іорадасъ — любить.

Іорадатыпъ — люблю. Іорад-мас-тыпъ — не люблю. Іорадатынъ — любишь. Іорад-мас-тынъ —

не любишь. Іорадатъ — любитъ. Іорад-мас-тъ — не любитъ.

Позволь тебя спросить: что ты, какъ стихотворка, лучше любишь, часть ли рѣчи грамматическую, по Русски *предлогъ*, или, по Чувашски, *послѣположеніе*. Не дожидаясь твоего отвѣта, думалъ бы я, что не худо и то и другое. Покажется ли тебѣ такой: мы говоримъ: *сквозь дверь*, а Чуваши: *дверь сквозь*.

Графъ Иванъ Потоцкій увѣрялъ ученыхъ, что онъ нашелъ ключь къ народной Генеалогіи посредствомъ чиселъ. Но Чувашское счисленіе, если не ошибаюсь, противорѣчитъ его мнѣнію; ибо ихъ счисленіе составлено изъ звуковъ двухъ разныхъ народовъ.

Кенигсберскаго Университета Профессоръ Фатеръ, въ своемъ *Митридатѣ*, собралъ нѣсколько сотенъ переводовъ съ молитвы: *Отче нашъ*. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобъ показать сродство между разными различныхъ народовъ языками. — Прилагаю здѣсь два перевода съ этой

*

молитвы на Чувашскомъ языкѣ съ буквальнымъ подписаніемъ Россійскаго текста:

Адій пиринъ, пюльтсамъ-синче бориза турагганъ!
Отче нашъ небесахъ на стоящій живучи!
ять санынъ ясла болдыръ, кильдыръ са-
имя твое большое да будетъ, да придетъ
нынъ пыгысъ, санынъ ирекъ болдыръ пюльтъ-
твое царство, твоя воля да будетъ небѣ
синче, сирь — синче да. Колленги сюкуръ
на, землѣ на также. Нынче хлѣбъ
пирень баръ пире паянъ; казяръ пире пиренъ
нашъ дай намъ сего-дня; оставь намъ наши
барымзане, епле аберъ — да казярад-
что должны платить, какъ мы также остав-
пыръ хамыръ барымлазама; Ол-
ляемъ намъ, что должно намъ платить. Об-
давъ-шпе анъ — кюрдь пиря, сюлахъ пиря вулъ
манъ въ не веди насъ, избавь насъ сего
озалъ-ранъ. Санынъ болатъ пыгысь, вый — да,
зла отъ. Твое есть царство, сила также,
яшъ — да, їумюрне. Чинъ.
имя также, вѣчное. Справедливо.

Казань.

Перебирая листочки журнала моего путешествія въ Нижній-Новгородъ, куда я, по Высочайшему повелѣнію, въ 1831 году посланъ для принятія мѣръ къ прекращенію повальной болѣзни холеры, я нашелъ нѣкоторыя замѣчанія касательно Чебоксарскаго уѣзда и Чувашъ, кои, по желанію твоему, здѣсь выписываю, и съ удовольствіемъ тебѣ сообщаю.

Странно показалось мнѣ, что на большой дорогѣ изъ Казани до Нижняго я не нашелъ ни одного мѣста, съ котораго бы можно было снять хорошій видъ сельскій. Земля слишкомъ единообразна. Она представляетъ или равнину, занятую пашнями, или мелкій лѣсъ, нимало не привлекательные. Видъ за Волгу также пустой и дикой;—это потому, что лѣвой берегъ ея не удобенъ къ обработыванію, а растутъ одни только кустарники.—Но глазъ нашъ, среди такого единообразія, нѣкоторымъ образомъ утѣшается пріятнымъ взглядомъ на маленькія Чу-

вашскія деревеньки, коихъ домики, тамъ и сямъ разбросанные и окруженные высокими и густыми деревьями, даютъ, правда, видъ нѣсколько дикой, но для взора привлекательной.

По Русскому обычаю, мы отправились изъ Казани ночью. Въ двухъ верстахъ отъ города въ сумерки, замѣтили на лѣвомъ берегу Казанки памятникъ въ честь убіенныхъ при взятіи Казани воиновъ, воздвигнутый 22 г. тому назадъ. Среди обширной долины онъ, по своей могильной конструкціи, не производитъ великаго дѣйствія. Это родъ пирамиды, гдѣ находится церковь, поставленная на фундаментѣ изъ костей; весною, когда Волга соединясь съ Казанкою, представляетъ, какъ бы море, эта пирамида выигрываетъ видомъ своимъ. — Далѣе, за Казанкою, лежитъ при городѣ слобода Ягодная съ своими кожевенными заводами, которые ежегодно приготовляютъ товара до милліона рублей. Мы проѣхали Морской слободой, гдѣ за нѣсколько лѣтъ назадъ строились фрегаты для Каспійскаго моря; но нынѣ сія работа прекращена. Проѣхавъ мостъ чрезъ Казанку, отправились по мелкому кустар-

нику и песчаной почвѣ въ Куземетево, гдѣ перемѣнили лошадей, и скоро пріѣхали на Васильевской перевозъ чрезъ Волгу. Не смотря на волненіе рѣки, насъ переправили скоро и благополучно. Теперь отъ праваго берега Волги идетъ чрезвычайно трудная дорога по глубокимъ пескамъ. По лѣвой сторонѣ видны горы, у подножія коихъ свѣтлѣется Свіяга, недалеко отсюда въ Волгу впадающая. На полу-горѣ виднѣется небольшой монастырь, называемой Макарьевскою пустынею; тамъ настоятель и нѣсколько монаховъ. Весною для богомолья въ эту пустынь ежедневно собираются изъ Казани купцы и мѣщане на лодкахъ, и отсюда получаютъ пропитаніе жители города Свіяжска.

Мѣстоположеніе Свіяжска прекрасно. Гора, на коей онъ стоитъ, имѣетъ овальную фигуру. Тамъ больше церквей, нежели хорошихъ домовъ. Въ одномъ изъ двухъ монастырей почиваютъ мощи Чудотворца Германа. Жители Свіяжска лѣнивы, бѣдны и склонны къ пьянству. Мнѣ сказывали, что зимою жены у нихъ кормятъ своихъ мужей, и за то требуютъ чрезвычайной

отъ мужей себѣ покорности; напротивъ того весною и лѣтомъ мужья, получая доходъ отъ перевоза, берутъ уже верхъ надъ своими женами, и ежели сіи въ это время не расположены имъ повиноваться, то употребляютъ силу.

Дорога отъ Свіяжска до Тюрлемы очень хороша. Это селеніе Чувашское съ маленькою деревянною церковью. Мы удивились силѣ, съ какой Чувашскія женщины косили, не смотря на то, что это самая трудная работа. Здѣсь почва земли очень хлѣбородна. Дорога отъ Тюрлемы до Чувашской деревни Аккозиной идетъ волнообразно. По большой дорогѣ видишь красивыя аллеи изъ березъ, кои однакожъ производятъ двѣ непріятности: препятствуютъ глядѣть на обѣ стороны, и гораздо болѣе держится на дорогѣ грязь. Бѣдно одѣтыя Чувашскія дѣвушки подносили намъ на продажу землянику. Аккозино разстояніемъ отъ Казани 91 вер.; здѣсь находится этапъ для ночлега арестантамъ, въ Сибирь пересылаемымъ. Между симъ селеніемъ и Русской деревенькою Вороново, на рѣкѣ Цивилѣ, растетъ маленькой, незначущій дубовой лѣсокъ.

Около Пихчурина, селенія Чувашскаго, мѣстоположеніе холмисто. Проѣхавъ 135 верстъ отъ Казани, мы наконецъ увидѣли себя въ Чебоксарахъ. Этотъ городъ лежитъ, большею частію, въ оврагахъ. Здѣсь видишь многія изъ старинныхъ церквей. Улицы довольно узки и не чисты и все строеніе представляетъ какую-то безобразную груду домовъ. Базаръ наполненъ былъ одними только Чувашами, кои почитаютъ этотъ городъ какъ бы Чувашскою резиденціею.

Отправившись изъ Чебоксаръ, проѣхали мы дубовымъ, на 30 в. въ длину простирающимся, довольно узкимъ лѣсомъ. Дубы не высоки, имѣютъ не здоровый видъ съ испорченною вершиною, такъ, что я не видалъ ни одного дерева, которое бы походило на Нѣмецкой настоящій дубъ. Дубы, посѣянные въ царствованіе Императора Павла, т. е. назадъ тому 40 л., имѣютъ нынѣ не болѣе толщины, какъ въ человѣческую руку. Проѣхавъ 22 в., мы ночевали въ Чувашской деревнѣ *Старой Сундырь*, по причинѣ дождя и сильнаго тумана. И здѣсь и тамъ находятся маленькія пашни. — Холера не прони-

цала къ Чувашамъ, чему причиною, вѣроятно, были ихъ дымныя избы. — Чуваши употребляютъ въ коликахъ золу, разведенную въ простомъ винѣ, а въ корчахъ горючую сѣру, насыпанную на хлѣбъ. Въ простудахъ купаются они въ рѣкѣ, послѣ чего тотчасъ бѣгутъ въ лѣсъ и рубятъ дрова, чтобъ поры кожи открылись. — На дорогѣ мы нашли пикеты изъ Чувашъ, и маяки съ соломенными факелами; это бываетъ только во время Нижегородской ярмарки для предохраненія проѣзжихъ отъ грабежей. Скоро очутились мы въ Русской деревенькѣ, Сундырь-Базаръ. Здѣсь каждый Четвергъ собираются Чуваши для торговли, гдѣ мы видѣли много ихъ женщинъ съ нѣкоторымъ, имъ только свойственнымъ, на груди украшеніемъ, похожимъ, будтобы, на талисманъ, и который весь покрытъ мелкими старинными серебряными копѣйками. Между прочимъ замѣтили два разные вида лица у ихъ дѣвушекъ; блондинки имѣютъ Финской, а черноволосыя Калмыцкой очеркъ лица. По чернымъ онучамъ и короткимъ юбкамъ можно ихъ распознавать издалека. Слышна была кое-гдѣ ихъ волынка, и они другъ друга подчивали мо-

бимымъ ихъ простымъ виномъ. — Здѣсь для живописца и натуралиста лучшее мѣсто срисовывать ихъ тѣлесныя формы и костюмъ. Около Сундыр-Базара мѣстоположеніе холмисто и растутъ дубы. Мы пріѣхали утромъ въ деревню, называемую Виловатый врагъ. Деревни ихъ всегда находятся отъ большой дороги въ сторону, или въ оврагѣ, или почти въ лѣсу. Здѣсь граница Чувашскимъ селеніямъ. — Первая отсюда деревня Чердакъ населена Черемисами, коихъ женщинъ мы видѣли ѣхавшихъ верхомъ. Скоро прибыли мы въ Черемисскую деревню, Ямангашь. Мѣстоположеніе здѣсь довольно возвышенное, и рѣчка Юнга прорываетъ ужасныя въ глинѣ ямы. Вездѣ видны известковые камни. — Отсюда начинается Нижегородская губернія, что означено каменнымъ столбомъ.

Но остановимся! — я слишкомъ далеко заѣхалъ; пора обратиться къ тебѣ, милой другъ, и сказать съ Виргиліемъ:

Мы протекли большее пространство,
И пора уже дать отдыхъ утомленнымъ конямъ.

Казань, 8-го Ноября.

Сообщилъ бы я тебѣ статистическія картины Казанской губерніи, ежелибъ не зналъ, что статистика для женщинъ есть статья скучная. Она составлена изъ цифръ; съ вами надобно говорить о любви, — амуръ не любитъ цифръ. При всемъ этомъ извѣстно мнѣ, что тебѣ не будетъ противно узнать, какіе и сколько народовъ обитаютъ въ Казанской губерніи. Здѣсь уже цифры необходимы; но ихъ будетъ немного.

По послѣднему счисленію, въ Казанской губерніи живетъ почти милліонъ людей, составленный изъ 6 разныхъ народовъ. Для вѣрнѣйшаго обозрѣнія я лучше поставлю маленькое вычисленіе:

1. Россіянъ . . . . . 504,930.
2. Чувашъ:
   a) Христіанскихъ . . . . . 269,942.
   b) Языческихъ . . . . . 1,816.

3. Татаръ :

a) Магометанскихъ . . . . . 105,425.
b) Христіанскихъ . . . . . 31,045.

4. Черемисъ :

a) Христіанскихъ . . . . . 66,650.
b) Языческихъ . . . . . 1,007.

5. Мордвы :

a) Христіанскихъ . . . . . 11,317.
b) Языческихъ . . . . . 60.

6. Вотяковъ :

a) Христіанскихъ . . . . . 4,866.
b) Языческихъ . . . . . 533.

Всего обоего пола . . . 997,591.

Кажется, довольно будетъ для тебя этихъ цифръ: боюсь наскучить тебѣ дальнѣйшимъ вычисленіемъ другихъ, подобныхъ предметовъ. Но въ заключеніе сего, скажу тебѣ кстати, милый другъ, что ни одинъ еще статистикъ не вычислилъ, сколько потребно поцѣлуевъ и подарковъ для поддержанія супружеской любви !

Казань, 20-го Ноября.

Ты не можешь, другъ мой, представить себѣ, какое участіе беру я въ судьбѣ нашего простаго, добраго и кроткаго Чувашскаго народа. Я желалъ бы найти способы къ его усовершенію, и, кажется, одни только наши сельскіе священники могли бы на себя принять сію, столь сану ихъ приличную и важную, обязанность — очистить Чувашскую нравственность отъ суевѣрія. По этой причинѣ писалъ я ко многимъ въ Чувашскихъ селахъ священникамъ, и отъ одного только изъ нихъ получилъ письмо, изъ коего нѣчто сообщу тебѣ собственными его словами. Болѣе всего они (Чуваши) вѣрятъ своему Іомсѣ и прибѣгаютъ къ нему въ болѣзняхъ и въ несчастіяхъ, посѣщающихъ домы ихъ. Этотъ Іомса, судя по важности дѣла, предсказываетъ имъ, какихъ боговъ надобно умилостивлять, и чѣмъ именно: велитъ имъ заколоть лошадь, корову, овцу, или одну изъ дворовыхъ птицъ, однако такую, которая была бы куплена на торжкѣ, или индѣ, безъ торгу, а по назначенію цѣны

отъ продавца: ибо, въ противномъ случаѣ, жертва не будетъ имѣть никакого дѣйствія. Ежели, по исполненіи всѣхъ, Іомсою назначаемыхъ, обрядовъ не будетъ въ просимомъ успѣха; тогда Чуваши отправляются въ село Ишаки, и въ тамошней церкви ставятъ свѣчи Чудотворцу Николаю, или идутъ въ свою ближнюю приходскую церковь, и тамъ, по совѣту Іомсы, ставятъ свѣчку Русскому Богу.

По ихъ суевѣрію, человѣкъ, жившій на семъ свѣтѣ достаточно, и тамъ будетъ жить также, а имѣвшій какой либо промыселъ здѣсь, и тамъ будетъ имѣть такой-же. Покойники, отъ стараго до малаго, обоего пола, по ихъ мнѣнію, собираются съ 7 кладбищь, и, переходя съ кладбища на кладбище съ музыкою и пѣніемъ, играютъ сватьбы, но такъ, что будто люди ихъ видѣть не могутъ, а лошади и собаки видятъ. Когда въ продолженіе такой пляски кто изъ живыхъ людей, или какое животное попадется имъ на встрѣчу, и не успѣетъ какъ нибудь отъ нихъ уклониться, то непремѣнно умретъ, ежели не ускоритъ умилостивить ихъ жертвоприношеніями.

Казань, 25-го Ноября.

Сообщаю тебѣ собранныя мною свѣденія о Чувашскихъ обрядахъ, при похоронахъ ихъ покойниковъ. Хотя эта матерія женщинамъ не очень пріятна, но это нужно для полноты начатаго тобою такъ хорошо описанія Чувашскихъ обрядовъ. — Они кладутъ своихъ покойниковъ въ могилу въ полной лучшей одеждѣ, и съ шапкою на головѣ; — руки ихъ висятъ по тѣлу и въ рукавицахъ. Съ каждымъ покойникомъ кладутъ въ гробъ, во время жатвы, серпъ, а зимой качадыкъ и ножикъ. — Ежели онъ былъ музыкантъ, то кладутъ съ нимъ волынку и т. д. по ремеслу; огниво же, трутъ и трубку съ табакомъ должно придать всякому. — Чуваши, на молитвѣ, въ домѣ покойника, стоятъ безъ шляпы и держатъ ее подъ лѣвой рукой; изъ дому несутъ покойника въ церковь, — съ принужденіемъ. Покойника, везутъ до могилы даже лѣтомъ на саняхъ, гусемъ, съ колокольчиками; а тамъ эти сани бросаютъ. Наши священники не провожаютъ ихъ до могилы. Чуваши, простившись съ

покойникомъ, крошатъ на могилу хлѣбъ, и ставятъ, вмѣсто креста, колъ. — Въ продолженіе 6 недѣль, по четвергамъ, поминаютъ на дому покойника, а по прошествіи этаго срока, колютъ для умершаго мущины жеребенка, а для женщины тёлку. Мясо этихъ жертвъ ѣдятъ дома, оставивъ головы ихъ на могилѣ, куда ставятъ чашку пива съ ложкою. Это дѣлается ночью, при сильномъ огнѣ, съ музыкою и пляскою. — Платье умершаго и перину, на коей лежалъ, бросаютъ въ оврагъ. Вотъ тебѣ краткое, хотя не очень пріятное, объ этомъ предметѣ извѣстіе; однакоже Чуваши, какъ видишь, плясали, съ музыкою, на ихъ кладбищѣ.

Казань, 25-го Ноября.

Между тѣмъ какъ ты обращаешся съ Чувашами, я успѣлъ, во время моего путешествія, собрать нѣсколько интересныхъ, по моему мнѣнію, прибавленій къ твоимъ наблюденіямъ. Ты знаешь, что я люблю собирать свѣденія въ кругу простаго народа. Чувашской народъ раздѣляется на два главныя племени: *Вереали* и

Анатри. Первое живетъ въ Ядринскомъ и Чебоксарскомъ, а второе въ Цивильскомъ уѣздахъ. Послѣднее ближе къ Татарамъ какъ одеждою, такъ и языкомъ. Оба племена тотчасъ можно отличить по обуви. У Вереаловъ онучи черныя, а у Анатровъ бѣлыя.

Вотъ мои краткія замѣчанія касательно ихъ образа жизни. Они встаютъ вмѣстѣ съ зарею, умываются кое какъ, утираются грязною, давно немытою тряпицею; завтракаютъ, взявъ въ одну руку кусокъ чернаго хлѣба, а въ другую комокъ соли, которую грызутъ, чтобъ хлѣбъ былъ вкуснѣе; пьютъ *оренъ*, т. е. кислое молоко съ водою. Потомъ женщины топятъ печь, а мущины идутъ на работу. У самой печки, гдѣ горнушка, виситъ котелъ, въ которой лѣтомъ кладутъ они разныя травы, особенно шкерду и борщовникъ, съ прибавкою молока и масла, и называютъ это кушанье *болдранъ*; другая у нихъ пища есть *яшкалъ*. Это лепешки, изъ разной муки испеченныя; а третья *лшка* составляется изъ крупы, молока, капусты и луку; по праздникамъ же иногда прибавляютъ къ этому

курятину съ чеснокомъ. Мяса употребляютъ они весьма мало, отъ чего у нихъ всегда бѣлы зубы. Всегдашнее ихъ питье вода, а квасу никогда не пьютъ; у богатыхъ всегда водится пиво. Вообще въ приготовленіи ихъ кушанья мало наблюдается чистоты. Вечеромъ мущины занимаются плетеніемъ лаптей, куря при этомъ табакъ, а женщины ткутъ холстъ, который хотя и крѣпче, но грубѣе Русскаго. Вмѣсто свѣчь, имъ служитъ лучина. Ложатся спать не слишкомъ рано на широкихъ своихъ нарахъ, на плохихъ перинахъ, и лежатъ такимъ образомъ, что ноги мужа и жены упираются пятами. Они очень мало спятъ, и не болѣе 4-хъ часовъ; страстно любятъ бродить въ лѣсу или весь день быть на открытомъ воздухѣ. Говорятъ мало, пока не напьются. Обходятся холодно, но не грубо съ своими женами, кои любятъ верховую ѣзду. Предъ Ильинымъ днемъ около трехъ недѣль не работаютъ на полѣ, а только въ лѣсу приготовляютъ лыки. Они пашутъ вездѣ сохою, а плугомъ изрѣдка, и сѣютъ разной хлѣбъ, особливо рожь, ячмень и полбу, но очень немного гречи. Главный ихъ промыселъ состоитъ въ при-

готовленіи кулья. Дѣтей своихъ они оставляютъ безъ всякаго воспитанія, а дочерей отдаютъ за мужъ довольно поздно. Они не подвержены важнымъ болѣзнямъ, а имѣютъ иногда воспаленіе глазъ отъ дыму въ избахъ, и весьма часто бываютъ у нихъ, особливо у женщинъ, на ногахъ нарывы отъ того, что они и во время самаго сна не скидаютъ своихъ онучь. Въ садахъ или огородахъ сѣютъ картофель, капусту и лукъ. Русскихъ называютъ *Вырысъ* (*). Кого любятъ, того называютъ *досъ*, т. е. пріятель, и это слово, въ ихъ быту, служитъ, какъ талисманъ, предостереженіемъ противъ всякой обиды. У нихъ пріятели взаимно дарятъ другъ друга, такимъ образомъ: ежели одинъ подаритъ рой пчелъ, то другой отдариваетъ его на пр. сапогами, шапкой и проч. Во взаимныхъ при свиданіи привѣтствіяхъ они обыкновенно поступаютъ такъ: хозяинъ гостю говоритъ: *лаихъ бурнатны*—здорово живешь? гость отвѣчаетъ: *сы-*

(*) Это слово происходитъ отъ Татарскаго Урусъ; по Чувашски ко многимъ Татарскимъ словамъ часто придаются въ началѣ реченія буквы, на пр. по Татарски Урманъ, лѣсъ, по Чувашски Вурманъ; десять по Татарски Онъ, по Чувашски Вонна.

ва — здоровъ; потомъ тотчасъ подноситъ ему кружку пива, приговаривая: *тава сана*, т. е. здравіе тебѣ! отвѣтъ: тава, т. е. спасибо. Оба должны непремѣнно кружку пива выпить. — Народъ вообще честенъ, къ обману не склоненъ, но суѣверенъ и грубъ.

Новый годъ начинаютъ они съ наступленіемъ зимы, и раздѣляютъ на 13 мѣсяцевъ: 1. Іоба-ойхъ, мѣсяцъ поминовенія Ноябрь; 2. Чукъ-ойхъ, м. жертвы Декабрь; 3. Мунь-кырлачь-ойхъ, большой крутой мѣсяцъ, (сильно морозный часть Декабря и Генваря; 4. Кизинь-кирлачь-ойхъ, менѣе крутой мѣсяцъ, часть Генваря и Февраля; 5. Норсъ-ойхъ, мѣсяцъ оттепели, Февраль и часть Марта; 6. Пожи-ойхъ порожній мѣсяцъ, (отъ тяжелой работы, Мартъ; 7. Ага-ойхъ, мѣсяцъ пашни (для яроваго хлѣба), Апрѣль часть Мая; 8. Сюль-ойхъ, мѣсяцъ лѣта — Іюнь; 9. Хыръ-ойхъ, мѣсяцъ сватьбъ — Іюнь и часть Іюля; 10. Уда-ойхъ, мѣсяцъ сѣнокоса — Іюль; 11. Сiорли-ойхъ, мѣсяцъ серпа — Іюль и часть Августа. 12. Биданъ-ойхъ, мѣсяцъ льна — Сентябрь; 13. Авынъ-ойхъ, мѣсяцъ молотьбы — Октябрь.

Недѣля у Чувашъ имѣетъ также 7 дней, но мѣсто Воскресенья занимаетъ у нихъ Пятница. Наименованія дней слѣдующія: Арня-конъ, недѣльный день — Пятница; Шумат-конъ — Суббота; Вырысъ-арне-конъ, Русскихъ недѣльный день — Воскресенье; Тунды-конъ, Понедѣльникъ; Утлари-конъ, лишній день — Вторникъ; Іонъ-конъ, день крови — Середа; Кизинъ-арне-конъ, младшій послѣдній день — Четвертокъ.

Вотъ, что я могъ найти въ своихъ запискахъ. Какъ есть, въ такомъ видѣ тебѣ и сообщаю. Я знаю, что ты это можешь гораздо лучше описать, нежели твой другъ К. Ф.

ЗАПИСКИ

о

ЧЕРЕМИСАХЪ.

Царевококшайскаго уѣзда деревня Кужары, 4 Мая.

Ни одна поѣздка въ моей жизни не была такъ затруднительна, такъ несносна, какъ нынѣшняя. Вода въ низкихъ мѣстахъ не слила; мосты на маленькихъ рѣчкахъ не были исправлены; болотистыя мѣста такъ вязки, что шесть лошадей едва могли вывести легкую коляску, и, въ добавокъ ко всѣмъ дорожнымъ непріятностямъ, меня уронили. Ежели бы я желала разшевелить твою чувствительность, вздумала призвать поэтическое воображеніе: сколько бы насказала тебѣ опасностей! Коляска опрокинулась среди горы, и не была подторможена; подъ горой рѣка и дурной мостъ; кучеръ отлетѣлъ съ козелъ сажени на двѣ; человѣкъ лежалъ подъ

коляской. Не правда ли, какъ все это страшно? Но ничего не бывало. Я не успѣла испугаться: это случилось въ одну минуту; лошади остановились сами, кучеръ всталъ, человѣкъ выползъ изъ подъ коляски, а я вышла изъ нее совершенно въ добромъ здоровьѣ, и опять отправилась въ путь. Въ 8 часовъ вечера пріѣхала я на ночлегъ въ Саю къ доброму нашему знакомому, Татарину Губею. Онъ, ожидая меня, приготовилъ мнѣ покойную спальню; среди двора была очищена анбарушка; на широкихъ лавкахъ разосланы перины и подушки, на узкихъ стояли красивые кованые сундуки съ женскими нарядами. Дочери и невѣстка хозяина пришли ко мнѣ; я ихъ поила чаемъ, и думала отъ труднаго пути успокоиться, но не тутъ-то было: на дворъ къ моему хозяину собралось множество Татарокъ; я должна была къ нимъ выдти, и полчаса съ ними разговаривать чрезъ переводчика: ни одна Татарка не говорила по Русски. Едва ли есть въ свѣтѣ женщины, которыя были бы такъ любопытны, какъ Татарки. — Всякую бездѣлку въ моемъ костюмѣ они разсматривали, какъ рѣдкость, ходили кругомъ коляски, заглядывали въ

нее, безпрестанно входили и выходили изъ анбарушки: однимъ словомъ, меня измучили, и кое-какъ могла отъ нихъ отвязаться.

Деревенскія Татарки гораздо красивѣе городскихъ, а Татары хуже, отъ того, я думаю, что первыя имѣютъ болѣе свободы, всегда на воздухѣ и не портятъ своихъ лицъ бѣлилами и румянами такъ много и такъ часто, какъ городскія. Вторые, какъ обыкновенно рабочіе люди, носятъ на своихъ лицахъ отпечатокъ полевыхъ работъ, загорѣли отъ солнца и не имѣютъ такихъ прекрасныхъ лицъ, какъ Татары въ Казани. Я говорю вообще: есть и въ деревняхъ очень красивыя лица, и больше хорошихъ, нежели дурныхъ. — Я очень люблю Татаръ, и это не удивительно: въ моихъ жилахъ хотя гомеопатически, но все течетъ капля ихъ крови. Но безпристрастно говоря, должно отдать имъ справедливую похвалу во многомъ. Не правда ли? Ежели Татаринъ имѣетъ хотя маленькой достатокъ поселянина, онъ уже учитъ не только сыновей, даже дочерей, грамотѣ; живетъ чисто: перины и подушки съ красивыми наволоками,

разложены по широкимъ лавкамъ, на столѣ домашней работы скатерть; — онъ пьетъ всякой день чай; жена и дочь имѣютъ уже праздничное, шелковое, съ золотыми галунами платье. — Деревенскіе Татары нѣсколько побогаче другихъ, хотя сами еще работаютъ въ полѣ, а сыновья ихъ уже прикащиками; богатые же всѣ торгуютъ.

Я исполнила твое порученіе на счетъ *Джина*, который Русскіе называютъ *Тюльпа*. Мой Губей ничего не могъ сказать; и я должна была послать просить къ себѣ муллу, который тотчасъ ко мнѣ и явился. Выпивъ шесть чашекъ чаю, началъ говорить со мною о *Джинѣ*, называя его богопротивнымъ гульбищемъ, гдѣ женщины, незакрывая лицъ, смотрятъ на Татарскія пляски, а молодые Татары высматриваютъ себѣ невѣстъ, что противно ихъ Магометанскому закону. Дѣвицы хотя закрываются, но все такъ, что можно ихъ видѣть. Какимъ образомъ и для чего учрежденъ праздникъ *Джинъ*, нѣтъ ничего историческаго, но перешло чрезъ стариковъ преданіе, что этому гулянью причиною Черемисской праздникъ, *Суремъ*. Черемиі-

сы, прежде жившіе близко Татаръ, всякой годъ собирались изъ нѣсколькихъ деревень въ полѣ праздновать свой главный праздникъ. Сначала изъ любопытства Татары и Татарки приходили смотрѣть на это, а потомъ любопытство замѣнилось привычкой. Татаръ собиралось на Черемисской праздникъ всякой годъ болѣе, такъ что наконецъ Черемисы должны были оставить своихъ неугомонныхъ сосѣдей, и поселиться въ лѣсахъ. Татары, по привычкѣ, и безъ Черемисъ собирались всякой годъ въ полѣ; и такимъ образомъ установился праздникъ *Джинъ*, который продолжается нѣсколько недѣль въ Іюнѣ и Іюлѣ, переходя изъ одной деревни въ другую, куда собираются Татары и изъ другихъ деревень. Я по дорогѣ останавливалась въ селѣ Алатахъ, чтобы спросить, живъ ли тотъ мальчикъ, котораго мы видѣли въ 1834 году. Помнишь ли, какъ я удивилась его миніатюрности, принявъ его за трехъ-мѣсячнаго ребенка, а ему было семь лѣтъ. Ребенокъ этотъ живъ, но мнѣ не удалось его видѣть; ему уже десять лѣтъ; но, говорятъ, онъ такъ малъ и худъ, какъ двухлѣтній, изнуренный сухоткой.

Версты за двѣ до Потанихи бросается въ глаза берегъ рѣки Ашита съ низенькими, какъ бы нарочно разсаженными, деревцами. Въ половинѣ горы выстроена каменная церковь съ каменнымъ домомъ для священника и дьякона, и нѣсколько деревянныхъ для церковныхъ служителей. Изъ дали церковь съ домами имѣетъ видъ очень красивой пустыни. Это приходская церковь Потанихи, построенная моимъ прапрадѣдомъ, купцомъ Михляевымъ, который, по своему патріотическому усердію, удостоился быть кредиторомъ Императора Петра I, имѣвшаго въ бытность его въ Казани, большую надобность въ деньгахъ. Сей Монархъ послѣ пожаловалъ ему суконную фабрику. Петропавловскій соборъ въ Казани также выстроенъ Михляевымъ. Всѣ путешественники восхищаются прекрасною архитектурой сего святаго храма. Имъ же построена въ Чебоксарахъ церковь Успенія Богоматери. — Близъ Потанихи Михляевъ выстроилъ церковь, потому, что у него на этомъ мѣстѣ были кожевенные заводы.

Въ деревнѣ Потанихѣ, куда я пріѣхала кормить лошадей, мнѣ отвели очень хорошую квар-

тиру, особенную чистую комнату съ четырьмя окошками, что въ деревнѣ рѣдкость. Хозяинъ, узнавъ, что я твоя жена, явился ко мнѣ рекомендоваться: онъ, назадъ тому 18 лѣтъ, жилъ у тебя въ домѣ три мѣсяца, и вылечился. Цѣлый часъ стоялъ передъ мной, прославляя твои добродѣтели; потомъ пришла его дочь съ зятемъ, которые уже при мнѣ лечились, и жили у насъ въ домѣ; за ними въ слѣдъ и другіе, которыхъ ты лечилъ. Кто несъ мнѣ блюдо меду, кто яицъ, иные прошлогоднюю постилу, сдѣланную изъ малины. Добрые люди своею благодарностію довели меня до слезъ. Выѣхавъ изъ деревни, я шла версты двѣ пѣшкомъ по горѣ, и любовалась лежащими подъ ней лугами и прелестными излучинами протекающей тутъ рѣки *Аши-та*. Мѣстоположеніе очаровательное! Едва ли есть лучше въ Казанской губерніи. Вообрази, двѣ превысокія горы, одна отъ другой разстояніемъ верстъ на пять въ ширину, и сколько можетъ обнять взоръ, въ длину; по горѣ видны не вдалекѣ разстояніемъ одна отъ другой, деревни и села. Между этими двумя горами луга, усѣянные красивыми кустарниками, гдѣ до-

вольно широкая рѣка *Ашитъ* протекаетъ отъ одной горы къ другой въ нѣсколько рядовъ, и въ срединѣ луговъ, между кустарниками, такъ излучисто, что одинъ *Ашитъ* можно взять за десять рѣкъ. Довольно поздно я пріѣхала въ свои Кужары; и, какъ бы утомленная отъ продолжительнаго путешествія, крѣпкимъ сномъ заснула.

Кужары, 5-го Мая.

Послѣ покойнаго сна я забыла всѣ дорожныя бѣды и безпокойства. Распорядившись по своему маленькому хозяйству, я тотчасъ обратилась къ Черемисамъ; и какъ мельникъ на нашей мельницѣ Черемисинъ, то я поставила себѣ за долгъ сдѣлать ему визитъ. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть его домашній бытъ; съ этимъ намѣреніемъ я вошла къ нему неожиданно. Боже мой! какая отвратительная картина представлялась глазамъ моимъ! Черная, закоптѣлая отъ дыма изба, гдѣ полъ никогда не былъ мытъ, и едва ли разъ въ недѣлю метенъ; на столѣ и на скамейкахъ на палецъ мельничной пыли. Мель-

ничиха, въ неопрятномъ костюмѣ, сидѣла въ углу, нюхала табакъ изъ запачканной тавлинки или берестовой табакерки; мельникъ тоже протянулъ руку взять табачку у любезной половины, придерживая другою рукой въ роту курительную трубку. Одинъ ребенокъ рылся на полу въ корытѣ и бралъ въ ротъ приготовленный для куръ кормъ; другой, маленькой, висѣлъ въ лубочной коробкѣ, вмѣсто люльки, и въ преужасной нечистотѣ. Чашки, ложки и другая посуда, была кое-гдѣ разбросана; на полу стояла запачканная коробка съ ихъ имуществомъ; и по всѣмъ мѣстамъ, даже по столу, ходили куры. Отъ непріятнаго запаха я не могла пробыть въ избѣ болѣе двухъ минутъ. Теперь ты можешь себѣ представить, какъ должны жить въ самомъ дѣлѣ бѣдные Черемисы, когда мельникъ, получающій хорошее жалованье, на готовомъ содержаніи, можетъ сносить такую нечистоту, какъ въ клѣвѣ. Но однакожъ, говорятъ, есть Черемисы, которые живутъ довольно опрятно.

Сего дня я провела время очень скучно: нечего было писать. Мельничиха приводила ко мнѣ

нѣсколькихъ Черемисокъ; но ни одна изъ нихъ не говорила по Русски. Староста привелъ знакомаго Черемисина, который звалъ меня къ себѣ въ гости, и я завтра туда отправлюсь. Отъ бездѣлья опишу тебѣ мѣстоположеніе нашей деревни. Среди дремучаго Царевококшайскаго лѣса, стоятъ нѣсколько крестьянскихъ избушекъ и барскій домикъ, похожій на убогую келью. Подъ горой поташный заводъ на берегу пруда, который славится своею величиною. На немъ мѣстами густой и высокій, какъ кустарникъ, камышъ образуетъ маленькіе острова; плотина на прудѣ болѣе версты; и по ней-то очень часто Черемиски—здѣшнія лѣсныя нимфы—разъѣзжаютъ верхами. На водѣ видны маленькія лодочки съ однимъ гребцомъ: иной ловитъ рыбу, другой стрѣляетъ дичь, третій ѣдетъ на мельницу съ мелевомъ. Въ здѣшнемъ пруду столько разныхъ травъ, что, безъ сомнѣнія, въ немъ можно собрать всѣ водяныя растѣнія; даже есть этѣ рѣдкія зеленыя, наполненныя желе, яблоки, которыя въ другихъ мѣстахъ неизвѣстны. На плотинѣ столько ужей, и такихъ безстрашныхъ, что они лежатъ преспо-

койно, когда чрезъ нихъ ходятъ. Здѣсь настоящее царство ужей: подъ крыльцами, въ избахъ, даже подъ поломъ въ моей комнатѣ живутъ ужи, и есть такіе ручные, что ребятишки изъ рукъ ихъ кормятъ и бьютъ по головамъ ложками. Послѣ сумерекъ, часовъ въ 9-ть, я ходила по горѣ, и хотя не могу назваться большой любительницей природы, однако восхищалась ею. — Я была въ такомъ кроткомъ расположеніи духа, что даже кваканье лягушекъ мнѣ нравилось; но не однѣ же пѣли лягушки: пѣли и ночные соловьи въ лѣсу, пѣлъ прикащикъ заунывную пѣсню съ своимъ товарищемъ на заводѣ; пѣли Татары работники, сидя у насосовъ; пѣли крестьянки въ деревнѣ свои весеннія пѣсни: однимъ словомъ, кто во что горазд.

Мая 6-го.

Несносный дождикъ два дня мѣшалъ мнѣ ѣхать къ Черемисамъ; но сего дня, не смотря на пасмурную погоду, я у нихъ побывала. Въ 5-ть часовъ, послѣ обѣда, я отправилась въ путь. Староста и старостиха, которые хорошо гово-

рятъ по Черемиски, меня конвоировали въ телѣгахъ. Черемисинъ, ожидавшій меня въ гости, встрѣтилъ насъ далеко отъ деревни, и проводилъ до своего дома. Учтивость хозяйки была очень противоположна съ учтивостію хозяина. Когда я вошла въ избу, хозяйка сажала въ печь хлѣбы; она не только мнѣ не поклонилась, даже не взглянула на меня, и ворча на трехълѣтнюю дѣвочку, продолжала свое хозяйственное дѣло. Другая Черемиска, также не обративъ на меня вниманія, качала ребенка. Изба у Черемисина, Лукояна, очень опрятно сдѣлана по бѣлому (то есть съ трубой): печь выбѣлена, лавки чистыя, полы порядочны. — Посадивъ меня за столъ, послали на него скатерть, привезенную съ собой моей старостихой. Поставили на столъ чашку съ пивомъ, полуштофъ какой-то наливки изъ черники, блюдо меду и орѣховъ. Началось подчиванье, и я должна была отвѣдывать все, что мнѣ подавали. Немного погодя, принесли яичницу, жареную курицу и жареную съ яицами рыбу. Нечего дѣлать, должна была отъ всего поѣсть: ежели я за что не хотѣла приняться, то Черемисинъ становился предъ мною

на колѣна и стоялъ до тѣхъ поръ, пока я возьму кушанье въ ротъ. Послѣ угощенія пришли въ избу нѣсколько стариковъ, и безъ церемоніи сѣли возлѣ меня на лавку. Наши разговоры были довольно занимательны на счетъ земледѣлія, ихъ промысловъ и домашняго хозяйства. Черемисъ въ избу собиралось отчасу болѣе, и между ими не было ни одной женщины. Три Черемисина звали меня въ гости, у которыхъ угощеніе не такъ было роскошно, какъ у перваго. Я была въ десяти домахъ, незваная, и вездѣ встрѣчала Черемискую нечистоту, очень привѣтливыхъ Черемисъ и удивительно грубыхъ женщинъ. Въ двухъ избахъ я видѣла, какъ моютъ Черемиски платье. Онѣ также толкутъ пестами, какъ Чувашки; но только не въ ступахъ, а въ длинныхъ корытахъ. Гуляя по Черемиской деревнѣ, я удивлялась ихъ флегматическому нелюбопытству: ни одинъ ребенокъ не выбѣгъ изъ воротъ посмотрѣть на меня; ни одинъ Черемисинъ, работавшій на дворѣ, не оглянулся; женщины, попадавшіяся на встрѣчу, взглядывали на меня машинально. Въ этомъ отношеніи они настоящіе Чуваши. У Черемисина, который по-

богаче въ деревнѣ, я смотрѣла женское Черемисское платье. Оно одинаково съ Чувашскимъ, кромѣ головнаго убора. Вотъ ихъ костюмъ: бѣлая рубашка, шитая на груди и на рукавахъ шерстью, рѣдко шелкомъ, очень красивыми узорами; шовъ, какъ канвейный, по счету; подпоясаны очень низко, поясомъ изъ толстой тесьмы; назади, какъ у Чувашекъ, пребольшая кисть съ побрякушками; чрезъ плечо перевязь съ разными пронизками, и вся унизана бѣлыми раковинками, что называются *злпиныли головками*. На головѣ (шарпанъ) изъ холста, родъ полотенца, вышитый кругомъ узенькимъ узоромъ. Этимъ шарпаномъ обертываютъ голову подъ шею; волосы на двѣ стороны разбросаны, и до половины головы открыты. Сверхъ шарпана надѣваютъ (нашмакъ), родъ повязки, въ вершокъ ширины, вышитый сплошнымъ узоромъ. На мѣсто серегъ привѣшиваютъ къ ушамъ разрѣзанную, въ пять вершковъ длины, и сложенную въ нѣсколько рядовъ проволоку, загнутую полукружіемъ. Дѣвки также повязываютъ на голову бѣлые, шитые платки, но на самый лобъ тюричкомъ, подобно тому, какъ носятъ кресть-

янскія Русскія дѣвки. Дѣвки проволочныхъ боль-шихъ серегъ не носятъ; у иныхъ я видѣла ма-ленькія. На ноги онѣ ужасно много навертыва-ютъ черныхъ онучь: чѣмъ Черемиска богаче, тѣмъ толще ноги; у иной точно толстыя брев-на. Мужской Черемиской костюмъ очень обык-новененъ: бѣлой суконной кафтанъ, черныя ону-чи и лапти. Лѣтомъ многіе носятъ кафтаны изъ бѣлаго холста. Въ иныхъ деревняхъ носятъ каф-таны сѣрые. — Возвращаясь изъ гостей, на пло-тинѣ нашей мельницы я была свидѣтельницей самой отчаянной сцены. У мельничихи завод-скіе работники унесли картофель; она увидѣла, и въ слѣдъ за похитителями прибѣжала на за-водъ въ такомъ изступленіи, что я никогда не могла воображать, чтобы женщина имѣла та-кія раздражительныя нервы. Она кричала на Татаръ, топала ногами, рвала на себѣ волосы, махала палкой и грызла ее зубами, падала на полъ, и отъ ужаснаго усилія кричать, у нее изъ рта брызгала бѣлая пѣна, какъ у разъярен-наго животнаго. — Не правда ли, что заснувши съ такими впечатлѣніями, не увидишь пріятныхъ сновидѣній.

Мая 10-го.

Я читала въ твоихъ запискахъ, что Несторъ въ своей народной Генеалогіи имѣетъ Черемисъ. Живущіе на западномъ берегу Волги назывались и называются теперь *горными Черемисами*, а на восточномъ — *луговыми*. Къ послѣднимъ принадлежатъ живущіе на рѣкахъ Кокшагѣ и Ветлугѣ. Въ лѣтописяхъ также сказано о Черемисахъ, находящихся на Бѣлой Воложкѣ, на Камѣ, на Вяткѣ; сверхъ того упоминается о нѣкоторыхъ волостяхъ между Арскимъ и Ветлугою и о горныхъ Черемисахъ на рѣкѣ Свіягѣ. — Безъ сомнѣнія, въ прежнія времена Черемисы были многочисленны; они даже помогали Татарамъ при нападеніи на нихъ Русскихъ. Нынѣшніе луговые Черемисы поселились по берегу Волги, въ лѣсахъ, на небольшее пространство въ ширину. Они начинаются отъ Нижегородской губерніи до Саратовскихъ степей, по берегу Волги. Населенію въ дремучихъ лѣсахъ и такъ узко сжатому, безъ сомнѣнія, причиною другіе народы: Мордва, Вотяки, Пермяки, Татары, ко-

торые, стѣсняя ихъ, заставили спрятаться въ лѣса, тогда дремучіе. Черемисы не настоящіе жители лѣсовъ; прежде было не менѣе и горныхъ Черемисъ, которые имѣли совсѣмъ другіе промыслы.

Луговыхъ Черемисъ считаютъ народомъ лѣнивымъ, безпечнымъ, незанимающимся хлѣбопашествомъ. Но эта лѣность, сдѣлавшись теперь врожденною, имѣла свои причины и обстоятельства. На луговой сторонѣ Волги въ сосновыхъ лѣсахъ земля вездѣ песчаная, болотистая и неудобная къ плодородію. Она не только не вознаграждаетъ трудовъ земледѣлія, но часто бѣдные поселяне не собираютъ и сѣмянъ. Ежели лѣто сухо, урожаю нѣтъ, потому что хлѣбъ на песчаной землѣ высохнетъ. Ежели оно дождливое, то отъ множества болотъ земля сырѣетъ, сверхъ пашни бываетъ вода, и хлѣбъ вымокаетъ. Иногда случается, что болота отъ частыхъ дождей разливаются, какъ весной, и вода уноситъ собранное въ копны или въ стога сѣно, что нынѣшній годъ случилось въ нашей деревнѣ. Чищобы чистить не стоитъ трудовъ:

годъ или два не болѣе, хлѣбъ родится лучше обыкновеннаго. Навозъ въ землѣ не держится болѣе года, и надобно каждый годъ унавоживать. Ежели оставятъ одинъ годъ десятину или полосу незапаханною, то она на другое лѣто заростетъ березникомъ, въ полъ-аршина вышины и болѣе. Возми нашу деревнишку: въ ней засѣвается десять десятинъ, выходитъ на посѣвъ тридцать батмановъ (120 пудовъ). Семь лѣтъ, какъ я купила деревню, ни одинъ годъ не оставалось болѣе двадцати батмановъ отъ посѣва, а иногда и менѣе. Я уже вышла изъ терпѣнія, и велѣла землю на нѣсколько лѣтъ оставить въ покоѣ. — Конечно Черемисы, обработывая землю для себя усерднѣе, имѣютъ урожай получше нашего; но все очень малъ для того, чтобы привязать ихъ къ земледѣлію, тогда какъ другіе промыслы, гораздо выгоднѣе, у нихъ подъ руками. Въ прежнихъ дремучихъ лѣсахъ было множество звѣрей, и ловля ихъ приносила большую пользу. Съ уменьшеніемъ лѣса, звѣриная ловля хотя и сдѣлалась бѣднѣе, но все болѣе награждаетъ ихъ труды, нежели хлѣбопашество. Въ лѣсахъ, по луговой сторонѣ Волги, и теперь

много медвѣдей, лисъ, оленей, волковъ; изъ мѣлкихъ звѣрей много зайцевъ, бѣлокъ, куницъ, барундуковъ и норокъ, которыхъ Татары и Русскіе называютъ *шашками*. Иныхъ звѣрей они стрѣляютъ, другихъ ловятъ капканами. Черемисы также имѣютъ большой доходъ отъ дичи. Утокъ они ловятъ петлями и стрѣляютъ; рябчиковъ и тетеревей стрѣляютъ множество необыкновенными ружьями и винтовками, въ которыя входитъ не болѣе щепотки пороху и по одной дробинкѣ. Черемисы, живущіе близъ Казани, возятъ сами туда шкурки разныхъ звѣрей, дичь и всѣ лѣсныя произрастѣнія, а дальніе продаютъ на базарахъ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ изъ Казани барышники для закупки у Черемисъ всего подешевлѣ. Весною Черемисы снимаютъ мочало и ткутъ рогожки и кулье, продавая на мѣстѣ другимъ Черемисамъ, которые, закупивъ по деревнямъ, уже въ Казани продаютъ дороже. Черемисы, живущіе ближе къ рѣкѣ Кокшагѣ, гдѣ находятся сплавы, нанимаются у подрядчиковъ рубить и плотить дрова саженями, а бревны счетомъ. Весною, когда вода начнетъ сбывать, они нанимаются сплав-

лять плоты въ Казань. Хорошій работникъ получаетъ отъ 15 до 20, сплавщикъ 25 и 30 рублей; пять, шесть плотовъ, соединенные вмѣстѣ, называются *кошма*. На всякой плотъ берется два работника, а кошма имѣетъ 10 и 12 и особеннаго сплавщика. Въ тихую погоду плоты поспѣваютъ въ Казань въ полторы сутки, а въ вѣтеръ недѣли въ три, отъ того-то работники и берутъ такую большую цѣну. Часто случается, что плоты за вѣтромъ стоятъ недѣли по три на одномъ мѣстѣ; и это считается неблагополучіемъ, потому, что, по неудобности управлять хорошо плотами, занесетъ ихъ на острова, на пески и въ луга, гдѣ часто они и остаются. Но ежели есть малѣйшая возможность, то плоты съ мѣли стаскиваютъ народомъ, или переплочиваютъ на маленькіе плоты; это дѣлается въ такомъ случаѣ, когда на мѣли еще довольно воды. Плоты, оставшіеся за невозможностію быть сдвинутыми съ песковъ, продаются ближнимъ жителямъ деревень за дешевую цѣну. Иные богатые Черемисы сами берутъ изъ казны билеты на вырубку лѣса, и доставляютъ въ Казань. Корье также Черемиской промыселъ. Обы-

кновенно богатые Черемисы закупаютъ корье по деревнямъ, доставляютъ его въ Казань и продаютъ на кожевенные заводы.

Домашнее житье Черемисъ вообще почти одинаково съ Чувашскимъ; также нечисто и дымно. Однакожъ въ Черемискихъ деревняхъ, особенно въ близкихъ къ Русскимъ, есть бѣлыя, опрятныя избы. Но это бываетъ рѣдко и не всегда у богатыхъ. У инаго богача Черемисина такая гадкая, нечистая изба, что невозможно войти. Богатые Черемисы имѣютъ привычку прятать накопленныя деньги въ землю, и даже умирая, скрываютъ это отъ своихъ дѣтей и родственниковъ. И отъ этой причины Черемисы большіе любители кладовъ; потому, что имъ иногда случается, отрывая землю для постройки дома, овина, погреба, находить горшечки съ серебряными, а иногда и съ золотыми деньгами. Зажиточные Черемисы держатъ много скота, коровъ и овецъ, а свиней почти никогда. Домашнихъ птицъ также довольно. Вотъ странность, достойная замѣчанія: въ деревняхъ: по рѣчкѣ Ировкѣ, гдѣ и наши Кужары, нельзя развести куръ: онѣ бо-

лѣе году не живутъ, и умираютъ странною смертію. Въ Маіѣ мѣсяцѣ курица начинаетъ жирѣть и необыкновенно часто нести яица; потомъ льетъ ихъ изъ себя, безъ кожи, отчего худѣетъ, и истощенная, ходя умираетъ. Насѣдки съ цыплятами остаются живыми, но только тѣ, которыя мѣсяцъ Май сидятъ на яицахъ; но ежели ранняя насѣдка въ Маѣ ходитъ съ цыплятами по волѣ, то умираетъ, а цыплята остаются до будущаго года. Жители прежде полагали, не ростетъ ли въ Маѣ какая нибудь вредная трава, или насѣкомыя, которыхъ куры клюютъ; но цыплята не умираютъ до будущаго Мая. На счетъ пѣтуховъ также странность: они никогда на первомъ году не умираютъ; очень часто на третьемъ, а иные живутъ какъ обыкновенно. Пробовали запирать куръ на весь Май въ подполья, и кормить зимнимъ кормомъ; запрятанныя курицы хотя и оставались живыми, но были очень худы и на будущій годъ во все не несли яицъ. Не правда ли, какая странность! тутъ уже дѣло не до статистики, а до медицины.

Обыкновенная работа Черемискихъ женщинъ: тканье, пряжа и вышиваніе по холсту, по счету, разными шерстями и иногда шелкомъ. Рубашки, полотенца, маленькіе платочки, все у нихъ вышито, и иногда очень красиво. Льну у Черемисъ почти не сѣютъ, но выдѣлываютъ изъ конопли кужель такъ бѣло и мягко, что превосходитъ и ленъ. — Черемиски прядутъ очень странно: привязываютъ кужель (кончала) къ палкѣ, какъ шерсть и втыкаютъ всегда палку въ верески въ онучахъ. Я очень часто это вижу у Черемисокъ на мельницѣ. Онѣ, ожидая очереди, всегда сидятъ за работой: иныя прядутъ, другія вышиваютъ. Станы для тканья также странны и просты, безъ навоевъ; точно такъ, какъ ткутъ тесемки, холсты; иныя Черемиски ткутъ очень тонко. — Шерсть также прядутъ на палкахъ. Черемиски, какъ и Чувашки, очень крѣпкаго сложенія. Онѣ даже послѣ родовъ не ложатся ни на полчаса; родивши, тужъ минуту идутъ топить баню, вымоютъ ребенка и начинаютъ работать, какъ ни въ чемъ не бывали.

Пища у Черемисъ самая простая. — Хлѣбъ, салма (*ляшка*) изъ овсяной муки, овсяная каша,

кислое молоко (*шеръ*). Мясо ѣдятъ очень рѣдко; и вѣрно отъ того Черемисы всѣ сухощавы. Они также любятъ огородные овощи и садятъ картофель, морковь, капусту, рѣдьку. Черемисы большіе охотники до вина. Къ празднику продаютъ послѣднюю овцу, чтобъ купить вина. Праздники у нихъ бываютъ часто. Поминки также въ числѣ праздниковъ; они тутъ пьютъ и пляшутъ.

Вотъ всѣ Черемискіе праздники, начиная отъ Апрѣля мѣсяца:

Конъ-Кеча. Въ этотъ день не кормятъ скота, чтобы скотина была здорова и хранима отъ звѣрей, и чтобы была тиха, не ломала пряселъ, не ходила въ хлѣбъ; и отъ того въ этотъ день постятся сами, не работаютъ, не берутъ и не отдаютъ денегъ. Крещеные Черемисы всегда этотъ день празднуютъ въ Среду на страстной недѣлѣ.

Сорта-Кеча, первые поминки. Крещеные отправляютъ ихъ въ великій Четвергъ.

Ага Парямъ, праздникъ пашни.

Семикъ, поминки.

Суремъ или *Шуремъ*, главный праздникъ,— изгнаніе шайтана, домоваго.

Моленіе новаго хлѣба. Послѣ этаго продолжаются во всю осень *Параўши*, пирушки.

Шоронъ-елъ, овечья нога. Празднуютъ всегда въ Святки, даже и у некрещеныхъ.

Кужары, Мая 17-го.

Сего дня я цѣлое утро толковала съ двумя Черемисами, и очень рада, что одинъ изъ нихъ не крещеный: отъ крещеныхъ Черемисъ ничего не возможно добиться; боятся обнаружить, что придерживаются старинки. Сегоднишній нашъ разговоръ былъ о поминкахъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Черемисы поминаютъ усопшихъ безъ большихъ церемоній: въ день поминокъ варятъ пиво, пекутъ блины, ватрушки, варятъ кашу, покупа-

ютъ вино, приглашаютъ родныхъ, сосѣдей и по захожденіи солнца, начинаютъ церемонію. Сколько надобно поминать покойниковъ, столько берутъ свѣчь. Свѣчи сучатъ сами изъ воску и пеньки; для каждаго покойника назначается особая свѣча. — Отцу и матери свѣчи большія, женѣ, или мужу поменѣе, сестрамъ и братьямъ еще менѣе, а маленькимъ дѣтямъ самыя мелкія. Втыкаютъ въ стѣну у дверей палку и къ ней прилѣпляютъ свѣчки, а иногда и къ стѣнѣ. Подъ свѣчами ставятъ двѣ большія чашки, одну пустую, а другую наполненную всякой всячиной: ватрушками, кашей, блинами, сырчиками. Ставятъ лянгосъ пива и полуштофъ вина. Старшій изъ гостей подходитъ первый, беретъ блинъ, и отщипывая кладетъ въ пустую чашку, прося (*Юму*) главнаго Бога и (*Кіожата Тигра*) адскаго судью, чтобы они успокоили усопшихъ, чтобы имъ было весело, свѣтло и тепло. Тоже дѣлаетъ съ ватрушками, съ сырчиками и со всякимъ кушаньемъ; прихлебываетъ немного изъ ковша пива и выливаетъ въ ту же чашку. Наконецъ беретъ вино, и выпивая половину маленькаго стаканчика, остальное выли-

ваетъ въ чашку. Потомъ всѣ гости по старшинству, до маленькаго ребенка, одинъ послѣ одного, дѣлаютъ и говорятъ тоже. Когда все кончатъ, хозяинъ беретъ чашку, наполненную кушаньемъ, и несетъ на дворъ; все собраніе слѣдуетъ за чашей. — Сзываютъ собакъ, и все изъ чашки имъ выбрасываютъ, тщательно замѣчая, какъ онѣ примутся ѣсть. Ежели собаки ѣдятъ мирно; то значитъ, что покойникамъ на томъ свѣтѣ хорошо; а ежели разгрызутся, то знакъ дурной. Послѣ этаго обряда возвращаются въ избу и съ радости, или съ горя, начинаютъ пить и плясать, а иногда пьютъ безъ пляски. Помянувъ въ одной избѣ идутъ въ другую, и такимъ образомъ пируютъ цѣлую ночь.

Завтра я ѣду на праздникъ *Ага-Парямъ*, который, говорятъ, очень любопытенъ.

Ага-Парямъ въ самомъ дѣлѣ очень интересный праздникъ, и я смотрѣла на него съ удовольствіемъ. *Ага*, по Черемиски, значитъ соха, иначе устроенная, по Русски называемая косуля, коею пашутъ въ двѣ лошади. Этою сохою въ

здѣшнихъ мѣстахъ всѣ вообще пашутъ только подъ яровой сѣвъ.

Не знаю, Татары ли отъ Черемисъ, или Черемисы отъ Татаръ приняли этотъ праздникъ; потому что Татарской *сабанъ* празднуется въ одно время, и имѣетъ названіе также отъ сохи. *Сабанъ* значитъ соха, третьимъ манеромъ сдѣланная, которою пашутъ въ пять и шесть лошадей.

Ага-Парямъ празднуетъ каждая деревня порознь, — обыкновенно послѣ обѣда, часовъ въ пять. Чтобы видѣть начало праздника, я отправилась въ 4 часа. На открытомъ полѣ были сдѣланы нарочно для этаго праздника качели и разложены два костра огня. Черемисы, одинъ за другимъ, уже собирались на праздникъ, неся, каждой по бураку (шабашъ) пива, иной меду. Жены и дочери шли за ними, неся яичницы и другія кушанья; у иныхъ были въ чашкахъ ватрушки и сырчики, сдѣланные изъ творогу, у другихъ калабашки, сдѣланныя изъ крупы, и у каждой яичница, яица, и ничего мяснаго. При-

ходя на мѣсто, ставили кушанье на полъ, гдѣ было кому угодно, и сами садились у костровъ, женщины у одного, а мужчины у другаго. Чрезъ полчаса приходитъ картъ, или юмланъ, т. е. попъ, и за нимъ старикъ. При ихъ приходѣ всѣ Черемисы встали. Картъ взялъ свой буракъ пива и яичницу, поставилъ предъ собой, а старикъ, пришедшій съ нимъ, лучинкой взялъ огня изъ костра, у котораго сидѣли мужчины, и подалъ Тюле-карту завернутыя въ бѣлый платокъ восковыя двѣ свѣчи, зажегъ и прилѣпилъ одну къ бураку, другую къ яичницѣ. Поставивъ предъ собой, всталъ съ важнымъ видомъ первосвященника. Черемисы тотчасъ начали дѣлать тоже, прилѣпляли всякой къ своему пиву и къ яичницѣ свѣчки, ставя предъ собой, а сами всѣ становились позади карта одной шеренгой, по десяти рядомъ. Между всякаго десятка оставалось мѣста аршина на два. Черемисъ было не болѣе шести десятковъ. Картъ началъ просить Юму о ниспосланіи хорошей яровой жатвы. Въ это время Черемисы всѣ встали на колѣна; а когда картъ всталъ на колѣна самъ, тогда всѣ Черемисы упали ницъ лицомъ, и ле-

жали до тѣхъ поръ, пока картъ стоялъ на колѣнахъ. Когда онъ всталъ, Черемисы встали на колѣна. Картъ взялъ свой буракъ пива въ руки и посвятилъ его *Юмъ* (главному богу). Яичницу и другія свои кушанья взявъ въ руки, посвящалъ ему же. Потомъ бралъ въ руки у каждаго Черемисина, начиная съ перваго, бураки съ пивомъ, яичницы и кушанья, посвящалъ ихъ разнымъ богамъ: (*Юмнавъ*) матери главнаго бога, (*Ильянъ Юмъ*) богу грома, (*Юманъ Піянъ Баръ*) божіему пророку, (*Кугужанъ Юмъ*) богу цареву и такъ далѣе. Когда обошелъ весь рядъ, Черемисы встали и онъ началъ другую церемонію. Старикъ подалъ карту большую чашку, и картъ, начиная отъ своего пива и кушанья, по порядку у всѣхъ бралъ ковшичкомъ изъ каждаго бурака пива, отщипывая понемногу отъ всякаго кушанья, откладывалъ ложкой отъ всякой яичницы, все выливалъ и клалъ въ чашку. Окончивъ все это, взялъ отъ старика чашку, пошелъ къ костру, гдѣ не было женщинъ и все изъ чашки бросилъ въ огонь. Покуда горѣла кусочная жертва, Черемисы лежали ницъ лицемъ. И когда встали, то картъ

началъ обходить третій уже разъ, отвѣдывая у каждаго Черемисина пива, яичницы и каждаго кушанья; когда же оканчивалъ отвѣдывать у отдѣленнаго десятка, старикъ, ходя за картомъ, стукалъ по разу кремнемъ въ огниво, и это дѣлалъ у каждаго десятка. Этимъ моленіе кончилось. Черемисы тотчасъ послѣ молитвы подошли къ карту и давали ему за труды яицъ, иной три, четыре и два. Потомъ каждый своимъ пивомъ, яичницей и кушаньемъ стали другъ друга подчивать и ни одинъ не отказывался. Откушавъ отъ всего по немногу, мѣнялись яицами.

Женщины, во все продолженіе молитвы, стояли у своего костра, поправляли огонь, не принимая въ молитвѣ ни малѣйшаго участія; и уже подошли къ Черемисамъ тогда, какъ они начали другъ другу подавать пиво и кушанье. Онѣ довольно аппетитно кушали освященное питье и яству. Когда церемонія на счетъ кушанья кончилась, Черемисы опять встали рядомъ, а картъ взялъ метлу и подмелъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ѣли, всѣ крошки примелъ къ костру, и бросилъ въ огонь; а Черемисы, пока горѣли крош-

ки, лежали на землѣ лицомъ. Картъ читалъ благодарственную молитву, что боги приняли ихъ жертву. По окончаніи молитвы, молодыя бабы и дѣвки начали качаться, молодые ребята ихъ качать; а старики и старухи сидѣли порознь, разговаривая очень сурьезно. *Ага Парямъ* кончился довольно поздно. — Возвратясь домой, Черемисы начинаютъ съ того же дня пировать по домамъ, ходя другъ къ другу въ гости. Пиво и кушанье, моленное въ полѣ, онѣ три дня не снимаютъ со стола, и, какъ святое питье и пищу, всякой день по утру ѣдятъ понемногу на тощакъ, а потомъ уже начинаютъ ѣсть вновь приготовленныя кушанья. Моленое пиво изъ бурака никогда все не выпиваютъ; всегда оставляютъ хотя съ ложку, и въ него наливаютъ новаго. Ежели случится по несчастію моленое пиво все пролить, или, по неосторожности, выпить: въ такомъ случаѣ хозяинъ и хозяйка выходятъ изъ себя, тотчасъ бѣгутъ къ родственнику, или къ сосѣду, берутъ у нихъ хоть ложку пива изъ моленаго бурака. Моленое пиво они считаютъ за святое, котораго капля освящаетъ сороковую бочку.

Чебоксарскаго уѣзда деревня Липша, Мая 29-го.

Не знаю, кто сего дня проснулся ранѣе, соловей ли, торопясь запѣть гимнъ своей подругѣ, или я съ желаніемъ угодить тебѣ? Я услышала его пѣсню уже на срединѣ Волги. Несносно мнѣ было вставать вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, но награда за мое безпокойство меня восхитила. Ты знаешь, что я вовсе не сантиментальная любительница природы; птичка меня не забавляетъ, цвѣточекъ не восхищаетъ, журчаніе ручейка не разнѣживаетъ моихъ чувствъ, зефиръ не настроиваетъ моей лиры къ нѣжнымъ пѣснямъ. Но сего дня, признаюсь тебѣ, я была очарована природой. Я проснулась очень рано; въ третьемъ часу была уже на берегу Волги, и въ первый разъ въ жизни видѣла мою непріятельницу (Волгу) такою тихою и неподвижною, что сравненіе воды съ зеркаломъ въ эту минуту было прекрасно. Погода была такъ спокойна, что даже не шевелился листъ на осинѣ; вода не только не рябѣла, но даже незамѣтно было ея теченіе, и цѣпи Волжскихъ горъ

со скалами и утесами рѣзко отражались въ водѣ, представляя огромныя башни и величественныя пирамиды. Я невольно перенеслась въ царство волшебницъ, и думала видѣть ихъ великолѣпныя замки. Стадо, бродившее на горѣ, также было видно въ струяхъ Волжскихъ, груды камней лежали вокругъ меня, Чебоксары, отстоящіе на 5-ть верстъ, казались очень близко, тѣмъ болѣе, что звучные колокола заставляли думать, что я въ самомъ городѣ; птицы пѣли такъ громко, какъ бы желали заглушить заунывный звонъ къ заутрени; Волга была въ разливѣ, и заливы между лѣсомъ казались издали серебряными полосами. Однимъ словомъ, картина была до того прелестна, что я, какъ очарованная, стояла нѣсколько минутъ неподвижно. Мои добрые мужики дожидались меня на перевозѣ и выпроводили на хорошую дорогу. Очень рано я пріѣхала въ Черемисскую деревню. Никифоръ (Черемисинъ), ждавшій меня къ себѣ въ гости, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу съ заспанными глазами; жена его, также полусонная, встрѣтила меня на дворѣ, повела за руку въ избу, гдѣ я ознакомилась со всѣми домашними, легла спать

и проснулась уже въ 9 часовъ утра. Шумъ подъ окнами заставилъ меня скорѣе одѣться. Множество Черемисокъ и нѣсколько мужчинъ меня дожидались; женщины, какъ Татарки, всѣ подходили ко мнѣ, брали меня за руки, и трепали по плечу. Никакъ не возможно путешественнику вдругъ отличить Чувашъ съ Черемисами, ни мужчинъ ни женщинъ, по ихъ наружности и костюму, который, выключая головнаго убора женщинъ и огромныхъ серегъ, съ Чувашскимъ одинаковъ. Но тотчасъ можно замѣтить различіе въ домашней ихъ жизни. Деревня, откуда я къ тебѣ пишу, состоитъ изъ десяти домовъ, но и въ ней есть дворовъ пять, выстроенныхъ по Русски, съ бѣлыми печами, съ косящетыми окошками, и въ избахъ очень опрятно. Здѣсь Черемиски пребойкія женщины: всѣ говорятъ очень хорошо по Русски, такъ вертлявы и услужливы, что совсѣмъ не похожи на Чувашекъ. Въ 10 часовъ я пошла пить чай, и онѣ всѣ за мною; я ихъ угощала чаемъ, но всѣ почти отказывались, кромѣ Іомсей. Этѣ женщины, разъѣзжая по деревенскимъ дворянамъ ворожить, вѣроятно, привыкли къ чаю. Онѣ тотчасъ на-

чали мнѣ ворожить. Одна держала меня за пульсъ, говоря вздоръ; другая болтала то же, смотря безпрестанно мнѣ въ глаза; третья смотрѣла въ воду,—то есть: также, какъ ворожатъ Чувашки; и потому я ворожбы ихъ подробно не описываю. — Потомъ начался у насъ разговоръ презабавной, которой весь опишу тебѣ. Сначала я разспрашивала ихъ о земледѣліи, объ урожаѣ хлѣба, о ихъ промышленности лѣсомъ и проч. Потомъ неожиданно разговоръ начался о любви: причиной этому была сестра моего хозяина, которая, вышедши за мужъ, жила съ мужемъ три мѣсяца, и такъ дурно, что должна была убѣжать опять къ брату, гдѣ и живетъ уже пять лѣтъ. „Что Матрена?“ спросила я Черемиску: „ты такъ молода и между тѣмъ несчастна, я думаю тебѣ очень горько?“—Что за горько—прервалъ мой вопросъ молодой Черемисинъ—развѣ нѣтъ другаго, кромѣ мужа.....— Вотъ дѣти природы, живущіе на свободѣ!

Черемисинъ, Николай, который всякой годъ сгоняетъ мои плоты съ лѣсомъ въ Казань, пригласилъ меня къ себѣ въ деревню на маленькіе

поминки; а у моего хозяина Никифора, будутъ поминки большіе, по трехъ покойникахъ: по отцѣ, матери и сестрѣ. Большіе поминки обыкновенно начинаются ночью.

Послѣ обѣда, въ пять часовъ, отправилась я за полверсты въ деревню къ Николаю. Матрена и другія Черемиски пошли со мною. Николай принялъ меня въ анбарушкѣ, гдѣ обыкновенно они живутъ лѣтомъ. Жена Николаева, та Іомса, которая держала меня за пульсъ, посадила меня за столъ, недалеко отъ огня, разкладеннаго посреди анбарушки. Подъ огнемъ висѣлъ небольшой котелъ, гдѣ варилось пиво съ медомъ, для моего угощенія. Начались поминки точно также, какъ у Чувашъ. Накрыли столъ довольно бѣлой скатертью, и поставили на него сухую рыбу, рыбу, приготовленную съ яицами и съ масломъ, яичницу и жареную курицу. Само собою разумѣется, что послѣ обѣда я ничего не могла ѣсть, но должна была всего отвѣдывать. Пиво вареное съ медомъ подавали безпрестанно и Матрена за меня осушала всѣ ковши. Я думала отдѣлаться отъ угощенія; но не тутъ-то

было: пришли звать меня въ четыре дома, и я должна была до 7 часовъ ходить изъ двери въ дверь, и вездѣ отвѣдывать рыбу съ яицами и и пиво съ медомъ. — Замѣть, что у Чувашъ нѣтъ такого гостепріимства, а Черемисы угощали меня по Татарски.

Въ осьмомъ часу возвратилась я къ Никифору, гдѣ уже начались приготовленія къ большимъ поминкамъ. Пришли два Іомсы; закололи сами четырехъ барановъ, пять куриць, трехъ утокъ и двухъ гусей, поставили на огонь, на дворѣ, три котла; положили въ нихъ барановъ и птицъ, и начали варить; варили и медъ. Безпрестанно мѣшали въ котлахъ одни Іомсы; ни хозяинъ, ни другіе Черемисы не приближались, потому что это готовилось для жертвы покойникамъ. — По захожденіи солнца, начали гости собираться изъ многихъ деревень на поминки; и какъ только стемнѣло, то уже полонъ дворъ былъ Черемисъ и Черемисокъ. Выкатили изъ погреба двѣ сороковыя бочки пива и большой боченокъ вина. Поминки совершались въ большой анбарушкѣ, гдѣ также былъ разложенъ огонь и варилось пи-

во съ медомъ. У дверей, на стѣнѣ прилѣпляли восковыя свѣчки; всякой гость долженъ принести съ собой свѣчку, въ память усопшихъ и прилѣпить къ стѣнѣ; иные же приносили вмѣсто свѣчь деньги. Посреди анбарушки была протянута веревка, къ которой привѣсили три свѣчи, въ память тремъ покойникамъ. Эти свѣчи были длиною аршинъ въ пять и свиты на подобіе улитки. Свѣчи горѣли во все продолженіе празднества, и одинъ Черемисинъ былъ приставленъ развивать свѣчки, когда нужно; другой смотрѣлъ за свѣчами у дверей. У послѣднихъ накрыли большой столъ и двое Іомсей притащили на какихъ-то носилкахъ вареныхъ барановъ и птицъ, искрошили ихъ на деревянномъ блюдѣ, кашицу разлили по чашкамъ; принесли пиво, вино; и начались поминки точно такимъ порядкомъ, какъ и у Чувашъ: всѣ подходили по очереди, брали по куску мяса, щипали его, поминая покойниковъ и клали въ чашки, поставленныя у дверей подъ свѣчами; въ нихъ лили пиво и вино, произнося имена покойниковъ и прихлебывая по немногу. — Ты не повѣришъ, что чрезъ часъ бараны, птицы, блины, пироги, сло-

вомъ, все перешло въ чашки къ покойникамъ. Сами поминающіе почти ничего не ѣли, но за то богатырски пили. По окончаніи поминовенія, два Іомсы вышли изъ анбарушки, и, возвратясь, принесли съ собой праздничныя платья покойниковъ, по которыхъ были поминки; носили ихъ подъ свѣчами, и начали подносить вино. Потомъ Іомсы встали, сняли со стѣны нарядъ покойныхъ, надѣли его на себя, женское платье повѣсили чрезъ плечо, взяли въ руки свѣчи и начали плясать. Поплясавъ, все съ себя сняли; потомъ начали надѣвать этотъ нарядъ родные покойныхъ, и также точно плясать со свѣчами, какъ Іомса. Всѣ гости дѣлали тоже и эта церемонія продолжалась часа два. Послѣ пляски платья сложили; два Іомсы взяли заупокойныя чаши съ мясомъ и съ разными кушаньями и понесли въ сопровожденіи родныхъ и гостей на дворъ; выбросили кушанья въ уголъ и призвали собакъ. Въ то время, какъ собаки ѣли, Іомсы опять развернули платья покойныхъ и трясли надъ поядающими жертву собаками; потомъ опять возвратились въ анбарушку, и тутъ-то началось веселье: явились гусли, пузыри, гудокъ; начали

пить и плясать и бѣсновались до восхожденія солнца. Я велѣла заложить коляску, и отправилась домой.

Кужары, 30-го Іюня.

Самый главный и строгій праздникъ у Черемисъ *Суремъ* или *Шуремъ*. Онъ бываетъ въ концѣ Іюня, и посвященъ главному богу Юмѣ; и потому празднуется моленіе всѣмъ міромъ. За нѣсколько дней до праздника дается повѣстка по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, чтобы всѣ въ назначенный день собирались въ лѣсъ, гдѣ обыкновенно каждый годъ бываетъ моленіе. Въ лѣсу есть долина, среди которой стоитъ дерево, вѣроятно, считаемое за святое. Въ день моленія Черемисы всѣ идутъ въ баню; надѣваютъ чистыя рубашки и балахоны (холстинные кафтаны), и приходятъ на мѣсто тихо и смирно. Ни одна женщина не смѣетъ туда показаться. Они такъ уважаютъ этотъ праздникъ, что въ три дни моленія никто несмѣетъ понюхать табаку и выкурить трубку, до чего Черемисы большіе охотники. Въ эти три дня они, какъ Татары, безпре-

станно моются. — Когда всѣ молельщики соберутся, тогда *картъ* собираетъ со всѣхъ деньги, сколько угодно кому дать, и кладетъ ихъ въ одно мѣсто. Этѣ деньги собираются для закупки коровы, барановъ и разныхъ птицъ. Скота заготовляютъ множество; потому что развѣ десятое животное, по изпробованіи, возмется для жертвы. Собравши деньги, они устраиваютъ, на случай дождя, родъ балагановъ, изъ лубковъ, гдѣ разводятъ огонь и привѣшиваютъ котлы. Окончивъ эту работу, начинаютъ пробовать скотъ, удобный для жертвы. Льютъ на спины коровамъ и овцамъ воду. Которое животное отъ холодной воды встрепенется, то и оставляютъ для жертвы; а стоящее, при этой операціи, смирно, отдаютъ хозяину обратно. За встрепенувшееся платятъ дорого. Птицъ берутъ безъ разбора, и никогда съ продавцемъ не торгуются. Безъ сомнѣнія и этотъ лишняго не запрашиваетъ. Скотину привязываютъ къ дереву, связываютъ ноги и колютъ. Содравъ кожу, рѣжутъ мясо большими частями, кладутъ въ котлы и варятъ. *Картъ* идетъ къ дереву и ставитъ свѣчку на сучкѣ; всѣ Черемисы дѣлаютъ тоже; въ нѣсколько ми-

нутъ дерево дѣлается, какъ бы унизано зажженными свѣчками. Вотъ тутъ начинается моленіе и читаются молитвы:

1.

Ке ю маланъ надырамъ пыштенъ тутланъ Юма серлагышамъ и тазалыкамъ пу.

Кто Богу принесъ жертву, тому Богъ спасенія или помилованія и здравія дай.

2.

Шочша икшибаланъ оксагичинъ кандыгычинъ исьюкжеычинъ иволикгычинъ піяламъ пу.

Родившимся дѣтямъ въ деньгахъ, хлѣбѣ, пчелахъ и скотоводствѣ счастіе дай.

3.

Мьюкшъ ушлита игамъ котлажаигамъ котламошеньга ми казнамъ перкемь пу.

*

Чтобы пчелы въ новый годъ рои пустили; а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай.

4.

Каикъ кучамъ піяламъ пу.

Птицъ и звѣрей ловить счастіе дай.

5.

Шынундыгычинъ перькемъ ипіяламъ пу.

Серебромъ и золотомъ надѣли и счастіе дай.

6.

Кумъ пай сатуланъ Юма оксамъ налашъ піяламъ пу.

Дай Богъ счастіе взять тройную цѣну за товаръ.

7.

Юманъ пога моланда пога могула тюняиста погашъ піяламъ пу.

Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ получить, счастіе дай.

8.

Кугужанъ юзакамъ тюлашъ Юма полша и пяламъ пу.

Помоги, Боже, Государственныя подати заплатить.

9.

Шошамъ Юма толма годамъ кумъ тюка воликамъ кумъ корна-дене луктенъ колтена туда воликамъ кельга лаврагы чинъ маскагычинъ пирягычинъ воръ гынгычинъ серлага.

Когда придетъ вешній богъ, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги, отъ глубокой грязи, отъ медвѣдей, волковъ и отъ воровъ оную помилуй.

10.

Туда воликъ—гычинъ исыръ жа тюжъ лижъ.

Изъ той скотины яловыя были бы стельны.

11.

Кангажа ешъ піялъ дэне коялаже.

Худыя же дѣтскимъ счастіемъ были бы жирны.

12.

Исыръ воликамъ икъ киттэне ужалашъ весь киттэне жамъ налашъ пура танамъ вашъ минта Юма.

Чтобы яловую скотину одной рукой продать, а другой рукой деньги взять. Пошли, Боже, добродушнаго друга, или человѣка.

13.

Кугу корнаиста коштмашта осалъ гынгычинъ осалъ чергычинъ калыкъ оридыгычинъ тэря осалъ коштанъ-гычинъ китъ такъ гычинъ гильма итакъ гычинъ серла.

Въ проѣздъ по дальной дорогѣ отъ худыхъ людей, отъ злой болѣзни, отъ глупыхъ людей,

отъ судьи худаго и отъ вздорнаго человѣка, отъ языка зловреднаго помилуй.

14.

Ушла семенъ оваренъ иляжъ іонай и піяламъ пу.

Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ: такъ мнѣ жить ума и счастія дай.

15.

Сорта ганча волгыдынъ иляшъ нола итазалыкамъ пу.

Какъ свѣча горитъ свѣтло: такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди.

16.

Шышта семе тіорлыкъ тэне ильмашамъ итазалыкамъ пу.

Какъ воскъ равно садится: такъ мнѣ постоянно жить счастіе даруй.

17.

Шуженъ коштышамъ темяшъ перькемъ пу.

Просящему удовлетворить спорынью дай.

Когда мясо поспѣетъ, они поѣдятъ и опять за богомолье, и всегда почти на колѣнахъ, лежа ницъ лицемъ. Вина и даже ихъ необходимаго напитка, пива, брать на богомолье не возможно. Пьютъ обыденный, сваренный на мѣстѣ моленья, а не домашній медъ.

Это важное моленіе продолжается три дня, и вовсе безъ сна. Все, что въ три дня не успѣютъ съѣсть, бросаютъ въ огонь; кости и внутренности животныхъ также сожигаютъ на кострѣ.

По окончаніи моленія, картъ назначаетъ, въ которой день надобно всѣмъ собраться въ полѣ, и послѣ въ этотъ же день гонять шайтана. — Въ собраніе на *Суремъ* я сего дня поѣду, а на моленье ѣхать побоялась. Говорятъ, будто Черемисы приходятъ въ изступленіе, когда уви-

дятъ на этомъ моленьѣ женщину, что и случилось прошлаго года. Одна Черемиска была недовольна своимъ сыномъ, который въ самомъ дѣлѣ ее не почиталъ, а пьяный и бивалъ. Матери вздумалось пожаловаться на сына Юмѣ въ это время, когда въ лѣсу было богомолье *Суремя*. Черемиска, пришедши въ лѣсъ, встала на колѣни позади молящихся Черемисъ, и приносила свои жалобы Юмѣ. — Тучи, безъ сомнѣнія готовыя прежде, скоро послѣ прихода Черемиски начали воевать грозно. Сдѣлалась преужасная буря; снесло всѣ балаганы. Громъ и молнія разогнали молящихся; дождь залилъ огонь жертвы; и когда Черемисы увидѣли Черемиску, такъ ожесточились, что хотѣли ее убить до смерти; сынъ, на котораго она жаловалась, кое-какъ ее спасъ, однакожъ ихъ избили до полусмерти. Черемисы были увѣрены, что причиной бури была Черемиска. — Они положили навѣрное, что приходъ женщины раздражилъ бога грома и осквернилъ ихъ моленіе. Вотъ еще другой случай, по которому ты можешь видѣть, что Черемисы довольно опасные люди, когда ихъ разсердишь. . . . . .

Я сей часъ возвратилась домой, и скажу, что съ удовольствіемъ видѣла собраніе *Сурема*. Недалеко отъ нашей деревни, среди лѣсу, въ лугахъ есть прекраснѣйшая долина, длиною болѣе версты, обгороженная кругомъ плетнемъ, гдѣ обыкновенно послѣ трехдневнаго моленія Черемисы и Черемиски собираются со всѣхъ деревень. Я не могла допроситься, что значитъ это собраніе? гулянье, или что нибудь религіозное? — На этомъ собраніи царствуетъ тишина: нѣтъ ни пива, ни вина, ни гайканья. Я пріѣхала довольно поздно. Народу уже собралось множество. Сколько телѣгъ и кибитокъ парами и тройками! Черемисы стояли возлѣ телѣгъ толпами; и между всякой толпы оставалось сажени двѣ пустаго мѣста. Этотъ размѣръ былъ по деревнямъ: изъ каждой деревни пріѣзжали и становились къ своему отдѣленію. Между ими было немного пожилыхъ женщинъ; но молодыя женщины и множество дѣвокъ стояли у плетня, также отдѣленіями. На другой сторонѣ у плетня, также стояло множество кибитокъ, парами и тройками; на козлахъ каждой кибитки сидѣлъ, опрятно одѣтый, молодой Черемисинъ, а кругомъ

повозокъ нѣсколько молодцевъ верхами. Средина долины была совершенно пустая. У многихъ Черемисъ были въ рукахъ, аршина въ три или болѣе, дудки, сдѣланныя изъ липовой лутошки и обвитыя берестой. — Эти дудки какъ-бы есть принадлежности праздника *Сурема*. При другихъ праздникахъ на нихъ никогда не играютъ. Всякая женщина, дѣвка, дѣвчонка, держали въ рукахъ овсяныя калабашки, сдѣланныя изъ крупной овсяной муки съ молокомъ, а на верху калабашекъ лежали кругленькіе, маленькіе сырчики, сдѣланные изъ творогу. Черемиски этимъ кушаньемъ безпрестанно подчивали другъ друга. Та, которая подчуетъ, беретъ у другой ее калабашку, и держитъ въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока та укуситъ отъ калабашки и отъ сыра, и опять размѣниваются. Это откусыванье продолжается во все время гулянья. Нѣкоторыя женщины и дѣвки ходили въ толпу къ Черемисамъ, и подносили ихъ праздничное блюдо. Каждый Черемисинъ, разглаживая бороду и табакомъ насыпанные усы, откусывалъ съ удовольствіемъ. Не правда ли, какъ пріятно отвѣдать отъ кушанья, гдѣ сто ртовъ покусало? — Одинъ

Черемисинъ, мой сосѣдъ, увидя, что я съ любопытствомъ разсматриваю ихъ кушанье, пошелъ къ своей телѣгѣ, вынулъ изъ нее калабашку и сырчикъ, и подарилъ мнѣ. Немного погодя, заложенныя кибитки съ кучерами, одна за другой, подъѣзжали къ толпѣ Черемисокъ. Молодыя бабы и дѣвки съ восторгомъ, наперерывъ бросались къ кибиткамъ и садились въ нихъ, по пяти и болѣе. Кибитки съ сѣдоками скакали по долинѣ взадъ и впередъ нѣсколько разъ во весь духъ. — Потомъ другіе смѣняли прежнихъ сидѣльцовъ; и это катанье продолжалось очень долго. — Черемисы вмѣстѣ съ кибитками скакали по долинѣ, перегоняя другъ друга. — Я пробыла на праздникѣ до захожденія солнца, и болѣе ничего не видѣла. Нельзя не удивляться равнодушію Черемисокъ. Сколько разъ я подходила къ ихъ толпѣ, а они не обращали на меня своего вниманія и продолжали свой разговоръ, не удостоивая меня взглядомъ.

По окончаніи собранія, или на другой день, Черемисы гоняютъ шайтана. Иные говорятъ, что шайтанъ значитъ домовой, и что Черемисы, вся-

кой годъ выгоняя стараго домоваго, призываютъ новаго. Но другіе старики говорятъ, что это неправда; что шайтанъ значитъ нечистой духъ, который забирается въ домъ и тревожитъ скотъ и людей. — Для прогнанія шайтана собирается множество молодыхъ Черемисъ верхами въ одно мѣсто. Не эскадронами, а цѣлымъ полкомъ отправляются вскачь по деревнямъ съ шумомъ, съ крикомъ, съ гарканьемъ въѣзжаютъ въ каждую деревню, и ко всякому на дворъ; скачутъ съ шумомъ по двору; бьютъ лутошками и дубинами по амбарушкамъ, по клѣвамъ, по всѣмъ угламъ избы; иногда вбѣгаютъ въ избу, и въ ней опахаютъ, махая лутошками, выгоняютъ шайтана, за что хозяинъ имъ даетъ всего отъ своей стряпни, а иногда и денегъ.

Кужары, 8-го Іюля.

Я къ тебѣ не писала два дни; но ихъ не потеряла безъ пользы: я видѣла двѣ Черемискія свадьбы, одну, гдѣ отпускали невѣсту, другую, гдѣ ее принимали. Черемискія свадьбы мнѣ не

понравились: онѣ гораздо хуже Чувашскихъ, даже непріятно смотрѣть. Вотъ тебѣ наблюдательное и вѣрное описаніе.

Черемисинъ, желающій жениться на знакомой, или на незнакомой дѣвкѣ, въ своей, или въ другой деревнѣ, взявъ съ собой пожилаго родственника, или сосѣда, идетъ съ нимъ въ домъ невѣсты. Ежели невѣста догадается, то сей часъ бѣжитъ на дворъ. Женихъ начинаетъ говорить о своемъ намѣреніи отцу и матери. Ежели они свою дочь отдать несогласны, то обыкновенно тутъ дѣлается отказъ, и всегда учтивый, что дочь ихъ молода, что они не намѣрены выдавать ее скоро за мужъ. Но если этотъ женихъ невѣстѣ нравится, и между ими уже слажено секретно: тогда родительская власть въ сторону. Дѣвка отъ отца бѣжитъ, и живетъ до свадьбы у родныхъ жениха. Также и родители очень часто выдаютъ дочерей противъ воли. Я буду описывать свадьбу, гдѣ со всѣхъ сторонъ согласіе.

Когда отецъ скажетъ, что дочь выдать за пришедшаго съ предложеніемъ согласенъ, тогда

женихъ сядетъ, а пришедшій съ женихомъ сватъ идетъ на дворъ искать дѣвку, и спрашиваетъ: любитъ ли она такого-то, и согласна ли выдти за него за мужъ? Обыкновенно дѣвка молчитъ; и это молчаніе знакъ согласія; а въ противномъ случаѣ дѣвка такъ запрячется, что ее не отыщутъ. На другой день женихъ съ сватомъ и съ свахой идутъ опять къ невѣстѣ. Отецъ невѣсты, ожидая жениха, кладетъ на столъ коровай хлѣба и блюдо коровьяго, топленаго масла. Невѣста дожидается въ избѣ, стоя у печки. Встрѣтивъ жениха, тотчасъ нарѣзываетъ ломтиками хлѣбъ и намазываетъ масломъ. Женихъ первый беретъ ломтикъ и подаетъ невѣстѣ, которая откусивъ, передаетъ отцу. Отъ сего переходитъ ломтикъ такимъ же порядкомъ къ матери, къ свату, потомъ къ невѣстѣ, и наконецъ возвращается къ жениху, который скушаетъ весь остальной кусочикъ. Эта церемонія у Черемисъ есть помолвка. На третій день уже приходятъ къ невѣстѣ жениховы отецъ и мать со сватомъ и свахою, и дѣлаютъ свадебный договоръ: сколько надобно взять съ жениха калыму, и сколько за невѣстой даютъ приданаго; уговариваются,

когда назначить день свадьбы и сколько звать гостей. Черемисы, какъ и Чуваши, давать приданое дочерямъ не скупятся. Побогаче даетъ корову, лошадь, нѣсколько овецъ, по нѣскольку домашнихъ птицъ; а побѣднѣе теленка, жеребенка, овцу и проч. Приданое состоитъ во множествѣ рубашекъ себѣ и жениху и въ синемъ домашняго сукна кафтанѣ, въ плисовой шапкѣ, въ шарпанахъ и нашмакахъ, и въ предлинныхъ онучахъ. Все приданое кладется въ кожаные мѣшки, въ которыхъ обыкновенно возится на мельницы мука, и шнуруется веревками.

Въ день, назначенный для свадьбы, съ утра собираются къ жениху весь свадебный поѣздъ и званные на свадьбу гости. Нанимаютъ для свадебной церемоніи музыку: пузырь, гусли и барабанъ; человѣкъ двадцать молодыхъ Черемисъ и лѣтъ 17-ти мальчиковъ; они, какъ принадлежность къ свадебной музыкѣ, должны, при звукѣ барабана и пузырной музыки, бить въ ладоши, топать ногой и кричать въ кадансъ: гай! гай! гай! — Черемиской барабанъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Весь свадебный

поѣздъ, напившись порядочно пива, разсаживается по кибиткамъ ; женихъ садится въ лучшую съ дружкой. На козлы въ эту кибитку садится одна женихова сваха, и вся эта процессія отправляется въ путь. Пріѣхавъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста, прежде заѣзжаютъ къ постороннему Черемисину, а не прямо къ будущему тестю. Я была у невѣсты, когда поѣздъ, въ десяти кибиткахъ, пріѣхалъ въ деревню. Покуда женихъ былъ на другомъ дворѣ, въ избѣ у невѣсты было очень тихо: она сидѣла между своихъ подругъ, нахмуря брови, на широкой лавкѣ, морщилась, чтобъ заплакать, но не могла. Невѣста была одѣта очень просто: въ бѣлой, красиво вышитой рубашкѣ и въ обыкновенномъ дѣвичьемъ головномъ уборѣ. Гайканье молодыхъ Черемисъ возвѣстило пріѣздъ жениха ; и въ это мгновеніе поднялся въ избѣ такой шумъ, сдѣлалась такая суматоха, что я едва могла усидѣть на мѣстѣ. Кто началъ кричать, кто плясать. Невѣста встала и начала всѣмъ подносить пиво. Подавая ковшикъ, предъ каждымъ отворачивалась и закрывала глаза. Гости, выпивая пиво, клали въ ковшикъ деньги, и никто

болѣе пяти копѣекъ, а обыкновенно грошъ. Обнеся всѣхъ пивомъ, невѣста опять сѣла между дѣвками. Шумъ и крикъ продолжался; а я пошла посмотрѣть на дворную церемонію. Всѣ кибитки стояли въ порядкѣ въ дальнемъ углу двора. У одной анбарушки былъ поставленъ пребольшой столъ; на столѣ стояло, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ бураковъ (шабаши) съ пивомъ, и столько же деревянныхъ блюдъ съ кушаньемъ салма (ляшка) съ ватрушками, съ лепешками, но ни одного блюда мяснаго. Я удивилась такому множеству блюдъ и бураковъ; но мой переводчикъ, Черемисинъ, разсказалъ мнѣ, что у нихъ такое заведеніе. Всякой, кто приходитъ на свадьбу, приноситъ буракъ пива и блюдо какого нибудь кушанья. Пріѣзжающіе изъ другихъ деревень, привозятъ пиво въ стойкахъ, а кушанье въ сумахъ. За столомъ, уставленнымъ бураками, сидѣлъ женихъ съ своимъ поѣздомъ; напротивъ стола оглушала слухъ свадебная музыка: стучали въ барабаны, играли въ пузыри, на гусляхъ, на балалайкахъ, а двадцать человѣкъ молодыхъ Черемисъ, что есть силы, кричали, топали ногами и били въ ладоши. Твое воображеніе не мо-

жетъ представить такую отвратительную картину Черемискаго пьянства, какую видѣла я на свадьбѣ. Въ ворота безпрестанно шли гости: Черемисы съ бураками пива, Черемиски съ блюдами салмы и каши; и принеся, подчивали другъ друга и всѣхъ. Все, что было на свадьбѣ, было пьяно, и въ самомъ безобразномъ видѣ. Одинъ приставалъ, шатаясь, къ своему товарищу, вызывая его на брань; иной билъ себя въ грудь; другой то же дѣлалъ съ своимъ сосѣдомъ. Многіе, не имѣя силы ходить, ползали на четверенькахъ, а вовсе обезсиленные, валялись по двору, и въ безчувственности засыпали; со многими дѣлалась дурнота. Пьяныя женщины, растрепанныя, бѣгая, между собою бранились, кричали, плакали, ревѣли;—однимъ словомъ, эта картина была несносна.

Я пошла опять въ избу къ невѣстѣ; она сидѣла на своемъ мѣстѣ; а сестра приготовляла свадебное платье, которое было не очень красиво: мужская плисовая шапка и синій, домашней работы, кафтанъ. Сестра невѣсты подала кафтанъ и шапку брату; а онъ, надѣвъ этотъ на-

рядъ на себя, началъ плясать; Черемисы же, сколько ихъ въ избѣ было, кричали. Поплясавъ въ этомъ нарядѣ, снялъ его и отдалъ дѣвкамъ, которыя тотчасъ нарядили невѣсту, покрывъ ее сверхъ шапки бѣлымъ, родъ длиннаго полотенца, покрываломъ; проволочныя, загнутыя серьги привязали на груди къ кафтану. Невѣста сухо простилась съ дѣвками, а женщины повели ее въ анбарушку, гдѣ хранилось ея приданое. Свахи, дружки и всѣ, со стороны ея, пошли за ними. Невѣста своими руками отдала жениховой свахѣ три кожаныхъ мѣшка и небольшой кованый ящикъ. Мѣшки потащили и поставили къ стѣнѣ той анбарушки, гдѣ сидѣлъ женихъ; сверхъ мѣшковъ посадили лѣтъ двѣнадцати дѣвочку. Въ это время женихъ съ своимъ поѣздомъ оставили мѣсто за столомъ, и сѣли на боковую лавку; а за столъ недалеко отъ мѣшковъ, сѣла невѣста, среди матери и брата (отецъ умеръ); дѣвки встали съ боку, и были только зрительницами. Музыка и крикъ продолжались. Посидя немного, невѣста встала, и отвязала отъ груди ключъ, отперла сундучекъ и вынула оттуда подарки. Это были двѣ шитыя рубашки, кото-

рыя она тотчасъ подарила матери и брату; а они положили на столъ по полтиннику. Невѣста, взявъ со стола деньги, положила ихъ въ ящикъ и заперла. Стоявшій близь меня, мой переводчикъ, удивился, что не было драки. „Это, матушка“ сказалъ онъ: „видно для тебя запретилъ хозяинъ; а у насъ безъ драки свадьба не проходитъ“; но онъ ошибся. Одинъ Черемисинъ, изъ жениховой свадебной свиты, подошедъ, хотѣлъ взять приданое и отнести въ кибитку. Онъ, пьяной, не разсмотрѣлъ, что на приданомъ сидѣла дѣвочка; а это знакъ, что приданое еще не выкуплено. — Замужняя сестра невѣсты его толкнула; а онъ ее ударилъ. Черемиска закричала, какъ сумасшедшая; мужъ за нее вступился, началъ бить Черемисина; многіе изъ Черемисъ присоединились къ дракѣ, и такую подняли войну, что я должна была уйти со двора. Два, непьяные, безсрочно-отпускные солдата ихъ уняли, и просили меня опять войти на дворъ. При моемъ возвращеніи женихъ далъ нѣсколько денегъ дѣвочкѣ, сидѣвшей на мѣшкахъ съ приданымъ; дѣвочка, взявъ деньги, тотчасъ сошла, а невѣста опять встала, отперла ящикъ, выну-

ла изъ него бѣлое, шитое полотенце, и заперевъ, опять сѣла на свое мѣсто. Мѣшки съ приданымъ и ящикъ потащили и положили въ кибитку. Женихъ повелъ за руку невѣсту, посадилъ со свахою въ кибитку, а самъ сѣлъ кучеромъ. Сваха взяла изъ рукъ невѣсты вынутое изъ ящика полотенце, и обвила имъ возжи; одинъ конецъ полотенца взялъ въ руки женихъ, а другой невѣста, и тянули, каждый къ себѣ; но женихъ съ силой выдернулъ полотенце, положилъ его за кафтанъ, и поѣхалъ со двора. Весь поѣздъ, музыка и крикуны разсѣлись по кибиткамъ, которыхъ было съ пятнадцать, съ колокольчиками и бубенчиками. Я думала, они поѣдутъ въ церковь, но нѣтъ: они поѣхали по гостямъ, сперва по своей деревнѣ, а потомъ въ другія, по дорогѣ находящіяся. Такимъ образомъ продолжая, будутъ заѣзжать ко всѣмъ знакомымъ Черемисамъ, и днемъ и ночью. Свадебная же церемонія пріѣзжаетъ въ деревню къ жениху дня чрезъ три и болѣе.

Въ деревняхъ, чрезъ которыя должна ѣхать свадьба, ее уже ожидаютъ; и при звукѣ коло-

кольчиковъ Черемисы и Черемиски выбѣгаютъ изъ домовъ къ полевымъ воротамъ; всѣ почти съ бураками пива. Свадьба со всѣмъ поѣздомъ, въѣхавъ въ полевыя ворота, останавливается. Кромѣ невѣсты и жениха, сидящаго у невѣстиной кибитки на козлахъ, всѣ выходятъ изъ кибитокъ. Начинаютъ пить пиво; барабанъ застучитъ, музыка заиграетъ и поднимется крикъ и пляска, продолжающіяся съ полчаса; потомъ поѣдутъ въ деревнѣ по гостямъ, въ назначенные дома, гдѣ уже ихъ ожидаютъ. — Свадьбы у Черемисъ бываютъ всегда въ одно время: послѣ Петрова дня, до начатія сѣнокоса; и потому всякой день по нѣскольку свадебъ проѣзжаетъ чрезъ нашу деревню. Мельникъ съ мельничихой всегда ихъ встрѣчаютъ съ пивомъ, и на плотинѣ бываетъ пляска.

Проводя шумную свадьбу, я имѣла терпѣніе дождаться другой, гдѣ женихъ, путешествуя уже дня три по деревнямъ, привезъ невѣсту домой. Въ домѣ жениховомъ была тишина. Въ избѣ, на столѣ, лежали хлѣбъ, соль и жареная курица, вздернутая вверхъ ногами. Чрезъ полчаса

пріѣхала свадьба; музыка со всѣмъ шумомъ осталась на дворѣ. — Дружка, взявъ за руки жениха и невѣсту, повелъ въ избу, гдѣ уже за столомъ сидѣли отецъ и мать; дружка подвелъ ихъ къ столу, поставилъ на колѣни, а самъ у конца стола, между женихомъ и невѣстой и отцемъ съ матерью, и былъ, какъ-бы, передатчикомъ словъ. — Отецъ велѣлъ дружкѣ спросить невѣсту „будетъ ли она его почитать, какъ отца?“ дружка передалъ эти слова невѣсткѣ, которая отвѣчала: да; и велѣла дружкѣ спросить свекра: „будетъ ли онъ любить ее, какъ дочь?“ Свекоръ отвѣчалъ: да, ежели она будетъ нелѣниво работать, ткать, прясть, жать, ходить за скотиной.“ — Когда невѣстка изъявила на всѣ вопросы согласіе, свекоръ, чрезъ дружку, обѣщалъ дать на ея счастіе скотины и денегъ. По окончаніи переговоровъ, женихъ съ невѣстой встали. Невѣста начала подавать пиво, прежде свекрови, вставъ на одно колѣно. Потомъ подарила рубашками; а они ей въ ковшъ положили серебряныхъ денегъ. Послѣ того обнесла пивомъ всѣхъ жениховыхъ родныхъ, съ колѣнопреклоненіемъ и съ бездѣльными подарками, получая

въ пивѣ маленькія серебряныя монеты. Она преклоняла колѣно и предъ всѣми гостями за гривну, или за пять копѣекъ. Послѣ этой церемоніи берутъ жениха съ невѣстой въ церковь вѣнчаться. По возвращеніи оттуда, дѣлается обыкновенная свадебная церемонія: барабанъ, пузырь и гайканье Черемиской молодежи провожаютъ молодыхъ въ анбарушку, гдѣ устроена имъ спальня. Послѣ благополучнаго окончанія, молодая торжествуетъ; всѣ ее цѣлуютъ, ласкаютъ; а послѣ неудачнаго, мужъ и дружка бьютъ. Послѣ окончанія этой церемоніи, молодая должна идти (какъ у Чувашъ) сама за водой, и у рѣки, или у колодца, черпая, выливать воду до тѣхъ поръ, пока дадутъ за коромыслъ ей денегъ. Принеся воды домой, сама мѣситъ салму (ляшку); и это блюдо кушается съ уваженіемъ, ежели молодая вышла за мужъ какъ должно; а въ противномъ случаѣ, салмы никто не ѣстъ, и даже иногда пьяные Черемисы въ нее плюютъ. Такое жестокое и явное наказаніе за проступокъ дѣлаетъ то, что Черемискія дѣвки ведутъ себя очень хорошо. Говорятъ, что очень рѣдко случается неблагополучная свадьба, не смотря на

то, что дѣвки сидятъ до 25-ти лѣтъ, а Черемисы женятся мальчишками. И потому у всѣхъ Черемисъ перваго брака жены предъ ними старухи.

Свадьба у некрещеныхъ Черемисъ празднуется также, какъ и у крещеныхъ, съ небольшими перемѣнами въ церемоніяхъ и договорахъ, на счетъ калыма и приданаго. Пріѣздъ за невѣстой, подарки и всѣ подобныя церемоніи однѣ и тѣ же. Но только въ день помолвки некрещеная невѣста даритъ жениха перстнемъ; а невѣсту къ жениху привозятъ на канунѣ свадьбы. На другой день утромъ, совершается ихъ обрядъ вѣнчанія. На дворѣ, или на гумнѣ, только чтобы это было на воздухѣ и на чистомъ мѣстѣ, нѣсколько саженъ земли огораживаютъ досками; развѣшиваютъ холстинный пологъ, близь полога ставятъ столъ, на столѣ коровай хлѣба, соль — обыкновенныя ихъ кушанья — и буракъ пива, или меду съ двумя прилѣпленными къ нему свѣчами. Картъ, а иногда и два, берутъ жениха съ невѣстой за руки; становятъ ихъ у стола; сами становятся впереди ихъ, и читаютъ имъ

вѣнчальныя молитвы, прося Юму послать имъ счастіе, любовь и супружескую тишину. Въ это время женихъ съ невѣстой и всѣ, тутъ находящіяся родные и гости кланяются въ землю. Послѣ свадебнаго обряда (пюрашъ-вата) сваха уводитъ молодую подъ пологъ; надѣваетъ ей на голову женской нарядъ, шарпанъ и нашмакъ, и выводитъ обратно. Тогда уже картъ позволяетъ имъ поцѣловаться; потомъ новобрачные начинаютъ подносить пиво, молодой женщинамъ, а молодая мужчинамъ, становясь предъ каждымъ на колѣна. Мужчины молодой кладутъ въ пиво деньги.

Черемискія свадьбы походятъ на Чувашскія. Главныя церемоніи вездѣ одинаковы, но всякая деревня имѣетъ свое собственное. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, волостяхъ у некрещеныхъ Черемисъ всѣ родные, провожая невѣсту къ жениху, стоятъ съ зажженными свѣчами, прося у Юмы ей благополучія. Послѣ этаго уже обряда одѣваютъ въ кафтанъ и въ шапку съ покрываломъ; а женской головной уборъ надѣваютъ послѣ вѣнчальнаго обряда, когда надобно

вести молодыхъ въ ихъ спальню. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, у некрещеныхъ Черемисокъ, женскій головной уборъ превысокой, вышитой красивыми узорами.

Вотъ тебѣ и названія всѣхъ почетныхъ лицъ на Черемиской свадьбѣ:

Сіянъ-марей, свадьба, — *кича*, женихъ, — *ашидуръ*, невѣста или молодая, — *сіянъ-вди*, дружка, — *пюрашъ-вата*, сваха, — *тулача*, женщина, которая сидитъ съ невѣстой въ кибиткѣ, какъ-бы посаженая мать, — *соусъ*, Черемисинъ, которой смотритъ за лошадьми, за кибитками и за музыкой, — *кага-венга*, почетное лицо: онъ только сидитъ подлѣ жениха, — *сіанбуръ*, смотритъ за угощеніемъ.

Кужары, 20-го Сентября.

Третій разъ въ лѣто ѣздить по такой дурной дорогѣ, иногда въ грязь, въ дождь; жить по двѣ недѣли въ такой глуши, какъ наши Кужары, — право, этаго не сдѣлаетъ ни одна женщи-

на, и рѣдко, очень рѣдко, не ожидая себѣ награды, мужчина. Вчера въ дорогѣ я измерзла; а сего дня будто настоящая зима; снѣгу напало столько, что можно ѣздить на саняхъ; прудъ почти весь замерзъ. Меня только радуютъ лебеди; они еще не думаютъ улетать въ теплую сторону, и даютъ надежду, что холодъ и снѣгъ насъ только пугаютъ. Не правда ли, что это рѣдкость? большая стая лебедей прилетаетъ каждую весну къ намъ на прудъ; выводятъ дѣтей, не смотря, что на прудѣ часто стрѣляютъ дичь. Они преспокойно плаваютъ предъ самыми окошками.

Нынѣшній годъ у Черемисъ, по причинѣ неурожая, мало будетъ пированья, на счетъ моленія новаго хлѣба. — Однакожъ Черемисинъ, Лукоянъ, звалъ меня послѣ завтра посмотрѣть эту церемонію.

Послѣ уборки и моленія хлѣба, въ концѣ Октября и въ началѣ Ноября, начинаются у Черемисъ пирушки. Ежели урожай хлѣба хорошъ, то пирушки бываютъ у мно-

гихъ, а въ неурожай—только у богатыхъ. Кто вздумаетъ дѣлать пирушку, тотъ дня за три разъѣзжаетъ по деревнямъ, и проситъ къ себѣ своихъ знакомыхъ и пріятелей. Въ своей деревнѣ ходитъ просить также самъ, а женщинъ жена. Обыкновенно къ пирушкѣ варится пиво, покупается вино и готовится много кушанья, и даже мяснаго. Всякой гость, пріѣзжающій на пирушку, привозитъ съ собой стойку пива, полуштофъ вина, жареную курицу, или утку, сыровъ и разныхъ калабашекъ. Гости, изъ своей деревни, несутъ по блюду салмы, или каши и чего нибудь молочнаго. На пирушкахъ приготовляютъ кушанья болѣе другихъ праздниковъ, отъ того, что бѣдный пирушки не затѣетъ, а богатый имѣетъ способы. Въ первый день пирушки хозяинъ угощаетъ своимъ кушаньемъ. — Черемисы, говорятъ, что нигдѣ не бываетъ такъ весело, какъ на пирушкахъ: туда собираются изъ всѣхъ окрестныхъ деревень музыканты; гусли, пузыри, балалайки шумятъ безъ умолку. На пирушкахъ и на всѣхъ Черемискихъ праздникахъ, мужчины сидятъ впереди, у стола, женщины у печки. Пляска бываетъ безпрестанно;

пляшутъ болѣе попарно: двое мужчинъ, или двѣ женщины, а женщина съ мущиной пляшутъ очень рѣдко. Гайканье, топанье и битье въ ладоши акомпанируютъ всегда Черемиской музыкѣ. Пирушка начинается всегда съ вечера, и продолжается дня два и три. Гости уѣзжаютъ не всѣ въ одно время: иной пируетъ день, другой два, а иные и три дня. Гость, который вздумаетъ ѣхать, предъ отъѣздомъ откупориваетъ стойку пива и вино; разкладываетъ свое привезенное кушанье на столъ, проситъ хозяина, хозяйку и всѣхъ домашнихъ сѣсть за столъ. Когда всѣ усядутся, гость становится на колѣна и благодаритъ хозяина за угощеніе, выпивая рюмку вина; потомъ встаетъ подноситъ хозяину вино и всѣмъ сидящимъ за столомъ, съ колѣнопреклоненіемъ, потомъ угощаетъ своимъ кушаньемъ. Когда хозяинъ съ своей семьей изъ за стола выйдутъ; то гость начинаетъ угощать гостей, своихъ знакомыхъ, и угощеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока у гостя ничего не останется. Хозяинъ, при прощаніи съ гостемъ, кладетъ въ его суму своего кушанья, наливаетъ опорожненную стойку своимъ пивомъ, беретъ

полуштофъ вина и провожаетъ гостя до саней или телѣги; и когда гость съ женой, или одинъ сядетъ въ сани; тогда уже хозяинъ встаетъ на колѣна, и выпиваетъ стаканъ вина, благодаря за посѣщеніе; потомъ подноситъ вино уѣзжающему гостю, а гость даритъ ему нѣсколько денегъ. — Безъ сомнѣнія, съ бѣднымъ гостемъ такихъ церемоній не дѣлается; да и пирушки бываютъ не у многихъ: у двухъ или у трехъ въ деревнѣ, оттого, что онѣ очень убыточны. — Крещеные Черемисы Русское слово: пирушка, приняли въ свой словарь; говоря по Черемиски, всегда скажутъ пирушка; а по Черемиски пирушка *парашъ*. — Черемисы, узнавши, что каждаго приходящаго ко мнѣ, Черемисина, поятъ виномъ, и даютъ серебряную монету за ихъ разсказы, являются ко мнѣ очень часто. Сего дня приходитъ ко мнѣ картъ, поговорить на счетъ молитвъ, которыя читаютъ они въ лѣсу, въ главной свой праздникъ *Суремъ*, и также на счетъ названія ихъ боговъ. Картъ ничего мнѣ не сказалъ новаго. По крайней мѣрѣ, я отъ него узнала, что *Ильянъ-Юма* не есть Илія пророкъ и *Каба-Юма* не богъ Магомета, какъ перевели наши

Казанскіе ученые. *Ильянъ-Юма* богъ Черемисъ языческихъ и *Каба-Юма* также; но они и понятія не имѣютъ объ Иліи пророкѣ. Впрочемъ знаютъ, что Магометъ пророкъ Татарскій. Картъ не могъ назвать этихъ боговъ по Русски; да какъ и перевесть, когда это имена собственныя. Но онъ мнѣ сказалъ, что *Ильянъ-Юма* богъ также большой, а *Каба-Юма* первый святой у *Юмы*.

Кужары, Сентября 22-го.

Была я на моленіи о хлѣбѣ, которое для меня было устроено поцеремоннѣе. Встрѣтили меня очень ласково, и посадили у самаго стола. На немъ лежали жареная бѣлка, начиненная овсяной кашей, жареный заяцъ и коровай хлѣба; за столомъ сидѣло нѣсколько стариковъ и предъ всякимъ стояло блюдо овсяной каши. Хозяинъ взялъ свое блюдо каши, и всталъ на колѣна, читая благодарственную молитву за то, что Юма допустилъ его отвѣдать новаго хлѣба, и просилъ, чтобы и на будущій годъ сохранилъ все его семейство, лошадей, коровъ, овецъ и все

его имущество. Въ это время, какъ хозяинъ читалъ на колѣнахъ молитву, старики, сидящіе на колѣнахъ, встали, съ наклоненіемъ головы слушали читавшаго и тихо шептали эту же молитву.

Хозяинъ всталъ, отрѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба; и всѣ присутствовавшіе по маленькому кусочку съѣли; потомъ съѣли по ложкѣ каши, выпили по ковшу пива, заѣли бѣлкой и зайцемъ, и вся церемонія кончилась.

Моленіе о новомъ хлѣбѣ бываетъ у всякаго Черемисина, живущаго своимъ домомъ, даже и у тѣхъ, кто не въ силахъ сварить пива: таковые молятся о новомъ хлѣбѣ за одной овсяной кашей. Черемисы большіе охотники молиться; они рѣдко заколютъ барана, или домашнюю птицу безъ моленія, то есть: не принеся жертвы какому нибудь богу при заколеніи. Мясо съѣвши сами, все неудобное для ѣды кидаютъ въ огонь, въ томъ мнѣніи, что это большая жертва для ихъ боговъ.

Я не буду здѣсь зимой, и потому старалась разспрашивать о всѣхъ зимнихъ праздникахъ, но ихъ бываетъ очень мало. Масляницу они празднуютъ вмѣстѣ съ нашей. *Шоронъ-елъ*, овечья нога, у крещеныхъ и некрещеныхъ приходится въ наши Святки, между Новымъ годомъ и Крещеньемъ.

Шоронъ-елъ праздникъ дѣвичій, какъ у Русскихъ Семикъ, Троица и Козминки. За нѣсколько дней до праздника собираются дѣвки; выпрашиваютъ для праздника въ своей деревнѣ особую избу; дѣлаютъ складчину, то есть: каждая дѣвка должна принести по равной пропорціи солоду, хмѣлю, овсяной муки, сметаны, яицъ, масла, творогу; и въ приготовленный для праздника избѣ варятъ пиво и приготовляютъ разныя Черемисскія кушанья. Въ день праздника, по утру, Черемиская молодежъ и ребята собираются къ дѣвкамъ, и всѣ идутъ въ озимое поле. Тутъ на загонахъ дѣлаютъ, какъ можно чаще, изъ снѣгу кучки, наподобіе копенъ; при чемъ приговариваютъ: „какъ чисты копенки изъ снѣгу, такъ бы онѣ были чисты изъ хлѣба;“ за

*

что дѣвки ихъ кормятъ обѣдомъ. Вечеромъ собираются къ дѣвкамъ на праздникъ *Шоронъ-елъ* гости, молодыя бабы и парни; старики и старухи ходятъ рѣдко, развѣ только посмотрѣть на веселящихся. Тутъ пузыри и гусли, безпрестанная пляска и разныя игры, похожія на Русскія фанты. Берутъ, наприм. въ горсть орѣховъ и спрашиваютъ другаго: „четъ или нечетъ?“ Ежели не отгадаютъ, то за штрафъ должно поцѣловаться. Или берутъ нѣсколько тоненькихъ лычекъ, длиною четверти въ двѣ, равняютъ концы и связываютъ въ срединѣ большимъ узломъ; Черемисы берутъ концы одной стороны, Черемиски другой; средину развяжутъ; и пара, схватившая за одно лычко, должна поцѣловаться. — Въ полночь дѣвки ходятъ на карду къ овцамъ; и въ темнотѣ, каждая дѣвка беретъ овцу за ногу, приговаривая, чтобы овцы принесли больше ягнятъ и шерсти; потомъ каждая дѣвка поймавъ овцу за ногу, смотритъ, молода ли овца, или стара. Ежели овца молода, то и мужъ будетъ молодой; ежели старая, то быть за старикомъ. — Надъ дѣвками, выбравшими старыхъ овецъ, цѣлой вечеръ смѣются. Возвратясь въ избу, дѣв-

ки начинаютъ рѣзвиться: прежде тянутъ за ноги хозяина избы и хозяйку, потомъ гостей и другъ друга, безпрестанно падая; и вотъ это главное веселье праздника овечьей ноги, *Шоронъ-елъ*. — Этотъ праздникъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не кончится пиво и наготовленное кушанье, а новаго кушанья не приготовляютъ. По окончаніи праздника, ходятъ смотрѣть сдѣланныя изъ снѣгу кучки. Ежели ихъ занесло снѣгомъ, то будетъ урожай хлѣба, а ежели нѣтъ, то, по ихъ замѣчанію, худо. — Завтра ко мнѣ пріѣдетъ некрещеный картъ, для изъясненія мнѣ всѣхъ моленій въ кереметѣ.

Кужары, 24-го Сентября.

У Черемисъ кереметь одно и то же, что и у Чувашъ. Кереметь значитъ злой духъ, котораго Черемисы боятся болѣе самаго Юмы. Они думаютъ, что Юма и другіе ихъ боги такъ добры, что никогда не сдѣлаютъ человѣку ни малѣйшей непріятности, что всѣ бѣды и напасти, болѣзни и голодъ причиняетъ кереметь. Потому-то они, въ случаѣ всякаго несчастія,

прибѣгаютъ къ кереметю, которому посвящена красивая роща, гдѣ они обыкновенно дѣлаютъ свои жертвоприношенія. Некрещеные Черемисы, проѣзжая мимо рощи, или лѣсу, посвященнаго кереметю, всегда останавливаются, сходятъ съ лошади и упадаютъ ницъ лицемъ. — Крещеные, на счетъ кереметя, очень осторожны: священники запрещаютъ, исправники за этимъ смотрятъ: потому что приносимыя кереметю жертвы очень жестоки.

Ежели кто изъ Черемисъ занеможетъ, то кто нибудь изъ домашнихъ идетъ къ мужану (*мужанъ, мужедешъ, мужанча*). Все это значитъ одно и то же, что ворожея. *Мужанъ* ворожитъ и назначаетъ, что купить для жертвы злому духу, курицу ли, утку или гуся. Кто побогаче, тому *мужанъ* выворожитъ, что кереметь требуетъ овцу: потому, вѣроятно, что шкурка всегда отдается *мужедешу*. Приведя барана въ лѣсъ въ кереметь, связываютъ ноги и колютъ. Ежели больной боленъ опасно, тогда барана привязываютъ къ дереву на длинную веревку и въ то время, какъ баранъ бѣгаетъ кругомъ, въ не-

го тычутъ ножами до тѣхъ поръ, пока онъ умретъ. Вмѣстѣ съ жертвой привозится въ кереметь котелъ, для варенія мяса и буракъ пива, къ которому во время жертвы, прилѣпляется свѣчка. Сваривши въ лѣсу мясо, тамъ и ѣдятъ; а оставшееся отъ ѣды: голову, ноги и внутренность бросаютъ въ огонь. Пока баранина, или какая птица, въ котлѣ варится, во все это время всѣ стоятъ на колѣнахъ, упадая часто ницъ лицемъ и умоляя кереметь исцѣлить больнаго.

Когда бываетъ несчастіе на всю деревню, на прим. ежели на ихъ землѣ найдутъ мертвое тѣло, или слѣдъ краденыхъ лошадей, и отъ этого вся деревня должна имѣть дѣло съ судомъ; въ такой общей бѣдѣ покупается міромъ корова, или лошадь; тотда уже вся деревня, выключая женщинъ, идетъ въ кереметь съ котлами и съ бураками пива. Врываютъ въ землю столбъ, привязываютъ животное къ столбу, и терзая, закалываютъ. Сдираютъ кожу и сжигаютъ на кострѣ; съ усерднымъ моленіемъ варятъ мясо; прилѣпляютъ къ буракамъ пива свѣчи. По окончаніи молитвы, ѣдятъ мясо и пьютъ пиво, а

все оставшееся бросаютъ и выливаютъ въ огонь. Ежели моленіе дѣлается по случаю скотскаго падежа; тогда пепелъ, изъ сожженной шкуры, берутъ съ собой и посыпаютъ имъ округъ всей деревни. Бываетъ еще жертва въ случаѣ конской заразы. Берутъ въ кереметь жеребенка, ставятъ его на чистое мѣсто, обкладываютъ его сухимъ лѣсомъ и лѣсъ зажигаютъ; бѣдное животное кидаясь во всѣ стороны, медленно отъ огня умираетъ. Тогда вынимаютъ изъ жеребенка сердце и печень, сожигаютъ на особенномъ кострѣ и пепломъ мажутъ лошадей. Черемисы полагаютъ, что кереметь золъ, и непремѣнно требуетъ, дабы жертвы, ему приносимыя, умирали въ терзаніяхъ.

Въ случаѣ повальныхъ болѣзней, скотскаго падежа, засухи, или дождливаго времени, некрещеные Черемисы дѣлаютъ въ керметѣ большое моленіе. Молельщики приходятъ и изъ другихъ сосѣдственныхъ деревень. Карту или Юмлану дается нѣсколько стариковъ въ помощники. Приходя на мѣсто моленія, каждый Черемисинъ приноситъ съ собою палочку и восковую свѣчку.

Около дуба, или другаго дерева, расчищаютъ мѣсто и втыкаютъ каждый свою палочку со свѣчкой кругомъ дерева. Картъ опоясываетъ дерево лыкомъ и привязываетъ къ нему кусочикъ олова, нарочно для этаго сдѣланный съ ушкомъ, и вмѣстѣ два липовыхъ и три елевыхъ прута, на коихъ столько зарубокъ, сколько Черемисъ — богомольщиковъ. Въ то время, какъ колютъ для жертвъ заготовленный скотъ, свѣчки гасятъ; а по окончаніи колотья, опять зажигаютъ. Кровью каждаго животнаго картъ мажетъ лыко, которымъ опоясано дерево. Когда мясо начнутъ варить въ котлахъ, свѣчки опять зажигаютъ, а когда поспѣетъ, гасятъ; при всякомъ зажженіи свѣчь картъ читаетъ молитвы и всѣ стоятъ на колѣнахъ; часто упадаютъ ницъ лицемъ и просятъ кереметь о томъ, на счетъ чего дѣлается моленіе. Начиная ѣсть мясо, отъ всякой части рѣжутъ по куску и бросаютъ въ костеръ близь священнаго дерева устроенный. Кости, ноги, голову и внутренность также зажигаютъ; во время ѣды пьютъ пиво и медъ, принесенные по бураку почти каждымъ Черемисиномъ. Окончивъ моленіе, оловянный слитокъ,

кровяное лыко и воткнутыя кругомъ дерева палочки оставляютъ на мѣстѣ, а свѣчки берутъ съ собой.

Я сего дня услыхала новость, что недалеко отъ насъ, въ деревнѣ Арахъ, нѣсколько Татарскихъ семействъ вѣруютъ Кереметю, и въ случаѣ болѣзни, или другаго несчастія, ходятъ въ кереметь молиться, и приносятъ тамъ, по Черемисскому обряду, жертвы. Я не хотѣла этому вѣрить, послала позвать къ себѣ Татарина изъ этой деревни и онъ сознался, что это правда. Нѣсколько семействъ вѣровали Кереметю, не оставляя однакожъ мечети; но уже два года это суевѣріе оставлено. Новоопредѣленный, умный мулла все уничтожилъ.

Кужары, 28-го Сентября.

Сего дня я немного посмѣялась. Нашъ Андрей прибѣжалъ мнѣ сказать, что одинъ Черемисинъ, помольщикъ на мельницѣ умираетъ. Я, взглянувъ въ окошко, въ самомъ дѣлѣ увидала Черемисина, валяющагося съ крикомъ, и очень

испугавшись, пошла ему подать помощь. У Черемисина была сильная боль въ желудкѣ, отъ которой я хотѣла дать ему лекарство; но онъ не принималъ его ни за какое благо. Наконецъ онъ кое-какъ всталъ, просилъ усердно, чтобы ему дали три яица: получа ихъ, чрезъ силу побрелъ въ лѣсъ. Возвратясь оттуда, сѣлъ въ лодочку и поплылъ по пруду; доѣхавъ до средины, остановился, всталъ на колѣна, что-то прочиталъ и бросилъ яица въ воду. Возвратясь, увѣрялъ, что ему гораздо легче. Ты не повѣришь, какъ я привыкла къ Черемисамъ, а они ко мнѣ еще больше. Ни одинъ Черемисинъ непроѣдетъ мимо нашей деревни, но всегда явится ко мнѣ. Хоть и называютъ Черемисъ злыми и мстительными, но по моему мнѣнію, они какъ Чуваши: изъ нихъ можно сдѣлать все, что угодно. Я не говорю о пьяныхъ: вино дѣлаетъ забіякой и пятилѣтняго ребенка, а что они лѣнивы, такъ это правда; да и къ томужъ отъ непривычки къ тяжелой работѣ, безсильны. Вотъ на моемъ поташномъ заводѣ, гдѣ работнику идетъ очень хорошая плата, никогда ни одинъ Черемисинъ не нанимался въ работники; а Та-

тара на перебой; даже нанимаются мѣсяца за три до начала работы. Они всегда напередъ спросятъ: „не будетъ ли на заводѣ работниковъ изъ Черемисъ?“ Ни одинъ Татаринъ не возметъ въ работѣ Черемисина себѣ товарищемъ. На счетъ ихъ малосилія, должно сказать, что стрѣляніе и ловля звѣрей и птицъ, не укрѣпятъ силъ, а сдѣлаютъ хоть кого лѣнивцемъ для тяжелыхъ работъ. Рѣдкой Черемисинъ съумѣетъ срубить себѣ плохую избенку, и всегда нанимаютъ Русскихъ, Татаръ, а всего болѣе, Кукаръ.

Я еще не описывала тебѣ обрядовъ некрещеныхъ Черемисъ, при рожденіи дѣтей и при похоронахъ.

Какъ скоро ребенокъ родится, тотчасъ посылаютъ за Картомъ, или несутъ къ нему ребенка. Картъ беретъ ребенка на руки, читая молитву, трясетъ его безъ всякой осторожности, нарочно, чтобъ ребенокъ заплакалъ. Потомъ начинаетъ его качать, перебирая разныя имена: при которомъ имени ребенокъ перестанетъ плакать, то и даютъ ему. — Ежели же ребенокъ не плачетъ, то

въ такомъ случаѣ Картъ беретъ кремень и огниво, тихо высѣкаетъ огонь, и даетъ то имя ребенку, при которомъ зажжется трутъ. Въ иныхъ деревняхъ дается имя Картомъ просто, съ согласія отца и матери. Дѣвочкѣ можетъ давать имя и женщина. Погребеніе у некрещеныхъ Черемисъ вообще очень простое: тотчасъ послѣ смерти, берутъ тѣло покойнаго, кладутъ на лубокъ и выносятъ на дворъ; тамъ обмываютъ и одѣваютъ покойнаго въ чистое бѣлье и платье; вносятъ опять въ избу, кладутъ въ гробъ (выдолбленное дерево), зажигаютъ предъ гробомъ одну свѣчку. Потомъ берутъ курицу, отрѣзываютъ ей голову, варятъ, и приготовленную, уходя, оставляютъ съ покойникомъ. Въ тотъ же день несутъ гробъ въ лѣсъ на кладбище; Картъ читаетъ надгробныя молитвы и гробъ зарываютъ. Возвратясь домой, ѣдятъ за упокой приготовленную курицу. — Ежели покойникъ побогаче, то и похороны церемоннѣе. Къ богатому покойнику, предъ выносомъ, собираются всѣ знакомые, зажигаютъ вокругъ гроба нѣсколько восковыхъ свѣчь, и всѣ стоятъ со свѣчами. Картъ читаетъ молитвы за упокой усопшаго; прово-

жаютъ тѣло до кладбища, у могилы зажигаютъ опять свѣчи и съ погребательною молитвой опускаютъ гробъ въ землю. Чрезъ шесть недѣль родные умершаго опять ходятъ на могилу, прося его придти домой невидимо, посмотрѣть, какъ его поминаютъ. Послѣ погребенія, всѣ участвовавшіе въ похоронахъ, ходятъ мыться въ бани, лѣтомъ въ рѣку. — Черемисы, не только предъ всякимъ моленіемъ, но даже въ Четвергъ, всегда моются, чтобы въ Пятницу (ихъ праздникъ) помолиться, вымывшись и надѣвъ чистую рубашку.

Вотъ тебѣ имена Черемискихъ боговъ:

Ильянъ Юма.
Ильянъ Юма абажа.
Ильянъ Юманъ піямъ.
Баръ.
Ильянъ Юманъ сакча.
Кугужанъ Юма. Богъ Царевъ.
Кугужанъ Юманъ аважа. Богъ матери Государя.
Кугужанъ Юманъ піямъ баръ. Богъ Пророка Государева.

Кугужанъ Юманъ сакча.	Богъ ангела Государева.
Каба Юма.	Первый у бога святой.
Кабанъ Юманъ абажа.	Мать перваго святаго.
Кабанъ Юманъ сакча.	Богъ ангела перваго святаго.
Тюна Юма.	Богъ всего свѣта.
Юманъ онъ.	Богъ боговъ.
Мордэжъ онъ.	Богъ вѣтровъ.
Моланда аба.	Мать земли.
Кеча онъ.	Богъ солнца.
Тельча онъ.	Богъ луны.
Шудюръ онъ.	Богъ звѣздъ.
Мьюкшъ онъ.	Богъ пчелъ.
Вюдъ онъ.	Богъ воды.

Козмодемьянскъ, Октября 27-го.

Вчера въ одиннадцать часовъ мы выѣхали изъ Чебоксаръ, а въ четыре часа послѣ обѣда уже были въ Козмодемьянскѣ. Морозъ превратилъ дорогу въ прекрасную торцевую мостовую, и наша коляска не ѣхала, а катилась; лошадей мы мѣняли на почтовыхъ, давно намъ знакомыхъ, станціяхъ; и потому я, не видавъ ничего любопытнаго, не

останавливалась во всю дорогу. Сего дня ходила по городу, изъ любопытства заходила на базаръ. Козмодемьянскъ, послѣ пожара, истребившаго въ 1834 году подгорную часть города до основанія, въ такое короткое время очень хорошо выстроился. Планированныя улицы, новенькіе, красивые, деревянные домики, между которыми есть довольно большіе, заставили меня по каждой улицѣ пройти не одинъ разъ. Пять церквей, довольно красивой Архитектуры и нѣсколько каменныхъ домовъ, украшаютъ городъ. Набережная, по берегу Волги, гдѣ очень много красивыхъ домовъ, не испортила, ежели бы перенеслась на набережную нашего Казанскаго Булака, гдѣ я, проѣзжая, боюсь всегда провалиться. Ряды построены на берегу Волги; въ маленькихъ, но очень пріятныхъ, лавкахъ находятся товары, для уѣзднаго города очень порядочные. Продаются тамъ шелковыя матеріи, рублей по пяти аршинъ, фарфоръ очень изрядный. Вездѣ, даже въ глухихъ переулкахъ, довольно чисто. Здѣшніе жители не подвержены несчастію тонуть въ Чебоксарской грязи. Этимъ они обязаны здѣшнему песчаному грунту, отчего въ Козмодемьянскѣ никогда не быва-

етъ грязи. — Долго стояла я на берегу Волги, и смотрѣла на нее сего дня, какъ и всегда, съ какимъ-то чувствомъ умиленія, какъ-бы на существо одушевленное. Величественная Волга родная моему сердцу. Близь ея я родилась, на берегахъ выросла, и струи ея, утоляющія мою жажду, какъ струи Кастальскія, раждали въ душѣ моей страсть ко всему изящному. Она была свидѣтельницею, когда моя муза, въ первый разъ подавъ мнѣ руку, сказала тайну — не скучать въ уединеніи — и показала дорогу къ міру святой поэзіи, гдѣ я всегда находила отраду въ самыя горестныя минуты. — Здѣсь я пробыла съ полчаса и видѣла различные головные уборы Черемисокъ. Нѣкоторыя изъ луговыхъ одѣты точно также, какъ и въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, а другія очень странно и дурно: носятъ на головѣ шарпанъ, въ аршинъ длины и въ три четверти ширины. Съ одной стороны сшитъ онъ тюрюкомъ и этотъ тюрюкъ надѣтъ на голову и виситъ сзади, какъ полотенце, закрывая всю спину. Горныя Черемиски также имѣютъ разницу въ головномъ уборѣ съ Царевококшайскими, у которыхъ шарпанъ закрываетъ половину го-

ловы и нашмакъ посреди головы, шириною въ вершокъ; иногда покрываютъ шарпаномъ, а у горныхъ, голова съ разбросанными на двѣ стороны волосами, вся открыта; шарпанъ только обертываетъ шею и придерживается съ обѣихъ сторонъ узенькимъ въ палецъ, повязаннымъ посреди головы, нашмакомъ. У Черемисъ костюмы обыкновенные: бѣлые и сѣрые кафтаны съ черными онучами. На базарѣ Черемисъ было не много; но десятокъ горныхъ можно отличить между сотнями. Какой крупный, красивый народъ! Я нашла, что горные Черемисы не имѣютъ сходства ни съ Чувашами, ни съ Черемисами луговыми. У многихъ волосы черны, какъ смоль, съ глянцемъ, что дѣлаетъ ихъ похожими на Цыганъ, не на бродягъ цыганъ, но на богатыхъ молодцевъ, плясуновъ; только Черемисы выше. Исправникъ говоритъ, что въ рекрутскомъ присутствіи всѣ отдаваемые горные Черемисы тотчасъ берутся въ гвардію. Возвратясь на квартиру, я провела цѣлое утро съ гостями. Сего дня ужинаю у судьи; завтра обѣдаю у исправника; и отправлюсь ночевать къ горнымъ Черемисамъ.

28 Октября. Деревня Казбашъ. Ширекеевской околотокъ. Горные Черемисы.

Я думаю, ты знаешь, что Чувашскія и Черемисскія деревни раздѣляются на нѣсколько околотковъ. Черемисы и Чуваши имѣли и имѣютъ обычай иногда своей семьей выселяться за полверсты, за версту, иногда и болѣе, отъ своей деревни, выстроивъ себѣ избу, двѣ, нѣсколько амбарушекъ, въ которыхъ всегда живутъ лѣтомъ. Съ теченіемъ времени болѣе и болѣе разселяются потомъ тамъ. И вотъ эти отдѣльные домики называются околодками; а принадлежатъ всегда къ той деревнѣ, изъ которой выселились, имѣя свое собственное имя, всегда происходящее отъ перваго Черемисина, въ околоткѣ поселившагося, наприм. околотокъ Михалкинъ, Семьянкинъ.

Шерекеевскій околотокъ, издавна отселенный отъ деревни Казбашъ, сдѣлался уже довольно большею деревней. Мы пріѣхали изъ Козмодемьянска сюда уже въ восемь часовъ вечера. По

заботливости моихъ Козмодемьянскихъ знакомыхъ, мнѣ уже была приготовлена здѣсь квартира: хорошая, чистая изба, довольно большая, съ четырьмя косящетыми окошками. — Правда, что изба недавно была выстроена; но я все удивилась такой опрятности. Хозяинъ меня встрѣтилъ за воротами и проводилъ въ избу очень привѣтливо. Въ избѣ сидѣла у огня одна старуха, мать хозяина, и не смотря, что ей было подъ семдесятъ лѣтъ, она шила своему старику рубашку. Старуха, увидя меня, встала въ знакъ привѣтствія, разсмѣялась и опять сѣла за работу. Она очень порядочно говорила по Русски, и я такъ этому обрадовалась, что не видала, какъ прошелъ вечеръ. Къ нашей веселой бесѣдѣ присоединился хозяинъ, который говоритъ по Русски почти такъ, какъ Русской. Горные Черемисы Козмодемьянскаго уѣзда такъ обрусѣли, что не имѣютъ никакого сходства съ луговыми въ обычаяхъ и въ образѣ жизни, даже и въ языкѣ. Горный Черемисинъ едва можетъ понимать Черемисина Царевококшайскаго. — Названія иныхъ праздниковъ Черемисскихъ они также не знаютъ. — *Ага-парямъ* у нихъ нѣтъ, но, вмѣсто

его, они празднуютъ святую недѣлю Пасхи. Суремъ они празднуютъ; но называютъ его Петровымъ праздникомъ, и празднуютъ по Христіански. Не знаю, какъ другіе, но мой сегодняшній хозяинъ съ семействомъ не ѣстъ по постамъ и постнымъ днямъ скоромнаго. Моленіе послѣ новаго хлѣба у нихъ бываетъ равно, какъ и у Черемисъ луговыхъ. Обыкновенно къ тому дню, въ который будутъ печь новый хлѣбъ, варится пиво, хозяинъ сзываетъ родныхъ, иногда и сосѣдей, зажигаетъ нѣсколько свѣчь предъ образами, становится на колѣна, и благодаритъ Бога за жатву и за то, что сохранилъ его съ семействомъ до настоящаго времени, и проситъ о будущей жатвѣ и о будущемъ благополучіи. Помолясь, ѣдятъ новый хлѣбъ, новую кашу и пиво. Послѣ уборки хлѣба и у горныхъ Черемисъ бываетъ пированье.

Шоронъ-елъ празднуется въ Святки. Обычай гонять шайтана также не истребился; но горные Черемисы гоняютъ его очень рано, весной и съ немногими измѣненіями. На канунѣ гонянія шайтана, они приготовляютъ маленькія, кругленькія,

жареныя въ маслѣ лепешечки, называемыя по Черемиски *уяца* и три густыхъ яица. На другой день вся молодежъ верхами собираются въ одно мѣсто, пускаются во весь галопъ скакать по деревнѣ и ея околоткамъ. Кто первый прискачетъ въ первый домъ деревни, тотъ одинъ получаетъ уяцу со всѣхъ домовъ, какъ побѣдитель. На дворахъ по всѣмъ мѣстамъ, какъ обыкновенно, съ крикомъ бьютъ лутошками, воображая, что этимъ выгоняютъ нечистаго духа. Въ сумерки всѣ идутъ въ лѣсъ къ оврагу и на другую сторону оврага кидаютъ испеченныя по дворамъ яица въ большое дерево, до шести разъ. Ежели попадутъ въ дерево, то значитъ что шайтанъ изгнанъ. Черемисы, восхищенные начинаютъ пировать, а молодецъ-побѣдитель, получившій уяцу, дѣлитъ ее со всѣми товарищами.

Сего дня я встала ранѣе обыкновеннаго. Жена моего хозяина, вѣрно не очень деликатная особа, пришла въ нашу избу часа въ четыре утра, залѣзла на печь и безпрестанно жевала. Мнѣ было несносно, потому, что она не знаетъ ни слова по Русски, и на всѣ мои вопросы от-

вѣчала смѣхомъ. Все семейство моего хозяина находилось въ черной его избѣ. Изъ любопытства я пошла туда очень рано и нашла всю избу нагруженною людьми. У моего хозяина семь человѣкъ дѣтей, отъ шестнадцати до двухъ лѣтъ, — отецъ съ матерью и три дѣвушки, сестры. Напившись чаю, я пошла ходить по деревнѣ, и удивлялась опрятности ея и хорошему строенію. Вотъ, что значитъ быть лѣнивымъ! Горные Черемисы, не имѣя близко лѣса и никакихъ удобствъ къ промышленности, кромѣ хлѣбопашества, какъ зажиточны, какъ хорошо обстроены! — Я нашла избы пребогатыя, весьма чистыя и опрятныя. Въ иной избѣ по четыре косящетыхъ окошка, а въ иныхъ деревняхъ бываетъ по шести. У Черемисина который имѣетъ бѣлую избу, есть всегда другая черная. Для скота и домашняго хозяйства, дома хорошо обгорожены и иные даже съ бревенникомъ и съ большими воротами.

Главная промышленность горныхъ Черемисъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. У богатыхъ скота очень много; у многихъ

пчелы. Между горными Черемисами есть очень богатые. На прошедшей недѣлѣ у одного Черемисина сгорѣло въ пожаръ на двадцать тысячь рублей разнаго хлѣба и на столько же ассигнацій! Говорятъ, что они обогащаются отъ того, что, имѣя малѣйшую возможность, кромѣ своей, нанимаютъ много земли для посѣва хлѣба, и во время сбора казенныхъ податей раздаютъ въ долгъ деньги, съ договоромъ получить за нихъ хлѣбомъ по дешевой цѣнѣ. Хлѣбъ, въ дешевое время, никогда не продаютъ: иногда года по два закупаютъ, и въ годъ дороговизны получаютъ большіе барыши. Они также торгуютъ лошадьми, продавая ихъ въ Ветлугѣ. Я говорю это о Черемисахъ ботатыхъ и зажиточныхъ: побѣднѣе, этаго сдѣлать не въ состояніи; но между горными Черемисами бѣдныхъ очень мало, а наружность вовсе ихъ не выказываетъ.

ОТВѢТЫ.

Казань, 4 Іюля 1837.

Знаешь ли, что послѣднее твое письмо изъ Кужаръ, навело мнѣ ипохондрію. Какъ можно найти удовольствіе жить среди Царевококшайскихъ лѣсовъ, между полудикими людьми? Они также отвратительны, какъ и болотистые лѣса, гдѣ живутъ. Съ душевнымъ безпокойствомъ смотрю я на эту несчастную орду, представляя себѣ ихъ невѣжество и суевѣріе, склонность ихъ къ пьянству, весьма слабое ихъ тѣлосложеніе, къ тому же еще безпрестанное, нестерпимое безпокойство отъ мошекъ, толпами носящихся, которыя высасываютъ ихъ малую и водянистую кровь, получаемую ими съ трудомъ отъ самобѣднѣйшей пищи, состоящей въ черствомъ хлѣбѣ, въ незрѣлыхъ ягодахъ, въ древесной корѣ и въ сосновыхъ шишкахъ, при недостаткѣ хлѣба.

Я представляю себѣ, какъ они въ дремучихъ своихъ лѣсахъ дерутъ кору съ деревьевъ, для добыванія мочала, какъ ихъ главной промышленности, и приготовляютъ ее въ зловонныхъ болотахъ, изъ коихъ принуждены утолять свою жажду. Самая даже окружающая ихъ атмосфера наполнена безпрерывнымъ, густымъ дымомъ, который однако же служитъ имъ единственною защитою отъ насѣкомыхъ. Ты, моя неустрашимая наблюдательница, имѣешь необыкновенное мужество проводить все лѣто между Черемисами, испытывая нѣкоторымъ образомъ ихъ жалкую жизнь, единственно для того, чтобъ сдѣлать описаніе ея. Боюсь, чтобъ твои женскія силы не оставили тебя, особливо, чтобъ ты не очухонилась, . . . чтобъ черты твоего красиваго, Русскаго лица не испортились отъ этаго рода жизни. Не думай, чтобъ ты скоро освободилась отъ этого чухонизма, посредствомъ косметическихъ лекарствъ. Сомнѣваюсь. Посмотри на лице мое: и теперь, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего пріѣзда въ Казань, можно еще увидѣть отпечатокъ моего путешествія по Царевококшайскому уѣзду.

О, бѣдный Черемисъ! какъ видъ твой далекъ отъ благороднаго человѣческаго вида! Ты хотѣлъ скрыться въ твою болотистую и лѣсистую крѣпость, чтобъ никто не могъ тебя видѣть, кромѣ существа, подобнаго тебѣ — медвѣдя, котораго ты любишь и вмѣстѣ боишься. Твое малорослое и сухое тѣло едва одушевляется малѣйшею искрою разума, отъ котораго однакожъ ты дѣлаешься трусливымъ, мстительнымъ и самоубійцею. Твои маленькіе, чуть, чуть открывающіеся глаза, мало тебѣ служатъ; твои длинныя уши поднимаются только при шумѣ отъ медвѣдей и совъ въ лѣсахъ, а опускаются при голосѣ твоего грознаго исправника; твой плоскій носъ закупоренъ, какъ пробкой, мушкарой; твой широкій, но украшенный большими и крѣпкими зубами, ротъ способенъ жевать сухую древесную кору и только услаждается простымъ виномъ; твоя желтоватая кожа вся въ трещинкахъ, отъ суровости климата, и сверхъ того разъѣдена ядовитыми насѣкомыми; а въ твоей короткой бородѣ можно пересчитать малое количество русыхъ волосъ.

Вотъ видишь ли, какъ мое воображеніе перенесло меня къ тебѣ, и какъ вдругъ, разочаровавшись, очутился я опять въ Казани, услышавъ напоминаніе моего человѣка, что пора навѣдать одного больнаго. Прощай! я не такъ скоро къ тебѣ писать буду.

Въ послѣднемъ твоемъ письмѣ, изъ Кужаръ, ты приглашаешь меня участвовать въ твоемъ описаніи о Черемисахъ: чтожъ я долженъ отвѣчать на это? Сказать, что не хочу, или не могу, по недостатку свѣденій объ нихъ; это было бы неучтиво. Чтобъ уважить такое твое приглашеніе, мнѣ надобно поступить иначе. Итакъ я буду играть роль стараго любовника, который, будучи въ отчаяніи, скорѣе найдетъ средства нравиться, чѣмъ молодой, неопытный вѣтреникъ. Но если ты хочешь кокетничать, то въ этомъ случаѣ лучше я буду читать романы Поль-де-Кока.

Уѣздъ Царевококшайскій довольно великъ. Длина его отъ востока къ западу 140, а ширина

отъ сѣвера къ югу 180 верстъ; все это пространство занимаетъ 715, 000 десятинъ: три части его составляютъ лѣса. По этому-то ты не найдешь тамъ пріятныхъ мѣстоположеній. Зрѣнію представляются только деревья и небольшія пашни. Все находится на песчаномъ грунтѣ и, по большей части, съ болотами.

Рѣки также не представляютъ пріятныхъ видовъ: берега ихъ низки, по долинамъ кустарники и болота, а послѣ весенняго водополья остается тамъ отвратительное скопленіе наносимаго хвороста и всякой гнили. Теченіе рѣкъ медленное, по причинѣ многихъ мѣлкихъ мельницъ, окружаемыхъ стоячею водою. Однакожъ я нашелъ нѣкоторыя окружности рѣки Ашита пріятными, особливо повыше деревни Потанихи, гдѣ есть нѣсколько холмовъ.

Припоминаю себѣ, когда, въ бытность нашу въ деревнѣ Потанихѣ, прогуливался я по прелестной долинѣ, чрезъ которую извивается рѣка Ашитъ. Мѣста, довольно возвышенныя, ее окружающія, хорошо обработаны и съ нихъ

наслаждаешься очаровательными сельскими видами. По близости лѣсу нѣтъ. Когда же я снова посмотрѣлъ на рѣку, близь деревни, то мнѣ показалось, что я вижу стадо лебедей и гусей, которые поразили меня своею бѣлизною. Приближаюсь и съ удовольствіемъ вижу, что купаются въ прозрачной водѣ молодыя крестьянки. Ты также была въ числѣ этихъ нимфъ и, признаться, была между такимъ множествомъ прелестныхъ существъ первая, на которой взоръ мой остановился. Эта неожиданная, красивая картина, внушила мнѣ тотчасъ мысли сказать тебѣ нѣчто о женскомъ станѣ. У Русскихъ женщинъ находится удивительная соразмѣрность въ членахъ, а въ движеніи много прелести. Примѣтилъ я, что контуры ихъ тѣла имѣютъ волнообразную линію, которую славный Гогартъ принимаетъ за линію красоты; между тѣмъ, какъ Татарки, неловкія въ ихъ движеніяхъ, представляютъ только грубую, необработанную фигуру, которой контуры чуть, чуть примѣтны. У Черемисянокъ, напротивъ того, эти контуры такъ сильны и остроконечны, что представляютъ нѣкоторый видъ зигзака. Если бы славный жи-

вописецъ Голбеинъ и великій натуралистъ Камперъ были здѣсь со мной, то согласились бы съ моимъ мнѣніемъ. Надобно ли мнѣ писать къ тебѣ болѣе объ этомъ предметѣ? или, не хочешь ли ты меня критиковать за мою нескромность? — Завтра я хочу запереться въ Царевококшайскихъ лѣсахъ, и тамъ изучить образъ жизни Черемисъ, и при томъ сказать словечко и о женщинахъ ихъ.

Мы отправились, при хорошей погодѣ, изъ Казани. Подъ самою крѣпостью мы переправились пловучимъ мостомъ чрезъ Казанку. Какъ дорога до Кизицъ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, идетъ по болотистой лощинѣ, то мы принуждены были сдѣлать кругъ въ слободу Ягодную; но и сюда дорога также очень дурна. При весеннемъ разлитіи, вся эта сторона находится подъ водою. Кизическій монастырь имѣетъ пріятное мѣстоположеніе, при небольшой сосновой рощѣ, на песчаномъ грунтѣ. Здѣсь обыкновенно погребаются тлѣнные остатки богачей. Видъ отсюда на городъ прелестной. Избѣгая пе-

сковъ, мы поѣхали между кустарниками и пашнями въ деревню Караваево (8 верстъ отъ Казани); потомъ пріѣхали въ Кадышево, съ мельницею на рѣчкѣ, выходящей изъ Семіозерной пустыни, отъ коей она разстояніемъ на 6 верстъ. На правой сторонѣ за версту, лежитъ деревня Щербакова съ весьма любопытнымъ озеромъ, въ коемъ находится очень глубокой кратеръ.

Мы проѣхали между кустарникомъ съ маленькими дубовыми, вязовыми, липовыми и березовыми деревцами и между прекрасными полями со зрѣющею рожью Генерала Энгельгарда. Наконецъ, проѣхавъ 30 верстъ отъ Казани, мы пріѣхали въ деревню Саю, гдѣ и ночевали. Здѣсь мы очень ласково были приняты Татарами, ночевали въ прохладномъ анбарѣ, безъ окна, избѣгнувъ чрезъ это несноснаго жару и особеннаго, намъ противнаго, запаху въ Татарской избѣ. На дворѣ было много ульевъ. Любопытные Татары окружили насъ, особенно дѣвушки оставались долго, глядя на насъ. Мы нашли между ими очень красивыя лица, коихъ они тамъ не закрывали. Въ Казани почти не най-

дешь правильнаго женскаго между Татарами лица, а чаще находишь ихъ по деревнямъ. Мы никогда не видали Татарской женщины босикомъ, что такъ обыкновенно у Русскихъ крестьянокъ. Угощали насъ малиновою постилою, сдѣланною такъ тонко, какъ бумага, которую они называютъ *какъ*, и которая, по своей кислотѣ, скоро утоляетъ жажду. Кромѣ этаго, поставлены были на столъ соты, яица, баранье сало и пивное сусло. Долго слышно было ночью на дворѣ хлопотливое движеніе Татарокъ, отъ безпрерывнаго брянчанья серебряныхъ монетъ на ихъ платьѣ. На обратномъ къ нимъ пути нашемъ, хозяинъ, не смотря на сильный дождь, довольно издалека вышелъ къ намъ на встрѣчу; семейство его ожидало насъ на улицѣ, а мальчики и дѣвушки вдвинули нашу коляску подъ навѣсъ. Хозяина нашего зовутъ Губей Рахматуллинъ. Подалѣе отъ деревни Саи мѣстоположеніе начинается холмистое; рожь ростетъ хуже и грунтъ земли бѣднѣе. По мѣстамъ видны небольшіе между орѣшникомъ дубовыя деревья. Вскорѣ пріѣхали мы въ Татарскую деревню Чирши. Здѣсь кругомъ все пашня. Потомъ въ 3-хъ

верстахъ лежитъ другая Татарская деревня Дубіясъ. Оба этѣ селенія помѣщены пріятнымъ образомъ на узкихъ долинахъ. Здѣсь находится множество овецъ. Мы удивлялись богатой одеждѣ здѣшнихъ Татарокъ. Отсюда, въ 4-хъ верстахъ, переѣхали мы чрезъ деревню Курманаево, населенную Татарами и Русскими. Земля тамъ хорошо обработана, и много ростетъ орѣшнику. Наконецъ мы очутились въ большомъ селѣ Алатахъ, съ каменною церковью, гдѣ каждое воскресенье бываетъ большой базаръ, а потому всѣ тамошніе обыватели люди зажиточные.

На базарѣ мы нашли множество сырыхъ, Татарами привозимыхъ кожъ, деревянную посуду, калачи, пряники въ большомъ количествѣ и всякую мелочь. Къ удивленію нашему, увидѣли мы на этомъ базарѣ много пьяныхъ Татаръ. Алатскіе жители прежде были мѣщане, по тому, что это село прежде было уѣзднымъ городомъ, а потомъ, при открытіи губерніи, они перешли въ ясачные крестьяне. Ходя по базару, мы видѣли крестьянку съ двумя младенцами у груди, коихъ она кормила. Намъ страннымъ

показались различный видъ и величина этихъ двухъ дѣтей. На вопросъ нашъ объ этомъ, мать отвѣчала, что она меньшаго изъ нихъ ростомъ уже кормитъ 7-мь лѣтъ грудью; не смотря на это она родила послѣ него пятерыхъ, а послѣдній, пятимѣсячный ребенокъ, уже больше семилѣтняго, который не ростетъ.

Изъ Алатъ отправились мы по богатымъ полямъ къ рѣчкѣ Ашиту, составляющей границу Царевококшайскаго уѣзда. Здѣсь представляется намъ красивый видъ Ивановской церкви, стоящей у подошвы горы съ домами священно-и церковно-служителей. Мы приняли все это за монастырь, по романическому мѣстоположенію. Сюда принадлежатъ окрестныя деревни ясачныхъ крестьянъ. Здѣсь найдена была икона Св. Іоанна Предтечи; а церковь въ 1738 году устроена иждивеніемъ Казанскаго купца Михляева. На версту отъ сей церкви находится деревня Потаниха съ 69 дворами, имѣющая 235 мужеска и 214 душъ женска пола; мужички живутъ только хлѣбопашествомъ, а сѣютъ особенно много пшеницы. Сторона эта безлѣсна, а рѣчка Ашитъ, по болотистой долинѣ, течетъ медленно.

Въ пяти верстахъ, внизъ по теченію Ашита, находится, съ 1758 года, Алатскій винокуренный заводъ Графовъ Шуваловыхъ, въ дачахъ казенныхъ поселянъ; это одинъ только винокуренный заводъ въ цѣломъ уѣздѣ. Изъ этаго видно, что уѣздъ не производитъ хлѣба въ изобиліи. При заводѣ находится 33 двора, а жителей 142 мужеска и 190 душъ женска пола. Для завода покупается ежегодно 77,000 пудовъ хлѣба, суммою на 58,000 рублей, а дровъ на 6,000 рублей; выкуривается полугарнаго вина отъ 40 до 60,000 ведръ, суммою на 74,000 рублей.

Отсюда поднялись мы на нѣкоторое возвышеніе и пріѣхали въ значительную деревню Уразлино (по Татарски Козакляръ), гдѣ живутъ служилые Татары, или лашманы; здѣсь находится 132 двора и 483 души мужеска пола. Много хорошихъ домовъ, но всѣ на Татарскій вкусъ. Они всегда ставятся посреди двора, окруженнаго большимъ заборомъ и высокими воротами. Здѣсь находятся три мечети, съ младшимъ Ахуномъ и двумя Муллами. Большая часть жителей торгуютъ

въ Сибирскихъ крѣпостяхъ: Троицкой и Семипалатинской, нѣкоторые въ Москвѣ; даже въ С. Петербургѣ торгуютъ и промѣниваютъ купленные на Нижегородской ярмаркѣ товары на Бухарскіе и Киргизскіе. Многіе возвращаются домой только зимою, для полученія паспортовъ. Здѣшнія поля хорошо обработаны и большею частію засѣяны пшеницею и ячменемъ; но лѣсу нѣтъ. Разстояніемъ на версту отсюда находится Татарская деревня Улла, имѣющая 71 дворъ, и 222 души. Замѣтимъ, что здѣсь, противъ обыкновенія Татаръ, есть и кабакъ. Скоро мы пріѣхали въ большую Татарскую деревню Излейтары, гдѣ 79 дворовъ и 229 душъ.

Здѣсь представляется уже во всей окрестности самое возвышенное мѣстоположеніе. Земля плодоносна; это доказывается растущимъ чернымъ лѣсомъ, гдѣ есть дубъ съ орѣшникомъ. Жители сѣютъ больше ячменя, чѣмъ пшеницы. Небольшое количество хлѣба возятъ они на продажу, или въ Казань, или на винокуренной Алатской заводъ. Недалеко отсюда идутъ пески, за которыми вскорѣ видимъ сосновый лѣсъ, густѣющій болѣе и болѣе,

а скоро увидимъ уже и первую Черемисскую деревню. Проѣхавъ 8 верстъ дремучимъ сосновымъ лѣсомъ, увидѣли мы лѣнивую и болотистую рѣку *Илеть*, чрезъ которую идетъ весьма длинный мостъ.

Въ правой рукѣ осталась у насъ недавно населенная Русская деревня Мазыково, и по сухой песчаной землѣ скоро пріѣхали мы въ Черемисскую деревню: Малые Иры. Теперь только двѣ версты до твоей деревни: Кужаръ. Вотъ за чѣмъ я не поѣхалъ большимъ трактомъ къ Черемисамъ. — Куда какой таинственный магнитъ есть любовь! Съ позволенія твоего, останусь у тебя на два дня; а потомъ углублюсь въ Черемискія лѣса. — Любовь, говорятъ, иногда требуетъ разлуки. Вѣришь ли ты этому?

Какой порядокъ нашелъ я въ твоей деревнѣ! какая ты экономка! Твой поташной заводъ приготовляетъ лучшій во всей губерніи, по своей чистотѣ и силѣ, поташъ. Ты говоришь, что въ нынѣшнемъ году неболѣе 600 пудовъ изготовлено

на продажу, по тому, что цѣна на поташъ понизилась до 5 рублей, а прошлаго года онъ продавался по 10 рублей. Что касается до сей послѣдней цѣны, то можно получить большую прибыль; но по нынѣшней цѣнѣ, думаю, лучше оставить заводъ въ бездѣйствіи. Черемисы, продающіе тебѣ золу изъ своихъ печей и овиновъ, очень скоро узнали о возвышеніи цѣны на поташъ, и тотчасъ возвысили цѣну и на свою золу; теперь же, когда поташъ сталъ дешевле, они не хотятъ понизить прежней своей цѣны. Кстати, что вышло изъ твоего опыта, добывать поташъ снова изъ подъ золы, лежавшей много лѣтъ возлѣ твоего завода, въ видѣ большихъ холмовъ? Мнѣ сказывали, что этотъ, давно брошенный подзолъ, даетъ довольно поташу, когда напередъ употреблено было стараніе подкапывать его тонкими слоями, чтобъ солнечные лучи нѣсколько времени могли его проницать.

Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ находятся только два поташныхъ завода: твой и Русскаго купца въ Татарской деревнѣ Маломъ Битоманѣ. — Этотъ послѣдній заводъ походитъ на твой. Будь

сказано между нами — поташъ даетъ только временный доходъ, — къ большому и на долгое время невозвратному вреду для лѣсовъ! Потомки наши, безъ сомнѣнія, будутъ охуждать своихъ предковъ; — и справедливо.

Деревня твоя Кужары стоитъ того, чтобы сдѣлать маленькое ея описаніе. Ея мѣстоположеніе имѣетъ свою красоту, но красоту, ужасно дикую. Я стою передъ твоимъ домомъ, а предъ моими глазами большое озеро, которое теряется въ лѣсахъ. Это озеро покрыто премногими водяными растеніями. По берегамъ его, едва возвышающимися, цѣлыя кучи ужей, кои грѣются на солнцѣ и безпрерывно производятъ шипѣніе; весь берегъ покрытъ ихъ шкурами, которыя они часто перемѣняютъ. Надъ озеромъ толпятся въ безчисленномъ множествѣ коромыслы и летаютъ, на подобіе молніи, по всѣмъ направленіямъ. По одну сторону озера построенъ твой заводъ, гдѣ день и ночь горитъ огонь, и твоя, всегда шумящая мельница, съ помощію водопада рѣчки Ировки,

выходящей изъ озера, прогоняетъ уныніе. — Хочу поглядѣть далѣе, — но вижу себя окруженнымъ дремучимъ лѣсомъ, покрывающимъ весь мой горизонтъ. Маленькія поля, передъ деревней лежащія, незначительны. Онѣ состоятъ изъ глубокаго песку, гдѣ хлѣбъ не награждаетъ трудовъ земледѣльца. Но жизненность сей земли удивительна, относительно лѣсу. Гдѣ въ нынѣшнемъ году не перепахали поля, тамъ въ одно лѣто выросли молодыя сосны, выше человѣка. Это на будущій годъ будетъ препятствовать воздѣлыванію земли подъ хлѣбъ. Одинъ только картофель преимущественно растетъ на этомъ грунтѣ. Я послалъ къ тебѣ маленькіе, такъ называемые, миндальные картофели, и ты пишешь ко мнѣ, что они 15 на 1 дали, и притомъ крупные. Черемисы, по лѣности своей, мало сѣютъ картофеля, который не болѣе 20 лѣтъ, какъ извѣстенъ въ здѣшнемъ уѣздѣ. Русскіе мужики и Черемисы почитали за грѣхъ ихъ употреблять въ пищу. Они думали, что тамъ, гдѣ его сѣютъ, рожь не родится. Но въ 1833 году, во время плохаго урожая хлѣба, они удостовѣрились въ пользѣ картофеля.

Катаясь на лодочкѣ по твоему обширному озеру, я воображалъ себя въ Сѣверной Америкѣ, и видѣлъ себя въ этомъ, окружающемъ озеро, дремучемъ лѣсу, отчужденнымъ отъ всего, сердцу моему милаго, отъ всего міра. Въ моемъ мечтаніи, я замѣтилъ сквозь прозрачную воду этого озера, на днѣ его, большое количество черныхъ яблокъ, и постарался ихъ достать. Онѣ очень круглы и упруги, внутренность ихъ состоитъ какъ бы изъ студени, похожей на яичный бѣлокъ, обложенный темно-зеленою тонкою оболочкою. Ботаники ихъ называютъ *улва*. Въ озерѣ много рыбы, особливо щукъ; нѣсколько рыбъ я изловилъ, но онѣ были не такъ вкусны отъ гнилой тины въ озерѣ.

Какъ первобытные жители здѣшнихъ печальныхъ лѣсовъ суть унылые Черемисы, то тебѣ угодно узнать, откуда въ сію сторону пришли предки твоихъ крестьянъ? Сообщаю тебѣ, что я только могъ собрать изъ преданій изустныхъ. Лѣтъ 70 назадъ, одинъ служилый Татаринъ, именемъ Абдряшитъ, получилъ въ награду эту землю отъ казны; между тѣмъ Русскіе мужики, изъ деревни Мазыково, здѣсь поселились и за-

нялись земледѣліемъ; но, какъ новый Татарскій владѣлецъ требовалъ отъ нихъ за всю землю съ богатымъ лѣсомъ только 70 рублей, коихъ однакожъ эти мужики заплатить не могли, то онъ и прогналъ опять назадъ въ ихъ деревню Мазыково, гдѣ они и донынѣ остались. Вскорѣ послѣ того купилъ эту землю нѣкто Илецкій и заселилъ оное мѣсто крестьянами, изъ деревни Глуховой, принадлежащей нынѣ твоему брату, Полковнику Апѣхтину. Я нашелъ въ деревнѣ твоей прекрасное племя людей, которые другъ на друга очень походятъ.

Какъ трудно путешествовать по Царевококшайскимъ лѣсамъ. Не думай, что можно свободно ѣхать въ колескѣ или въ таратайкѣ, или даже ходить пѣшкомъ. Страстному охотнику узнать эту сторону совѣтую лучше ѣхать верхомъ и выбрать для того осеннее время: ранѣе же сего времени никто не можетъ защищаться отъ нападенія мошкары и комаровъ роями; они лезутъ во всѣ отверзтія лица; и даже недопускаютъ дышать свободно. Твои руки скоро устанутъ отъ

безпрерывнаго маханья; ты скоро отъ этой мушкары съ ума сойдешь. Кто этого мученія на себѣ не испыталъ, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Твои лошади ни на 5 минутъ не могутъ остановиться, бѣгаютъ, какъ бѣшеныя, и возятъ тебя по всѣмъ кустарникамъ, чтобъ тереться объ нихъ, и такимъ образомъ освободиться отъ своихъ кусателей. Послѣ этого какъ ты можешь открыть твои глаза, чтобъ посмотрѣть на эти лѣса?—Одинъ только Черемисинъ съ полуоткрытыми своими глазами, можетъ тутъ ѣздить. Всѣ Черемискія лица, отъ укушенія мошкары ужасно пухнутъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда дерутъ съ деревьевъ въ лѣсахъ мочала. Скотъ между лѣсами пасется только ночью, а днемъ всегда остается въ деревнѣ.

Что ты видишь хорошаго въ этихъ лѣсахъ? Я проѣзжаю по маленькой тропинкѣ 5 и 10 верстъ, и вижу на самомъ сухомъ песчаномъ грунтѣ очень тонкія сосны, очень близко другъ отъ друга растущія. Ѣдемъ далѣе, и среди болотистаго, неровнаго мѣста, гдѣ растетъ тальникъ разнаго вида, поднимаемся зигзакомъ на

возвышенность, гдѣ ростетъ черный лѣсъ, липа и береза. Теперь открывается незначущая пашня съ нѣсколькими Черемискими хижинами. Ѣдучи дальше мѣлкимъ лѣсомъ, встрѣчаешь опять маленькое Черемиское селеніе, и чѣмъ больше видишь такихъ селеній на маленькомъ пространствѣ, тѣмъ скорѣе приближаешься къ первобытному, дремучему, сосновому лѣсу. Этотъ лѣсъ Черемисы почитаютъ святынею. Здѣсь ростутъ величественныя сосны, имѣющія 6 саженъ до вершины. Безъ проводника немудрено тутъ заблудиться. Какая здѣсь царствуетъ тишина! Она производитъ невольное содроганіе и ужасъ. Тамъ не видалъ я ни птицы, ни животнаго, кромѣ комаровъ. Меня занимало только перемѣнчивое свистѣніе, подобное Эоловой арфѣ, на вершинѣ этихъ деревъ. Подъ ногами у себя вижу съ одной стороны пресухіе мхи и порости, съ другой папоротники, и подъ ними множество грибовъ, Черемисами презираемыхъ.

Долго, долго блуждалъ я въ этихъ мрачныхъ лѣсахъ и желалъ скорѣе выйти на открытое поле. Это мнѣ удалось; но я опять не былъ до-

воленъ: я попалъ въ низкое болотное мѣсто съ кустарниками, покрытое гнилымъ туманомъ, гдѣ Черемисы держали свое мочало въ мелкихъ озеркахъ. Тутъ нашелъ я пропасть разныхъ улитокъ, и когда я собиралъ ихъ для моего музея; то отъ нихъ остался въ рукахъ моихъ гнилой запахъ, отъ котораго я долго не могъ освободиться. Можно ли мнѣ было долго удовлетворять моему любопытству? Облако мошкары меня покрывало, и я принужденъ былъ бѣгать на возвышенное мѣсто, съ мѣлкимъ прозрачнымъ лѣсомъ, гдѣ много росло брусники, прилежно собираемой Черемисами.

Какъ любительницѣ Ботаники, сообщаю тебѣ, что въ низменныхъ и, по причинѣ валежника, почти непроходимыхъ лѣсахъ, нашелъ я многія любопытныя растѣнія, сѣверному климату свойственныя. Но я означу тебѣ только названія деревьевъ, находящихся въ лѣсахъ Царевококшайскаго уѣзда, а именно: сосна, ель, пихта, и между ими рѣже липа, береза, осина, ольха и весьма мало незначущаго дуба.

Прежде писалъ я къ тебѣ, что три части Царевококшайскаго уѣзда составляютъ лѣса, всего на 587,000 десятинъ. Здѣсь находятся и корабельныя рощи, пространствомъ на 30,000 десятинъ, сохраняемыя съ большимъ стараніемъ. Объ нихъ я тебѣ сдѣлаю въ свое время особенное описаніе. Знаешь ли, что и при твоей деревнѣ Кужары находится 526 десятинъ хорошаго лѣсу; но нигдѣ въ цѣломъ уѣздѣ нѣтъ такого прекраснаго лѣсу, какъ въ пустоши Карабашкаты, принадлежащей Г. Желтухину, на пространствѣ 6,420 десятинъ. Жаль, что тамъ много пропадаетъ его отъ пожаровъ. Иногда представляется на большомъ пространствѣ множество прекрасныхъ обожженныхъ деревъ. Вообще погибло много лѣсу отъ пожаровъ, бывшихъ въ 1815 и 1823 годахъ.

Заключаю это письмо статистическою статьею, сколько въ нынѣшнемъ 1837 году срублено было деревьевъ на продажу; по утвержденію Министра Финансовъ: строевыхъ деревьевъ 105,780; дровъ 63,145 и кустарнику 135 кубическихъ саженъ, заборнику, жердей и кольевъ 94,000;

смолы на 14,700; дегтю на 11,500 ведръ; корья таловаго и ивоваго на 6,650 пудовъ, всего на сумму 58,810 рублей. Здѣсь не могу тебѣ ничего сказать, сколько истребляется лѣсу *тайно* и пожарами.

Какъ я былъ доволенъ, что познакомился съ Черемискимъ жрецомъ. Онъ имѣлъ надобность въ нашемъ эскулаповомъ искуствѣ; крайне безпокоила его боль въ глазахъ и онъ опасался, что не въ силахъ будетъ исполнять должность жреца въ приближающійся праздникъ, 28 сего Іюня. Находя въ немъ человѣка способнаго объяснить мнѣ ихъ религіозные обряды, я всячески старался ему угодить. — Ты знаешь, что лучшее средство привлекать ихъ къ себѣ, какъ магнитомъ, и пріятнымъ образомъ заставить открыть религіозныя ихъ тайны, есть горѣлка, которую они страстно любятъ. И такимъ образомъ я получилъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Осушивъ въ короткое время 3 или 4 стакана вина, наконецъ онъ пригласилъ меня сходить съ нимъ въ ихъ деревню. Готова была для меня

телѣга, и я напередъ приказалъ моему мужику, чтобъ онъ, когда мы выйдемъ изъ дому жреца, прямо, безъ отговорки, провелъ бы меня съ моимъ полу-пьянымъ Черемисиномъ въ близь находящійся темный лѣсъ, гдѣ, по сказанію моего ямщика, долженъ быть кереметь.

Скоро мы пріѣхали въ Черемисскую деревню, имѣющую около 30 маленькихъ домовъ, разбросанныхъ такъ и сякъ, какъ хотѣлось ихъ хозяевамъ. Они неставятъ, какъ Чуваши, своихъ домовъ, дверями на востокъ, а всякой по своей охотѣ, какъ нипопало.

При домѣ знакомаго моего Тюлегарда, (то же, что у Чувашъ Іомза) находился родъ галлерейки, которая ведетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ кровать съ пологомъ, для лѣтняго времяни. На лѣво изъ сѣней дверь въ избу, ужасно закоптѣлую отъ дыму; напротивъ двери сдѣланы широкія нары, какъ у Татаръ, съ плохими перинами, на коихъ спятъ зимою. На право отъ двери большая печь, теперь наполненная овсомъ для высушки; а потомъ изъ него дѣлается мука на блины къ приближающемуся празднику.

Подлѣ самой печи есть мѣсто для котла, въ которомъ они варятъ свою пищу. На лѣво отъ двери сдѣлана клѣтушка для кормленія птицъ зимою, тутъ же подальше стоятъ скамья и столъ, какъ у Русскихъ. Въ избѣ этой были 4 маленькихъ стеклянныхъ окошка. У самаго потолка протянуты жерди, на коихъ сушатся драницы на лучину и виситъ разная домашняя рухлядь. Изъ сѣней на право маленькая, холодная горница, гдѣ хранятся у нихъ платье, бѣлье и шкурки: она безъ оконъ.

Хозяинъ взялъ меня за руку, повелъ изъ избы на большой и довольно чистый дворъ, гдѣ стояло нѣсколько анбарушекъ. Въ одной изъ нихъ, — побольше прочихъ и гдѣ они живутъ лѣтомъ, былъ разложенъ на землѣ огонь, надъ которымъ висѣлъ большой котелъ, укрѣпленный большимъ деревяннымъ крючкомъ. Кругомъ въ анбарушкѣ были широкія нары, для спанья лѣтомъ; окошекъ здѣсь нѣтъ; подъ самымъ потолкомъ лежало на шестахъ множество рыболовныхъ мордовъ и разныхъ инструментовъ для пчеловодства.

Другая, нѣсколько повыше отъ земли приподнятая анбарушка, была заперта, хозяинъ, по моей просьбѣ, тотчасъ отперъ ее; я былъ изумленъ, увидя множество красиво вышитыхъ рубахъ и другаго платья, съ принадлежностью къ ихъ костюму. И все это въ величайшемъ порядкѣ. Третья, также для меня отпертая анбарушка, была житница, гдѣ хранился разный хлѣбъ. Здѣсь увидѣлъ я семейство хозяина, занимающееся шитьемъ рубахъ. Я подарилъ нѣсколько монетъ дѣтямъ, при чѣмъ жена услышавъ нѣсколько словъ отъ своего мужа, удалилась. Пока я смотрѣлъ въ клѣвахъ на скотину, хозяйка возвратилась, держа въ рукахъ пѣтуха мнѣ въ подарокъ. Я всячески отъ этого подарка отказывался. Но хозяинъ убѣдительно настаивалъ, прося, чтобъ я эту птицу принялъ, но не для употребленія въ пищу, а только на племя. Между тѣмъ я подчивалъ ихъ виномъ. — У каждаго дома есть садикъ, гдѣ довольно много картофеля и луку, а капусты очень мало.

Пойдемъ, почтенный Тюлегардъ, въ поле посмотрѣть вашъ хлѣбъ, сказалъ я моему хозяину.

Итакъ вмѣстѣ съ нимъ сѣвши въ телѣгу, отправились туда, а мой мужикъ непримѣтнымъ образомъ направилъ ѣзду къ лѣсу. Рожъ нынѣшній годъ (1840) необыкновенной величины: я смѣрялъ, и оказалось, что нѣсколько выше сажени. Мой хозяинъ не смотря, что голова его еще кружилась отъ моего подчиванья, замѣтилъ однакоже, что мы взяли дорогу къ священному лѣсу, гдѣ ихъ кереметь. Онъ всячески хотѣлъ этому воспрепятствовать, говоря, что дорога дурна, мостовъ нѣтъ и проч., но ямщикъ мой по своему правилъ лошадей туда, и онъ наконецъ не сталъ противорѣчить. Мы скоро подъѣхали къ лѣсу и оставя нашу телѣгу, углубились въ него около ½ версты. Хозяинъ мой вдругъ снялъ шляпу, и я, по его просьбѣ, тоже сдѣлалъ. Здѣсь сказалъ онъ, *Чедра Юмнота*, т. е. Юмѣ посвященный лѣсъ. Я увидѣлъ мѣсто, составляющее кругъ, изъ старыхъ, очень высокихъ и красивыхъ деревьевъ, какъ то изъ елей, липъ и дубовъ. Я тотчасъ примѣтилъ, что на трехъ изъ этихъ священныхъ деревъ, на полторы сажени отъ земли въ вышину, висѣлъ пучекъ изъ разныхъ вѣтвей, между коими укрѣплена была

штучка, родъ оловянной дощечки, похожей видомъ на старый серебряный рубль. Этотъ пучекъ они называютъ: *Ишта*, а оловянную дощечку *булна*. То святое дерево, на которое вѣшаютъ *Ишту*, называется *Анапу*.

Ишта составлена изъ вѣтвей ели, липы, черной смородины, калины и земляники съ ягодами, и каждой годъ въ ихъ праздникъ *суремъ* (28 Іюня) эти вѣтви перемѣняются на свѣжія. При отлитіи оловянной дощечки смотрятъ, какая выдетъ фигура: ежели голова, то это, по ихъ мнѣнію, хорошо, и Юмѣ пріятно, а ежели выльется хвостъ, то ему непріятно; и они снова начинаютъ отливать. На верху этого пучка примѣтилъ я родъ вилки, изъ липоваго сучка, съ тремя поперегъ перекладинками. Каждой молельщикъ при поклонахъ держитъ въ рукѣ липовую вѣтку, а по окончаніи молитвы главный жрецъ наотмашъ разрѣзываетъ ее въ кусочки и замѣчаетъ, въ какую сторону кусочки падаютъ: ежели налѣво, то ему будетъ дурно; а если направо, то онъ будетъ щастливъ. Изъ этихъ послѣднихъ три кусочка укрѣпляетъ онъ въ вышесказанную вилку.

Что означаетъ *Ишта* на деревѣ? спросилъ я у моего хозяина. Это только знакъ, куда міръ, при моленіи долженъ обращать лице свое, отвѣчалъ онъ. Мы молимся на полдень.

Такихъ молеленъ въ этомъ дремучемъ лѣсу показалъ онъ мнѣ 5 въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Когда я назвалъ случайно эти молельни *керемети*; то онъ на меня осердился, всиричавъ: здѣсь мѣсто, гдѣ молимся Юмѣ. — За чѣмъ здѣсь въ такомъ маломъ разстояніи такъ много молеленъ? снова спросилъ я у него. Онъ лукаво отвѣчалъ: первая молельня для Царя, вторая для Богородицы, третья для всѣхъ святыхъ, четвертая для Архангела Гавріила, а пятая для здоровья дѣтей. Кругомъ этихъ молеленъ еще видны были прошлогодніе колья, на коихъ укрѣплены были скамьи, для жертвоприношенія.

Пріятель мой, обнявъ его, сказалъ я: прошу тебя, скажи мнѣ истину, эти священныя деревья, по вашей старой вѣрѣ, какимъ богамъ принадлежатъ? Онъ посмотрѣлъ на меня съ улыбкой и сказалъ: „для кого ты это хочешь знать,

для Царя, или для себя? — Для себя, отвѣчалъ я. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, вдругъ обнявъ меня, сказалъ онъ: дай мнѣ вина и все скажу тебѣ. — Я исполнилъ его желаніе. Вотъ эта высокая сосна, сказалъ онъ, принадлежитъ *Юмъ Кыдырча*, т. е. богу грома; мы просимъ его, чтобъ онъ насъ помиловалъ. Этотъ дубъ принадлежитъ *Юмъ болганча* т. е. богу молніи; мы просимъ его, чтобъ онъ берегъ наши житницы. — Вотъ эта огромная липа посвящена матушкѣ нашей землѣ; а эти сосна и ель св. *леванду* и *Кабъ*, или *Кавъ*, ангелу, передъ Юмой стоящему. Напослѣдокъ онъ, при изъясненіи подобныхъ предметовъ, для меня сталъ непонятенъ, можетъ быть и отъ моего подчиванья. — За чѣмъ ты такъ печаленъ? За чѣмъ ты такъ горько плачешь? спросилъ я моего Черемисскаго тюллегарда, уныло облокотившагося на пень старой липы. „У этаго дерева мой отецъ и еще дѣдушка молились, а Русскіе работники съ недальняго отсюда стекляннаго завода купца Жаркова, это дерево срубили, и содрали кожу со многихъ другихъ, намъ милыхъ, деревъ.

Они молятся въ лѣсу одинъ разъ только въ годъ и это дѣлается обыкновенно предъ Петровымъ днемъ, почему они и называютъ этотъ праздникъ *Петровскимъ*. Изъ многихъ деревень Черемисы собираются въ одно мѣсто въ лѣсу. Напередъ утромъ рано моются дома, не употребляютъ ни какой пищи, одѣваются чисто. Кто изъ нихъ принужденъ отойти въ сторону для натуральной, даже маленькой нужды, тотъ долженъ бѣжать изъ этого, ихъ священнаго лѣса, не менѣе, какъ на полверсты, а потомъ тотчасъ перемѣняютъ рубаху; почему они и берутъ съ собою еще рубашку. Этотъ праздникъ продолжается здѣсь двои сутки; возвратясь въ свои домы, ѣдятъ блины, изъ овсяной муки, приготовленныя женами ихъ, которыя съ дѣтьми въ лѣсу на молитвѣ быть не могутъ. Этимъ и оканчивается ихъ праздникъ *Суремъ*.

Покойниковъ у некрещеныхъ Черемисъ хоронятъ въ лѣсу, недалеко отъ ихъ молельни. Кладутъ ихъ гробъ въ могилу, головою на сѣверъ, а ногами къ югу. Они никакихъ постовъ не наблюдаютъ, а крещеные недовольно понима-

ютъ: многіе изъ нихъ будучи у меня, ѣли мясо въ постные дни.

Зная, что ты большая охотница до розысканія о Царевококшайскихъ Черемисахъ, мнѣ пріятно сообщить тебѣ все, что я могъ касательно этаго уѣзда собрать, по части Статистики. По временамъ я буду къ тебѣ доставлять нѣкоторыя статейки отрывками, чтобъ это тебѣ не наскучило.

Этотъ уѣздъ весь почти покрытъ лѣсомъ, и по мѣрѣ, какъ народъ размножается, особливо Русскіе, уменьшается лѣсъ. Мѣстоположеніе этого уѣзда низменное, болотистое, съ наклономъ къ Волгѣ. Почва песчаная. Тамъ, гдѣ песокъ смѣшанъ съ глиною, производится незначительное земледѣліе; оно недостаточно къ продовольствію жителей, такъ что они принуждены покупать хлѣбъ изъ близь лежащихъ уѣздовъ: Яранскаго и Уржумскаго Вятской Губерніи.

Черемисы населяютъ этотъ уѣздъ съ незапамятныхъ временъ. Они первобытные жители

этихъ лѣсовъ, съ уничтоженіемъ которыхъ и они сами, вѣроятно, уничтожиться могутъ. Татары уже въ позднія времена поселились тамъ изъ Казанской Губерніи, особливо нѣкоторые ихъ Мурзы, получившіе тамъ земли въ награду за военную службу. Чрезъ нѣсколько времени поселились въ тамошнихъ лѣсахъ Русскіе и основали пустыню, во имя Св. Женъ Мироносицъ, съ принадлежавшими тогда къ ней экономическими крестьянами; вскорѣ нѣкоторые дворяне купили у означенныхъ Татарскихъ Мурзъ ихъ земли; вотъ первая помѣщичья тамъ колонія, какъ и твоя деревня. Есть между прочими небольшее число и удѣльныхъ крестьянъ.

Итакъ, въ семъ уѣздѣ живутъ три разные народа: Черемисы, Татары, Русскіе. Всѣхъ же ихъ числится до 60,000 человѣкъ, а каждаго въ особенности:

Черемисъ	33,862.
Татаръ	13,731.
Русскихъ	12,407.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія всѣхъ, находящихся

въ этомъ уѣздѣ народовъ, прилагаю слѣдующую табличку, по 8-й послѣдней ревизіи:

	Мужеск.	Женск.
Черемисъ крещеныхъ	15,223.	16,608.
некрещеныхъ	982.	1,049.
Татаръ ясашныхъ	1,874.	1,855.
Лашманъ	5,323.	4,679.
Русскихъ дворянъ	5.	8.
Духовныхъ	198.	243.
Мѣщанъ	295.	318.
Ясашныхъ крестьянъ	2,388.	2,727.
Удѣльныхъ	2,583.	3,049.
Помѣщичьихъ . . .	702.	810.
Экономическихъ . . .	420.	464.

Пришла мнѣ въ голову одна идея, любезный другъ мой. — Ежелибъ ты вышла за мужъ за Русскаго; то я могъ бы биться объ закладъ, что ты, безъ сомнѣнія, получила бы болѣе дѣтей, нежели сколько теперь имѣешь съ иностранцемъ. Вотъ откуда пришла ко мнѣ эта мысль: я долго занимался моими статистическими разысканіями, чтобъ узнать, какой народъ имѣетъ болѣе плодотворительной силы, и нашелъ, что Русской преимущественно обладаетъ ею. Ежегодные успѣхи въ размноженіи народа чрезвычайно быстры, не смотря на большую смертность новорожденныхъ младенцевъ, каковой ни въ одномъ государствѣ нѣтъ въ такой силѣ, не смотря и на великое число войскъ Россійскихъ.

Теперь приступимъ къ нашей цѣли. Ежегодныя, изъ Царевококшайскаго уѣзда полученныя, извѣстія о новорожденныхъ показываютъ, что Черемисы очень мало умножаются, Татары же гораздо болѣе, а Русскіе чрезвычайно.

Русскіе и Татары живутъ подальше отъ дремучаго лѣса; слѣдственно они не подвергаются

гнилымъ испареніямъ въ стѣсненномъ воздухѣ густыхъ лѣсовъ. Черемисы слабосильны и худо кормлены. Живутъ все лѣто въ дремучихъ лѣсахъ для добыванія мочалъ и лубья и для моченія ихъ въ болотахъ. Употребляютъ пищу сырую и холодную, небольшое количество самаго дурнаго хлѣба, а пьютъ болотную воду. Часто бываютъ они далеко отъ своихъ жилищъ, для стрѣлянія бѣлокъ и рябчиковъ. Тогда они терпятъ голодъ, а питаются только незрѣлыми ягодами и дикими кореньями, или даже сосновыми и еловыми шишками. Мясо бѣлокъ и зайцевъ у нихъ почитается лакомствомъ. Сверхъ сего много они въ дорогѣ терпятъ отъ комаровъ, оводовъ и слѣпней, которые имъ почти не даютъ покоя, не смотря на всегдашнее курево, окружающее, подобно облаку, и служащее имъ защитою. Только Русское вино служитъ для нихъ любимымъ напиткомъ, и оно при употребленіи въ пищу медвѣжьяго мяса и лошадинаго, побуждаетъ ихъ къ амуру.

Сожалѣю, что не могъ найти описи новорожденнымъ и новобрачнымъ Черемисамъ. Тѣ изъ

нихъ, кои крещены, почитаются отъ Русскихъ священниковъ за настоящихъ Русскихъ, слѣдственно и находятся въ общей описи. Не слишкомъ ли это требуется отъ Христіанскихъ обрядовъ? Не то ли это, что ты какъ бы нѣкимъ волшебнымъ жезломъ превращена была въ другой народъ, потому только, что вышла за Нѣмца? Черемисы всегда остаются Черемисами, не смотря на полученное ими Христіанское имя.

Некрещенныхъ Черемисъ считается въ уѣздѣ 982 муж. Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ ежегодно было, полагая среднимъ числомъ, 11 браковъ; самое большее число браковъ было 17 въ 1836 году, а самое меньшее было 8 въ 1833 году, по причинѣ дурнаго урожая.

Татаръ считается въ уѣздѣ 7,309 муж. Въ теченіе послѣдняго семилѣтія вообще ежегодно было браковъ 131. Самое большое оныхъ число въ 1835 было 170, а самое меньшее 101 въ 1833 году.

Всѣхъ же въ этомъ уѣздѣ браковъ, въ продолженіе 10 лѣтъ, считая отъ 1827 до 1837,

было въ самомъ большемъ количествѣ 454, то есть въ 1829 году, по причинѣ хорошаго урожая, а въ самомъ меньшемъ 101 въ 1833.

Въ теченіе десяти лѣтъ, въ цѣломъ уѣздѣ родилось въ большемъ числѣ 1133 муж., т. е. 1827 года, а въ меньшемъ числѣ 940 муж. 1834 года.

Относительно умершихъ, въ 1827 году умерло 884 муж., а въ 1828 году 620 муж. Въ 1833 умерло только 692 муж., не смотря на неурожай хлѣба въ этомъ году. Холеры не было въ цѣломъ уѣздѣ. Изъ младенцевъ, до 2 лѣтъ, умерло половина. Въ 10 лѣтъ, то есть отъ 1827 до 1837 года, всѣхъ умершихъ 7,193 муж. Между ними до двухгодовыхъ дѣтей, было 3,702 мужескаго пола.

Любопытно ли тебѣ знать, каково было приращеніе народа въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, въ теченіе трехъ послѣднихъ ревизій? — Жаль, что не могу тебѣ дать подробное извѣстіе о

умноженіи, или уменьшеніи Черемисскаго народа, потому что въ перечняхъ Казенной Палаты всѣ три народа тамошняго уѣзда вмѣстѣ соединены.

По 6-й ревизіи считалось казенныхъ крестьянъ 21,756 душь. По прошествіи 4 лѣтъ открылась 7 ревизія, и показано тѣхъ крестьянъ 21,316 душь. По прошествіи же 18 лѣтъ, по 8-й ревизіи, найдено было 26,177 душь.

Для дополненія этого маленькаго моего письма къ тебѣ, позволь мнѣ прибавить еще число церквей и деревень Царевококшайскаго уѣзда.

Русскихъ селъ считается 8, а деревень 64; Черемисскихъ селъ 6, а деревень 126; Татарскихъ деревень 47; а всего въ цѣломъ уѣздѣ 251. Тебѣ извѣстно маленькое число хижинъ, составляющихъ Черемисскія деревни. Удивительно, что въ такомъ большомъ пространствѣ такъ мало народонаселенія. Всего городскихъ и сельскихъ церквей считается и съ монастыремъ, только 17; слѣдовательно въ приходѣ у каждой церкви

находится 1,121 муж. Есть приходы, въ коихъ до 2,000 душь, особливо великъ приходъ села Морковъ, заключающій въ себѣ 2,282 души мужес. При такомъ множествѣ прихожанъ, могутъ ли ихъ священники пасти своихъ словесныхъ овецъ отъ волковъ, а именно, отъ двухъ Черемисскихъ жрецовъ, *Микибай* и *Пектубай*, старающихся обратить крещеныхъ Черемисъ къ прежней ихъ вѣрѣ?

Въ Татарскихъ селеніяхъ мечетей каменныхъ 1, деревянныхъ 42; на каждую мечеть приходу 167 душь.

Черемисы держатъ мало скота, и притомъ не въ клѣвахъ, а пускаютъ ночью бродить по улицамъ; слѣдственно не имѣютъ навоза для удобренія своихъ тощихъ полей. Въ лѣтнее время нѣтъ у нихъ пастуховъ. Скотъ бѣгаетъ туда и сюда на волѣ по лѣсамъ и по дорогамъ. Вотъ почему ихъ маленькія, засѣянныя поля обнесены заборами. Лошади у нихъ содержатся худо. Лѣтомъ бродятъ онѣ на паровыхъ поляхъ и въ

*

лѣсахъ, гдѣ оводы, слѣпни и мошки не даютъ имъ ѣсть; а зимою кормятъ ихъ больше соломою, овса же даютъ очень рѣдко, и то только въ случаѣ трудной и продолжительной работы. Отъ этого весною много ихъ пропадаетъ.

Коровы ходятъ безъ всякаго присмотра по полямъ и лѣсамъ. Если корова къ вечеру возвращается сама, то ее доятъ; но когда она назадъ не приходитъ, а остается въ лѣсу; то она нѣсколько дней можетъ быть недоеною. Осенью онѣ бываютъ добычею медвѣдямъ и волкамъ, а зимою, за недостаткомъ клѣвовъ, шатаются по улицамъ, и отъ дурнаго корма изнуренныя, пропадаютъ.

Изъ этого ты довольно можешь видѣть безпечность Черемисъ, составляющую особенное ихъ свойство.

Ты такъ вѣрно и подробно описала Черемисскіе религіозные праздники, что мнѣ почти ничего не остается прибавить къ твоему описанію. Черемисы къ тебѣ, какъ къ женщинѣ, откровеннѣе были болѣе, нежели ко мнѣ. Они недовѣрчивы; боятся, чтобъ мои разысканія о ихъ обрядахъ,

не навели имъ бѣды, не смотря на всегдашнее мое ласковое съ ними обхожденіе.

Я нашелъ въ Губернаторской канцеляріи рапортъ одного Казанскаго Протоіерея, для изслѣдованія, почему крещеные Черемисы пожелали опять обратиться въ прежнее свое язычество. Сообщаю тебѣ причину тому. Заблужденіе крещеныхъ Черемисъ состоитъ въ вѣрованіи многобожію, которое укоренено въ нихъ воспитаніемъ. Это видно было изъ сильнаго упорства многихъ прихожанъ отстать отъ него. Распространители сего заблужденія называются Мужеды, или ворожецы, которые утверждаютъ, будто они узнаютъ волю боговъ отъ нихъ самихъ. Они именемъ тѣхъ боговъ заставляютъ приносить имъ угодныя жертвы. Мужеды употребляютъ къ этому разныя средства, какъ то: устращиваніе — разными бѣдствіями и самою смертію и увѣренія въ силѣ боговъ, живущихъ въ кереметяхъ. Мѣры этѣ употребляютъ они скрытно, и живучи между самыми Черемисами, ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. По этому ихъ узнать никакъ нельзя, развѣ только по слуху, коимъ руководствуясь

церковно-служители села Морковъ, увѣдомили Протопопа о жителяхъ деревни Малыхъ Морковъ, Микибаѣ и деревни Нурьялъ Пектубаѣ, какъ о распространителяхъ язычества между крещеными Черемисами.

Часто я хвалилъ тебѣ простонародный костюмъ Русскихъ женщинъ. И въ самомъ дѣлѣ хорошій сарафанъ возвышаетъ красу прекрасной Россіянки. Но не думай, что это національное Русское платье. Сарафанъ съ принадлежностями своими есть Еврейское платье, поправленное по Греческому вкусу. Когда Греки ввели Христіанскую вѣру въ Россію, тогда съ собою привезли и свою Христіанскую одежду. Славяне имѣли съ Финскими народами одинакую вѣру и одинакій костюмъ. Ежели тебѣ хочется узнать древнее Русскихъ женщинъ платье; то поѣзжай напр. въ Тульскую, или въ Орловскую Губерніи, и тамъ увидишь одинакой костюмъ съ Черемисами и Вотяками.

Промышленность Черемисъ есть слѣдующая: какъ лѣсные жители, они занимаются преимущественно лѣснымъ издѣліемъ. Въ Іюнѣ они берутъ мочала отъ липовыхъ деревъ, которыя сначала мочатъ въ болотной водѣ, для мягкости, а въ Сентябрѣ берутъ ихъ изъ воды. Изъ мочалъ они ткутъ циновки, рогожи и кулье. Искуственные свои продукты привозятъ они, всякой базарной день, особливо зимою, въ Казань. Этотъ торгъ, въ нѣсколько послѣднихъ годовъ, сдѣлался очень важенъ. Казанскіе купцы для этого предмета построили большіе магазины; и цѣна на дома, находящіеся близъ этого базара, значительно возвысилась.

Знатоки увѣряли меня, что Черемисскихъ издѣлій изъ Царевококшайскаго уѣзда и Уржумскаго, Вятской губерніи, ежегодно расходится на Казанскомъ базарѣ, до милліона рублей. — Здѣсь находятся три канатныхъ завода, для коихъ потребно ежегодно до 3,000 пудовъ мочала. Эти канаты идутъ до Рыбинска и до Астрахани, но не такъ прочны, какъ обыкновенные изъ конопли, служащіе, вмѣсто одного, три года.

Пудъ мочала нынѣ стоитъ отъ 60 до 80 копѣекъ. Циновки бываютъ 3-хъ сортовъ: четырехъ-аршинныя, по одному рублю, трехъ съ половиною-аршинныя по 75 коп. и трехъ аршинныя по 45 коп. Сотня простыхъ рогожь отъ 18 до 20 руб. Кулья для набиванія муки сотня 40 руб., а для овса 30 рублей.

Черемисы ничего не даютъ на кредитъ, но на чистыя деньги, особливо цѣлковыми новаго чекана, и за ласковое слово отъ купца, продаютъ товаръ свой дешевле. Для скорѣйшаго окончанія торга, они, подобно Русскимъ, не берутъ вина, а въ трактиръ идти, по приглашенію купцевъ, никакъ не соглашаются. По Субботамъ ввечеру привозятъ свои товары на базаръ, а чрезъ полчаса всѣ отправляются на свой постоялый дворъ, куда купцы приходятъ съ ними торговаться. Къ выдѣлыванію мочала присоединяютъ они еще и выдѣлку лубья, драницъ и тесу на значительную сумму.

Другая вѣтвь Черемисской промышленности есть рубка дровъ и строеваго лѣсу, который

они также привозятъ на базаръ; а еще гораздо болѣе сплавливаютъ его по рѣкамъ Кокшагѣ и Илети.

Черемисы разводятъ множество хмѣлю и продаютъ его большею частію закупщикамъ и пріѣзжающимъ за нимъ изъ разныхъ, даже Сибирскихъ, губерній.

Для Черемисъ, какъ для жителей лѣсовъ, весьма прибыльна звѣриная ловля. Они стрѣляютъ бѣлокъ, зайцевъ, куницъ, лисицъ, медвѣдей, а иногда и оленей, а изъ дичи больше всего стрѣляютъ рябчиковъ, которыхъ привозятъ сами во множествѣ въ Казань.

Въ нынѣшнемъ году пара рябчиковъ продается ими на мѣстѣ отъ 40 до 50 копѣекъ; невыдѣланная медвѣжья шкура одна отъ 20 до 40 рублей; оленья отъ 4 до 5 рублей; лисья отъ 8 до 10 руб.; кунья отъ 10 до 20 руб.; а сотня бѣлечьихъ невыдѣланныхъ шкуръ отъ 20 до 25 руб. Черемисы хорошіе стрѣлки; но они находятъ большое къ сему препятствіе въ

дороговизнѣ пороха и въ трудности достать его.

Нѣкоторые Черемисы нанимаются въ мельники при незначущихъ мельницахъ, коихъ въ этомъ уѣздѣ очень много. Продажа меду и воску у нихъ также незначительна.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ здѣшняго Смотрителя водяной Коммуникаціи записку объ отправленныхъ въ 1837 году изъ города Казани лѣсныхъ издѣліяхъ:

ЗАПИСКА.

Въ числѣ отправленныхъ водою въ 1837 году изъ города Казани лѣсныхъ издѣлій находилось рогожнаго товару.

	Колич.	Цѣна.
Рогожнаго кулья	73885	26533
Рогожь	25490	13223
Циновокъ	347099	118724
Кульковъ мелкихъ	289520	18698
Мочалъ пудовъ	278215	138974
Всего на сумму . . .		316152

Въ путешествіяхъ моихъ по Царевококшайскому уѣзду, я не видалъ много старыхъ Черемисъ; они обыкновенно оканчиваютъ свою жалкую и скучную жизнь на пятидесятыхъ годахъ. Ихъ сухое, изнуренное тѣло, худая, сырая пища, болотная вода, нечистоплотность, дымныя избы, особливо страсть къ пьянству, прекращаютъ ихъ жизнь раньше, нежели у другихъ народовъ. Они особенно страдаютъ глазными болѣзнями, которыя очень часто причиняютъ имъ слѣпоту. Умираютъ же большею частію отъ ревматизма и сухотки. Множество ихъ дѣтей пропадаетъ отъ поноса, оспы, кори и коклюша.

Я всегда крайне старался узнать въ моихъ путешествіяхъ народные нравы. Это самый любопытный предметъ нашихъ изысканій. Но безпристрастная и вѣрная этнографія требуетъ большаго старанія и времени, и даже нѣкотораго искуства войти въ довѣренность у необразованныхъ, полудикихъ народовъ.

Привожу себѣ на память, во время моего

путешествія по Уржумскому Вятской Губерніи уѣзду, одно произшествіе. Проѣздомъ чрезъ Вотякскую деревню, я скоро нашелъ, что хозяинъ, у котораго я остановился, еще небылъ въ числѣ крещеныхъ. Я немедленно рѣшился остаться на ночь и на слѣдующій день въ домѣ, чтобъ ближе съ нимъ познакомиться. За самоваромъ я потчивалъ моего хозяина чаемъ, а за ужиномъ виномъ, и употреблялъ все мое краснорѣчіе, чтобъ преклонить его къ принятію Христіанской вѣры, для его же собственной пользы между Русскими. Хозяинъ мой слушалъ меня почти всю ночь, не сказавъ мнѣ ни одного слова. Уставши отъ моего большаго усердія къ обращенію его, и думая, что уже его убѣдилъ къ тому, вдругъ получилъ я отъ него слѣдующій отвѣтъ, произнесенный имъ съ раздраженнымъ лицемъ: „я думалъ, что ты другъ нашего народа, но теперь вижу, что ты не таковъ.“ Не довольно ли, что . . . . .

По свѣденіямъ, доставленнымъ изъ Царевококшайскаго Духовнаго Правленія, оказывается въ городѣ Царевококшайскѣ и въ его уѣздѣ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, въ сложности му-

жескаго пола 56, женскаго 16, всего 72 человѣка. По числу рекрутъ, поступающихъ съ уѣзда, съ вѣроятностію полагать должно, что большая часть не отъ брака рождены женами рекрутъ, поступившихъ на службу. Обыкновеніе Черемисъ, при поступленіи въ рекруты, позволять женамъ своимъ имѣть сожитіе съ ближайшими родственниками, чего они, не смотря на всѣ убѣжденія Духовенства, не почитаютъ грѣхомъ, служитъ вѣрнѣйшимъ тому доказательствомъ.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, во всемъ уѣздѣ совершено самоубійствъ мужескаго пола одиннадцать. Самоубійцы всѣ удавленники. Скоропостижно умершихъ отъ пьянства 167 человѣкъ. Приверженность какъ Русскихъ, такъ и Черемисъ къ горячимъ напиткамъ причиною столь великаго числа опившихся.

Подсудимыхъ находилось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ: по *смертоубійству:* казенныхъ поселянъ и удѣльныхъ крестьянъ 27 человѣкъ. Изъ числа подсудимыхъ за смертоубійство находилось 9, учинившихъ убійство неумышленно,

въ дракѣ. *Церковныхъ татей* вовсе не было. Судимыхъ за *грабежъ* и *воровство*: мѣщанъ 3 человѣка, крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ 826, помѣщичьихъ крестьянъ 18. По *лихоимству*: мѣщанъ 3, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ 24 человѣка. По *пристанодержательству*: мѣщанъ 1, казенныхъ крестьянъ 48 человѣкъ. По *членовредительству*: казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ 9 человѣкъ, помѣщичьихъ 1 человѣкъ. По *прелюбодѣянію*: казенныхъ и удѣльныхъ 12 человѣкъ. По *отлучкѣ безъ письменныхъ видовъ*: казенныхъ и удѣльныхъ 14 человѣкъ, помѣщичьихъ 2. По *дракѣ* и другимъ маловажнымъ проступкамъ: мѣщанъ 9, казенныхъ поселянъ и удѣльныхъ крестьянъ 333 человѣка, помѣщичьихъ крестьянъ 4 человѣка, въ 10 лѣтъ на вышеозначенное число душъ обоего пола каждаго званія. За *порубку лѣсовъ*: купцевъ и мѣщанъ 5 человѣкъ, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ 242 человѣка, помѣщичьихъ одинъ крестьянинъ, въ тоже время и на тоже число душъ обоего пола каждаго званія. Всѣхъ же подсудимыхъ находилось, по сложности десяти лѣтъ ежегодно: мѣщанъ 21

на 241 душу обоего пола сего званія, казенныхъ поселянъ и удѣльныхъ крестьянъ 1,536 на 60,000 душъ обоего пола, помѣщичьихъ крестьянъ 25 человѣкъ на 1,500 обоего пола.

Самое большое число подсудимыхъ за порубку лѣса. Полагать должно, что это преступленіе дѣлалось или по крайней нуждѣ, или по невѣдѣнію запрещенія, по прежней привычкѣ, или даже по допущенію самихъ лѣсныхъ чиновниковъ. Нынѣ поселяне, кажется, почувствовали всю тягость послѣдствій и пользы законовъ, дѣйствующихъ изъ одного страха, а не по убѣжденію, неимѣющихъ ближайшаго и строгаго надзора за ихъ поведеніемъ: — мало между ими встрѣчается случаевъ, противныхъ благоустроенному обществу. Желательно, чтобы прекратилась кража лошадей, часто случающаяся и столь разорительная для поселянъ. Этого рода воровство обратилось въ промыселъ, и проходитъ большею частію безъ обличенія виновныхъ, которые успѣваютъ сдать лошадей въ ближайшіе уѣзды и укрыться отъ наказанія, оставшись только въ подозрѣніи у обывателей. Симъ кра-

жамъ много способствуютъ, какъ лѣсныя мѣста, такъ и непривычка имѣть при лошадяхъ и коровахъ пастуховъ. Татары нанимаютъ за порядочную плату пастуха; но не для паствы лошадей, а единственно для сбереженія ихъ отъ воровства.

Между Черемисами и Татарами есть порокъ, противный общей пользѣ и враждебный ихъ собственному благосостоянію. Бѣдные изъ нихъ ежегодно нанимаются, по сосѣдству, въ работники; берутъ впередъ деньги, на уплату податей; и потомъ, или не выполняютъ своихъ обязанностей, или покидаютъ хозяевъ въ самое нужное время полевыхъ работъ, подъ предлогомъ собственныхъ домашнихъ занятій, а болѣе болѣзни. Такого рода обманъ между поселянами дѣлаетъ разстройство въ производствѣ сельскихъ работъ, и по недовѣрію затрудняетъ бѣдныхъ поселянъ въ пріисканіи мѣстъ.

Вообще поселяне Царевококшайскаго уѣзда, даже и самые Черемисы и Татары, смирны; но послѣдніе злы, мстительны, неблагодарны,

часто непослушны и легковѣрны. Бойкій изъ Черемисъ и знающій хорошо Русскій языкъ человѣкъ, или такъ называемый ими *каштанъ*, міроѣдъ изъ корысти, или по другимъ видамъ, можетъ управлять ими и подвигнуть ихъ на поступки буйные, и тогда не легко открыть Черемисамъ ихъ заблужденіе и обратить ихъ къ справедливости.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ Царевококшайскомъ тюремномъ замкѣ содержалось подъ стражею 394 человѣка обоего пола. Какъ изъ нихъ большая часть были пересылаемы изъ другихъ мѣстъ, то вѣрнаго заключенія о числѣ содержащихся, въ сравненіи съ народонаселеніемъ Царевококшайскаго уѣзда, по десятилѣтней сложности, сдѣлать не возможно.

Неплатежъ въ срокъ долговъ даетъ поводъ заключать о безпечности, несостоятельности и частію объ умышленномъ уклоненіи заемщиковъ отъ платежа денегъ. Черемисы вообще, изключая малаго числа достаточныхъ, по свойственной имъ лѣни и безпечности, всячески старают-

ся уклоняться отъ уплаты заимообразно взятыхъ ими, для платежа податей и собственныхъ надобностей, денегъ; а болѣе всего они неустойчивы въ подрядахъ, относительно промышленности, какъ то: вырубки бревенъ и дровъ, срочной поставки мочалъ и лубьевъ и тому подобнаго, по контрактамъ, даже и съ казною заключаемымъ. Отъ сего бываютъ каждогодные, иногда довольно значительные и по поручительству и одобреніямъ цѣлыхъ мірскихъ обществъ, иски.

Изъ сравненія подобныхъ преступленій и подсудимыхъ по онымъ, съ числомъ находящихся въ другихъ уѣздахъ, можно будетъ сдѣлать заключеніе о нравственности жителей Царевококшайскаго уѣзда. — Здѣсь замѣтить надобно, что, не смотря на значительное число казенныхъ поселянъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, большею частію, иноплеменцевъ, непонимающихъ общественныхъ обязанностей, открыть Черемисамъ ихъ заблужденія и обратить ихъ къ справедливости очень трудно.

Тебѣ извѣстно стараніе мое собирать матеріалы для этнотрафическихъ картинъ. Для твоего любопытства сообщаю тебѣ маленькія таблички, на 3 послѣдніе года, о разныхъ преступленіяхъ. Болѣе къ тебѣ объ этомъ писать значило бы возбуждать твою чрезвычайную чувствительность. Ты увидишь однакожь, что твои Черемисы менѣе преступны, нежели другіе народы Казанской губерніи.

Роды преступленій.									
Самоубійство.	Убійство.	Отцеубійство.	Дѣтоубійство.	Братоубійство.	Грабительство.	Святотатство.	Воровство.	Поджогъ.	Изъ какихъ народовъ преступники.
23	17	3	—	1	5	1	3	1	Русскіе.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	Мордва.
26	3	1	2	—	2	—	8	—	Чуваши.
2	—	—	—	—	1	—	—	—	Черемисы.
1	—	—	—	—	—	—	—	—	Вотяки.
2	8	—	—	—	1	1	3	—	Татары.
4	—	—	—	—	—	—	1	—	Неизвѣстные.
58	28	4	2	1	9	2	15	1	

I.

Самоубійство.

Изъ 58 самоубійствъ, совершившихся по Казанской губерніи въ продолженіе 1834, 1835 и 1836 годовъ, 4 произошли отъ отчаянія, до котораго доведены были самоубійцы недостаткомъ средствъ къ пропитанію семействъ, невозможностію заплатить казенныя недоимки, и вообще крайнею бѣдностію; 6 произошли отъ страха наказанія, большею частію, за незначительные проступки. Этѣ двѣ причины лишенія собственной жизни замѣчены въ Чувашахъ, — народѣ слабоумномъ и робкомъ; 4 самоубійства были слѣдствіемъ пьянства, — источника зла. Здѣсь видны Русскіе. 4 самоубійства, послѣдовали отъ безотчетной задумчивости, удручавшей несчастныхъ предъ совершеніемъ преступленія. 10, совершенныхъ частію въ припадкѣ горячки, частію въ минуты нестерпимыхъ физическихъ страданій, претерпѣваемыхъ низшимъ классомъ народа, въ различныхъ болѣзняхъ, при

недостаткѣ медицинскихъ пособій. 13 самоубійствъ совершено въ помѣшательствѣ ума. Задумчивость, болѣзни и разстройство ума причины, общія всѣмъ народамъ. — Одинъ Казанскій мѣщанинъ удавился, оставивъ послѣ себя записку, въ которой извѣщалъ, что ему наскучила жизнь, и потому онъ рѣшился ее оставить. Причина прочихъ самоубійствъ осталась неизвѣстною.

II.

Убійство.

Изъ 28 убійствъ, 6, совершенныя частію Татарами, частію же Русскими, произошли въ ссорѣ, и вообще въ порывѣ гнѣва; 9 имѣли цѣлію корысть. Этѣ убійства, за изключеніемъ одного, учиненнаго Татариномъ, всѣ совершены Русскими. 2 учинены женами, съ цѣлію избавиться отъ мужей, а 3 съ такимъ же намѣреніемъ совершены мужьями. Въ убійствахъ этого рода болѣе замѣчательны Татары; только одна Русская крестьянка отравила своего мужа.

III.

Отцеубійство.

1) Отцеубійство совершено изъ корыстолюбія. Внукъ захотѣлъ воспользоваться имѣніемъ дѣда, и—убилъ его.

2) Было послѣдствіемъ злости и безнравственности сына, котораго отецъ хотѣлъ исправить наказаніемъ.

3) Совершено сыномъ, озлобившимся на отца за лишеніе наслѣдства.

4) Произошло отъ ненависти, которой предался преступный сынъ, замѣтивъ въ родителяхъ предпочтеніе къ брату. Въ этомъ ужасномъ преступленіи, совершившемся въ Чистопольскомъ уѣздѣ, злодѣй умертвилъ отца, мать и брата.

IV.

Дѣтоубійство.

Оба дѣтоубійства, показанныя въ вѣдомости, совершены Чувашскими дѣвками съ цѣлію скрыть рожденныхъ ими младенцевъ.

V.

Грабительство, святотатство и *воровство.*

Эти преступленія имѣли цѣлію корысть.

VI.

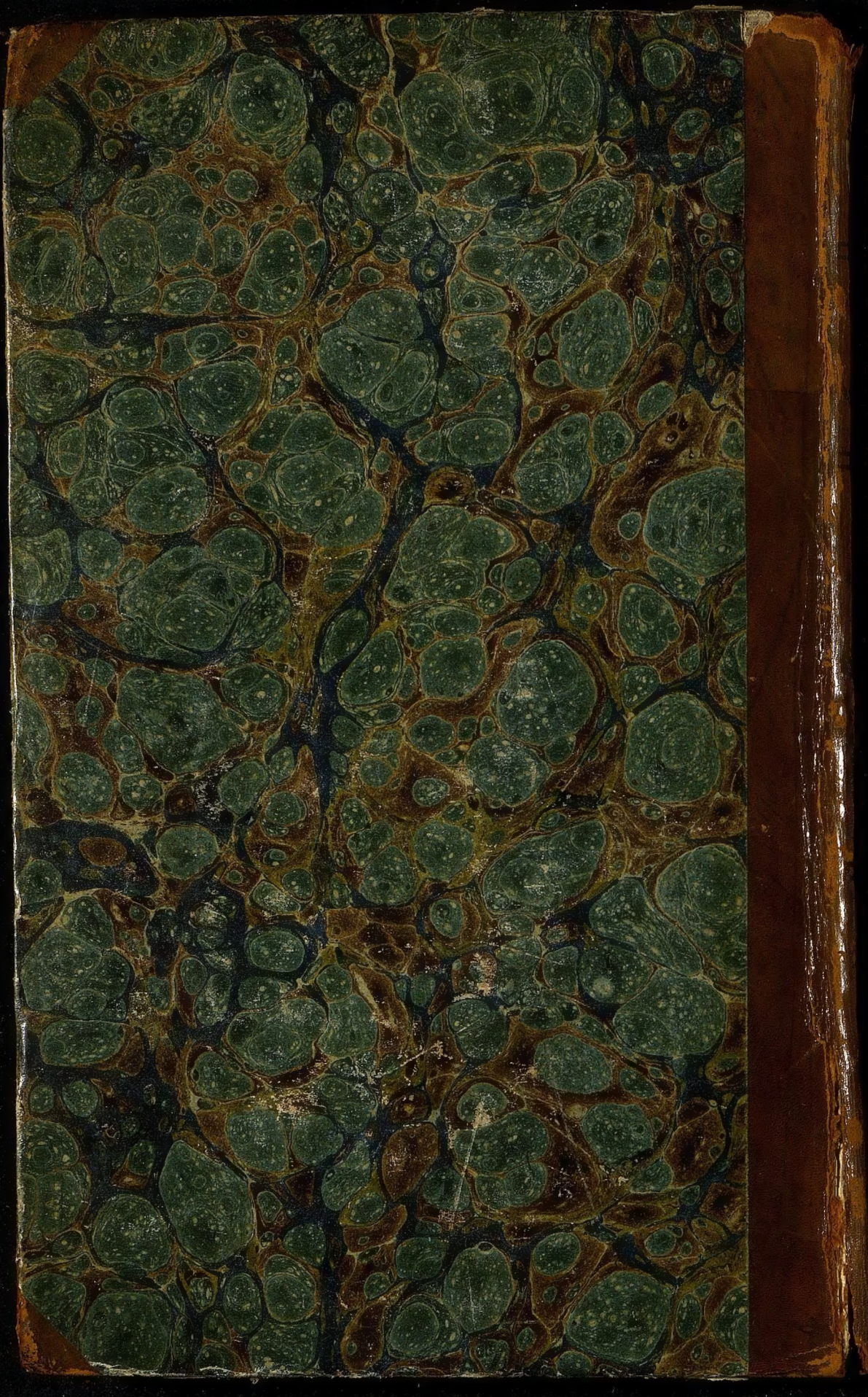
Поджогъ учиненъ изъ мести.

Неимѣя достаточнаго о Черемисскомъ языкѣ понятія, я не могу тебѣ точно и вѣрно изобразить сродство его съ языкомъ Финскимъ и Татарскимъ. Есть Грамматика Черемисская, напечатанная въ С. Петербургѣ, въ 1775 году. Однакожъ я передаю тебѣ переводъ молитвы Господней на Черемисскомъ языкѣ, заимствованный изъ перевода Евангелія, на ихъ же языкъ, печатаннаго въ С. Петербургѣ, въ 1821 году, стр. 13, съ подстрочннымъ подписаніемъ Россійскаго Текста:

Атя мямнанъ пію̂львильнша! люмъ тынинъ Отецъ нашъ, облакъ-на-сущій, имя твое *святой* лиже; толже тынинъ кугижанышъ, святое да будетъ, да придетъ твое царство,

тынинъ *воля* лиже, куце пiюльвильна,
твоя воля да будетъ, какъ небѣ—на,
теньге сандалыкъ вильнатъ. Сукурамъ
такъ свѣтѣ на——и. Хлѣбъ
мямнанамъ *кажна*кечалтамъ пуямя
нашъ каждодневно-сущій дай
мяляна тагаче. *Простемя* мяляна
намъ сегодня. Прости намъ
кюсинъ налемамъ теньгежа, куце и мя
въ долгъ взятое также, какъ и мы
простека кюсинъ нальшавлялань.
прощаемъ въ долгъ взявшимъ.
Итпурта мямнамъ ясашка, атара
Не пускай насъ несчастія—во, избавь
мямнамъ кельтэмятъ — гыцъ. Тынинъ
насъ враговъ — отъ. Твое
вѣтъ кугижанышъ и тынинъ куатъ,
вѣдь царство и твоя сила,
тынинъ *слава* курумъ питэмешка.
твоя слава вѣка окончанія—до.
Кирокъ.
Истинно.

Еще посылаю къ тебѣ куріозную статью о скоропостижно умершихъ отъ пьянства, по Казанской Губерніи, въ продолженіе 1834, 1835 и 1836 годовъ.

Гдѣ случилась смерть.		Изъ какого народа скоропостижно умершіе.						
		Изъ Русскихъ.	Изъ Мордвы.	Изъ Чувашъ.	Изъ Черемисъ.	Изъ Татаръ.	Изъ Вотяковъ.	Изъ неизвѣстныхъ.
Въ городѣ Казани.		14	—	—	—	—	—	—
Въ уѣздахъ.	Казанскомъ	8	—	—	—	1	—	—
	Свіяжскомъ	1	—	—	—	—	—	—
	Ядринскомъ	3	—	9	—	—	—	—
	Цивильскомъ	2	—	18	—	1	—	—
	Чебоксарскомъ . . .	3	—	2	—	—	—	—
	Козмодемьянскомъ .	1	—	4	2	—	—	1
	Тетюшскомъ	3	1	1	—	—	—	—
	Мамадышскомъ . . .	2	—	—	—	4	2	—
	Лаишевскомъ	4	—	—	—	—	—	—
	Царевококшайскомъ	5	—	—	15	—	—	—
	Чистопольскомъ . . .	8	1	3	—	2	—	1
	Спасскомъ	2	—	2	—	—	—	—
Итого . . .		56	2	39	17	8	2	2

Всего 126 человѣкъ. — Изъ 126 человѣкъ, скоропостижно умершихъ отъ пьянства, 19 женщинъ; прочіе 107 мужескаго пола.